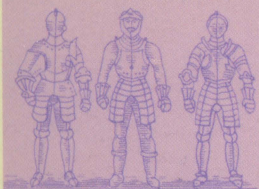

история/география/этнография

История
рыцарского вооружения

Вячеслав Шпаковский

История рыцарского вооружения

Вячеслав
Шпаковский

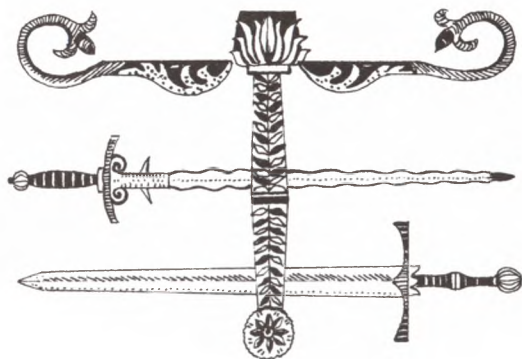

Ломоносовъ
издательство

Вячеслав Шпаковский

История рыцарского вооружения

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2013

УДК 94(4)“476/1600”
ББК 63.3(0)4
Ш83

*Том Витовт
Vytautas & Kaitis*

Иллюстрации И. Тибиловой

ISBN 978-5-91678-164-9

© В. Шпаковский, 2013

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2013

Рыцари... Благородные и не очень, добрые и злые, защитники слабых и обездоленных, жестокие грабители и притеснители бедняков, поэты-трубадуры и безграмотные невежды, обжоры и выпивохи. Такими мы их представляем — ну а еще мы знаем, что рыцари сражались верхом на могучих конях и были «закованы» в тяжелые доспехи. Как правило, на этом познания неспециалистов и заканчиваются. Но ведь самое интересное обычно кроется в подробностях.

В этой книге мы как раз и попытаемся вникнуть в детали. А поскольку мы будем опираться на материалы, собранные англоязычными исследователями, то эта книга станет еще и своеобразным путеводителем в мир современной — и очень интересной — англоязычной историографии рыцарского вооружения, охва-

тывающей время от зарождения рыцарства и до самого его конца.

Почему именно англоязычной? — спросите вы. Да просто потому, что англоязычные исследователи лидируют в освещении этой темы и им принадлежат основные исследования на этот счет. И кстати, именно в Англии находятся богатейшие — лучшие в мире — музеи рыцарского вооружения.

Глава первая Когда рыцарей еще не было

Понятие «рыцарь» не только военное, но и социальное. Да, конечно, рыцари отличались от многих других воинов своим вооружением, однако не оно являлось для их статуса определяющим.

Воинов, носивших доспехи, во все времена было очень много, но вот рыцарями были, конечно, не все! И если мы могли бы перенестись в далекое прошлое, то, скорее всего, обязательно заметили бы, что все атрибуты рыцарства — доспехи, оружие, определенный кодекс поведения — существовали задолго до самих рыцарей. То есть доспехи, подобные рыцарским, у людей имелись, а вот самих рыцарей еще не было! Это первое; а второе — это то, что рыцари существовали не только в Западной Европе, как об этом обычно говорят, вернее — пишут в учебниках! В Средние века воины, подобные рыцарям, разезжали по всей Евразии. И даже в Центральной Америке в доколумбову эпоху были воины, образ жизни которых очень похож на рыцарский.

Что же до первых образцов рыцарского вооружения, то они и вовсе появились очень и очень давно...

Кузнец и воин Отци

В 1991 году в Альпах, в долине Этцаль, на высоте 2310 метров над уровнем моря было обнаружено вмерзшее в лед тело человека, сохранившееся на удивление очень хорошо. Возраст находки определили в пять тысяч лет. Назвали человека по месту обнаружения Отци. Рост его составлял 158 сантиметров, вес около 50 килограммов. Умер он примерно в тридцать лет, причем состояние его здоровья перед смертью было плачевным: зубы гнилые, позвоночник поврежден, нос и ребра сломаны, а мизинец на ноге обморожен. Возможно, он забрался в горы, чтобы спастись от врагов, да так и замерз, обессилив, в горной расщелине. Помимо удобной и практичной одежды археологи нашли при нем лук, стрелы (хотя они и были явно недоделанными), а еще кинжал и топор, сделанные из меди, то есть во время жизни Отци люди уже умели обрабатывать металл! Анализ микроэлементов в волосах показал высокое содержание в них мышьяка, меди, марганца и никеля, так что, скорее всего, этот древний человек в своем племени был кузнецом. Ну, а в горы он убежал, явно пытаясь спастись от врагов, напавших на его селение.

В общем, совершенно очевидно, что войны с применением металлического оружия велись в Европе уже в медно-каменном веке, когда наши предки научились плавить металл! И скорее всего, уже тогда появились люди, сознательно посвятившие себя профессии воина; подтверждение этому мы находим в сообщениях испанских конкистадоров, столкнувшихся с культурой медно-каменного века во время завоевания индейских государств на территории Центральной Америки.

Воины «народа орла и кактуса»

Начнем с того, что воевали жившие там ацтеки и майя прежде всего ради захвата пленников, необходимых для того, чтобы пролить их кровь на алтари богов. Считалось,

что боги отдали свою кровь, чтобы создать солнце, и без новых кровавых жертв оно умрет. Богам приносили в жертву и юношей, и красивых девушек, но в первую очередь военнопленных — соплеменников жрецы ацтеков и майя берегли на самый крайний случай.

Война у ацтеков и майя была уделом избранных, то есть касты воинов, попасть в которую рядовому земледельцу было не так-то и легко. Жрецы учили, что мертвый враг никому не нужен и ценности не представляет, в вот живой пленник — и чем знатнее, тем лучше — это как раз то, что нужно, потому что чем больше пленных, тем больше милость богов. Статус воина зависел от того, как много врагов было взято им в плен, а подчеркивалось это соответствующей одеждой и боевыми уборами.

Вне строя, когда в боевом облачении не было нужды, и рядовым воинам и командирам полагалось носить особый плащ-тильматли, скреплявшийся на правом плече и свободно свисавший вдоль тела. Украшением плаща воина, у которого на счету был один пленник, являлись цветы. Два пленника обозначались оранжевым тильматли с полосатой каймой, и так далее. То есть чем выше был ранг у воина, тем более сложный узор украшал его плащ, тогда как простым людям запрещалось носить даже простые украшения! Зато в награду за пленных воины получали от вождя украшения из золота и нефрита и сразу становились богатыми, а главное, уважаемыми в общине людьми.

Что же касается оружия воинов ацтеков и майя, то в их арсенале самым массовым, простым и доступным оружием была праща, при помощи которой они метали небольшие овальные камни на расстояние до 180 метров. Применялись также луки из орешника или ясеня и стрелы из веток калины. Однако и лучники, и пращники никогда не использовались в качестве основных сил, так как их легко рассеивали воины в тяжелом вооружении.

Самое древнее оружие мезоамериканских индейцев — это копье; так было, в общем-то, и у других народов. Но только у индейцев копье дополнялось специальным устройством-копьеметалкой, которое называлось «атлатль». Атлатль представлял собой палку с желобом, проходившим по всей ее

длине, с упором на конце и двумя выступами по обеим сторонам с отверстиями для пальцев. Копье укладывали в этот желоб, после чего атлатль резко дергали вперед движением, похожим на взмах кнута. В результате копье летело в цель с силой, раз в двадцать превышавшей силу обычного броска! Примечательно, что это оружие очень часто изображалось в руках богов, — столь, видимо, эффективным считалось оно у индейцев.

Широко применялись дубинки и боевые топоры, в том числе и изготовленные из кованой меди. Однако главным оружием ацтеков и майя был плоский деревянный (да-да, не удивляйтесь!) меч — макуатвиль, — с виду очень похожий на наш старорусский валец для отбивания белья во время стирки. Вот только края его были усеяны полосками обсидиана — вулканического стекла бритвенной остроты. Оружие это стало по-настоящему популярным у индейцев именно в эпоху массовых человеческих жертвоприношений, и как раз потому, что им можно было одновременно серьезно ранить противника и оглушить его, что зависело от того, какой стороной наносился удар. Копья для рукопашной схватки тоже имели наконечники из дерева со вставленными в них обсидиановыми лезвиями, такими копьями с одного удара можно было нанести тяжелую рану, но не убить.

Соответствовали оригинальному оружию индейцев и столь же оригинальные доспехи. Прежде всего это были плетеные щиты чималли, хорошо державшие удар деревянного меча и дополненные снизу полосками ткани или кожи для защиты ног. Щиты щедро украшали перьями и медью, причем узор на них соответствовал рангу владельца щита. Шлемы делали из дерева, часто в виде головы орла — у воинов-«орлов» или головы ягуара — у воинов-«ягуаров». Воин в таком шлеме смотрел через пасть зверя, с которым, по верованиям ацтеков, составлял одно целое. Для защиты тела и конечностей использовались толстые стеганые куртки без рукавов, набитые просоленной ватой, — ичкауипилли, похожие на наш современный бронежилет «мягкого типа», а также браслеты и наголенники из дерева, кожи и коры, иногда усиленные металлом. Соленая вата использовалась прежде

всего потому, что пластинки обсидиана тупились на кристалликах соли.

Когда юноша только вступал в армию, он обычно имел всего одну набедренную повязку, сандалии и простой домотканый плащ. Но стоило ему взять в плен хотя бы одного врага, как он сразу получал ичкауипилли, сначала простой, а затем — после взятия двух пленных — расшитый разноцветными перьями, и такой же колпак. Взятый четырех получал наряд и шлем в виде головы ягуара, ну а в дальнейшем еще и награждался убором из перьев священной птицы кетсаль. Командиры подразделений тоже носили соответствующие их рангу одеяния, так что определить в бою, кто есть кто, индейцам была так же легко, как и солдатам современной армии при взгляде на погоны.

Ацтеки и майя были признанными мастерами военного дела. Они даже проводили химические атаки на неприятеля, сжигая на жаровнях различные ядовитые растения, в частности стручки красного перца, дым от которых разносился по ветру. Сигналы передавали при помощи дыма, ударами в барабаны и даже подобием гелиографа — солнечного телеграфа, используя для этого зеркала сделанные из полированного пирита.

Сражения начинались с выкрикивания угроз и оскорблений, причем воины при этом демонстративно обнажали зад и гениталии — лишь бы только заставить врагов нарушить строй! Вслед за этим следовало метание стрел и камней, после чего легковооруженные воины отходили назад и уступали место воинам с мечами, которые бросались на врага бегом, прикрываясь щитами. Командиры при этом находились сзади и подавали команды свистками.

Врагов, как уже отмечалось, старались не убивать, что, впрочем, позднее оказалось только на руку испанским конкистадорам. Индейцев из других племен, знавших, что в случае поражения их ожидает жертвенный камень, часто заранее парализовывал страх, тогда как испанцы напротив, сражались с отчаянным мужеством и убивали каждого, кто к ним приближался, чтобы взять в плен. К такой войне индейцы оказались морально не готовы, а перестроиться на иной лад

не успели и в итоге проиграли лучше вооруженным, а главное, психологически иначе настроенным европейцам¹.

Для нас в описании воинской жизни индейцев важно прежде всего то, что воины, принадлежавшие к привилегированному слою, так же, как и западноевропейские рыцари, составляли особую касту со своими обычаями и правилами и имели свою собственную геральдику, обозначающую их успехи на поле сражения. Так что, если вдуматься, воины «народа орла и кактуса» (так называли ацтеки сами себя), несмотря на иной уровень развития цивилизации и различия, вызванные религиозными воззрениями, во всем остальном походили на своих завоевателей испанцев, среди которых было множество рыцарей.

«Человек из кургана Кустарника»

Однако обратимся к Европе, где на территории Великобритании, вблизи маленького городка Уилтшир, была сделана очень интересная находка, относящаяся к эпохе создания легендарного Стоунхенджа. Здесь в кургане Кустарника, как местные жители называют холм в окрестностях Уилтшира, были найдены останки человека, который является, по мнению английских историков, древнейшим военачальником на земле. Его так и назвали — «Человек из кургана Кустарника»². По-видимому, он был какой-то значительной личностью, потому что среди обнаруженных в погребении предметов есть изделия не только из меди и бронзы, но и из золота.

Среди находок два кинжала из бронзы и меди с лезвиями треугольной формы, которые к рукоятке крепились при помощи заклепок. Головка ручки меньшего из них была инкрустирована кусочками тонкой золотой проволоки. Причем узор составили столь искусно, что просто непонятно, каким образом все это сделали без применения сильной оптики! На поверхности обоих кинжалов обнаружена органика; скорее всего это следы дерева и шерсти —

носили их, видимо, в деревянных ножнах, обтянутых кусками шкуры.

Рядом с останками был найден обух небольшого топора из меди, который также был в кожаном чехле; видимо, топор привешивали к поясу. От обтянутого кожей шлема и щита осталось всего несколько бронзовых заклепок и бронзовый крюк. На груди лежала ромбовидная пластинка из золота, украшенная геометрическим орнаментом. Другой такой же ромбик украшал несохранившиеся ножны большого кинжала, а на поясе была золотая пряжка. Рядом с правой рукой мужчины нашли каменную головку жезла в форме яйца, изготовленную из окаменевшей раковины и просверленную насквозь, чтобы крепить ее на деревянную рукоять. Сама рукоять не сохранилась, но какой она была, можно судить по сохранившимся костяным и золотым деталям.

Оказалось, впрочем, что предметы, найденные в кургане Кустарника отнюдь не уникальны. Очень похожие нагрудная пластинка и полированная головка жезла найдены в захоронении в кургане Клэндон в графстве Дорсет. Там же в кургане №7 обнаружены кинжал и головка топора, причем головка кинжала также была декорирована узором из тонких золотых проволочек. Позже было обнаружено захоронение в Норфолке почти с такой же пластиной и бронзовым кинжалом, украшенным золотом. То есть налицо тип культуры, получивший от британских археологов название «культуры Уэссекса», с единой для нее «модой» на погребение. По остаткам одежды, сохранившимся в одном из захоронений, удалось реконструировать внешний вид погребенного. Оказалось, что он был одет в длинные штаны до щиколоток, кожаную обувь наподобие мокасин и длинный кафтан из шерсти. На голове у него могла быть кожаная шапочка, обшитая золотыми бусинками. То есть одет он был просто, но функционально.

Сегодня нас не удивляет, что одежду мы носим, сшитую в Китае, пользуемся компьютерами, собранными в Юго-Восточной Азии, а мясо и кур к нам завозят из США. А вот как обстояло дело с международной торговлей в далекой древности? Знакомство с культурой Уэссекса отчасти помогло

решить эту загадку, хотя вопросов у ученых меньше не стало. Выяснилось, что сырье для жезлов находили на другом конце Британии, а золото происходило из Ирландии, хотя сами предметы были изготовлены на месте.

Кинжалы, найденные в Британии, очень похожи на те, что были найдены в Северной Франции. Янтарные чаши и бусины однозначно указывают на торговлю с регионом Балтийского моря. Но вот целый ряд предметов несет на себе влияние микенской культуры Греции, и это уже трудно объяснить. Как древние греки — купцы (или послы, кто знает?) добрались до Туманного Альбиона, а главное — для чего это им понадобилось?

Как бы там ни было, а, основываясь на тождественности многих предметов из погребения, единых для культуры Уэссекса и древних Микен, английские историки сделали вывод, что «Человек из кургана Кустарника» вел своих воинов в битву, стоя на колеснице, как это делали герои Гомера, например — тот же Агамемнон или Одиссей! Кстати, сохранились датские фрески, показывающие вождей на колесницах; следовательно, так оно было! Но сами колесницы использовались главным образом как средство передвижения, а подавляющее большинство сражений в бронзовом веке происходило, как это и описано в «Илиаде», — в пешем порядке.

В британских захоронениях археологи нашли несколько щитов — как из бронзы, так и из кожи. Один из них состоял из семи слоев пропитанной воском кожи — такой же «семикожный» щит описан и в «Илиаде». Ученые решили проверить его боевую эффективность и сделали реплику такого щита. Выяснилось, что при ударе по нему точная копия древнего бронзового меча оставляет незначительные следы и не может ни разрубить его, не проткнуть! Конечно, иметь такое защитное снаряжение мог позволить себе не каждый. Этот щит, как и «принадлежащие» одному покойнику несколько кинжалов, изготовленные по единой технологии и, несомненно, в каком-то одном центре, жезл и нагрудная золотая пластинка, — все вместе свидетельствуют о развитой иерархии отношений в Англии в эпоху строительства Стоунхенджа. То есть военная элита существовала уже тогда!

Мушкетеры бронзового века

Удивительно, но первые медные, а затем и бронзовые ножи и кинжалы имели не металлическую, отлитую либо откованную заодно с клинком, а деревянную рукоять, к которой клинок приделывался на... заклепках! Такие ножи в Европе встречались повсеместно; затем во множестве появились длинные, более 70 сантиметров, колющие мечи с узкими ромбовидными клинками. Зачем древним кузнецам понадобилось придавать мечу такую странную и специфическую форму? Ведь хорошо известно, что, хотя колотые раны и опасны, резаные и рубленые куда быстрее ослабляют противника, поскольку способны вызывать сильное кровотечение. Недаром со временем все колющие штыки в армиях мира были заменены штыками-кинжалами, приспособленными к нанесению широких резаных ран! И древние мастера не могли не знать ограниченных свойств колющего оружия, но почему-то выбрали для длинного меча именно эту форму. Интересно и то, что древние кузнецы мечи явно отливали, а не ковали!

Древние египтяне сражались копьями, топорами и каменными булавами, но мечей у них не было, а имелись кинжалы. Ассирийцы и вавилоняне тоже пользовались кинжалами, хотя у них уже были и короткие мечи. В Европе мечи, причем именно длинные и именно колющие, использовали и древние ирландцы, и греки крито-микенской эпохи — между 1500 и 1100 годом до н. э. они распространились очень широко!³ В Ирландии, например, их обнаружили во множестве, и теперь они находятся в экспозиции целого ряда британских музеев и частных коллекциях. Уже упоминалось о таком мече, выловленном прямо в Темзе; другие, очень похожие на него, археологи нашли в Дании и на Крите! Там же, на Крите, и в Микенах найдены тяжелые мечи-рапиры, и все они имели крепление клинка к рукоятке на заклепках. Такими мечами сражались герои Троянской войны — клинки у них были около метра длиной и шириной два — четыре сантиметра; больше всего своей формой они походили на поздние шпаги, причем это оружие могло быть только колю-

шим, потому что рубиться таким мечом неудобно. Но тогда возникает важный вопрос: какие средства защиты и приемы вооруженной борьбы привели к появлению мечей именно такой формы, а не какой-нибудь другой?

То, что древние европейские мечи-рапиры крепились к эфесу на заклепках, было их самым серьезным недостатком. Пока их использовали только для колющих ударов, все было хорошо. Однако инстинкт подсказывает человеку наносить врагу рубящие удары — это более естественное движение. Прямой выпад колющей рапирой или шпагой — это искусство, которому надо учиться, а вот махать мечом может в общем-то всякий — точно так же, как и топором. На микенских мечах находят зарубки, говорящие, что ими все-таки не только фехтовали, но и рубили! А вот этого-то делать было ни в коем случае нельзя, потому что при боковом ударе клинок часто отламывался от рукояти!

Вот почему уже довольно скоро появились колющие мечи, у которых клинок и тонкий хвостовик отливались как единое целое, после чего хвостовик обкладывали костяными, деревянными либо золотыми пластинками так, чтобы сформировалась удобная для захвата рукоять! Предназначались они для нанесения как колющих, так и рубящих ударов, и в эпоху позднего бронзового века (во всяком случае, так считает британский специалист по мечам Эварт Окшотт) с 1100 по 900 год до н.э. распространились по всей Европе. К этому времени форма мечей изменилась радикальным образом. Теперь это была уже не сужающаяся к острию рапира, а колюще-рубящий меч в форме листа гладиолуса, то есть теперь рубку как боевой прием применяли наряду с уколом. Мечи стали проще, их перестали так мастерски украшать, как это делалось в более ранний период.

Археологические находки однозначно говорят о том, что в Европе первые мечи были везде колющие, доказательством чему служат микенские, датские и ирландские образцы. Затем укол постепенно уступил место рубке как более естественному, не требующему особого обучения способу ведения боя, после чего фехтование практически полностью выходит из моды, а мечи начинают делать с расчетом на рубящий удар.

Интересно, что оружие, найденное в Скандинавии, не имеет следов износа, а тамошние щиты — самые тонкие и хрупкие. Неужели именно там в ту эпоху царил мир?

Получается, что чем дальше мы опускаемся по шкале времени, тем... более профессиональных воинов находим, хотя, по идее, должно было быть наоборот! Самые древние воины применяли сложную технику фехтования на относительно хрупких рапирах, тогда как более поздние рубили мечами со всего размаха. Но с другой стороны, известно, что те же микенские воины выходили на битву в сплошных металлических доспехах, в которых было до пятнадцати различных деталей⁴, состоявших из кованных бронзовых и медных пластин, закрывающих и торс, и руки, и ноги, а также со щитами, имеющими форму восьмерки. Разрубить эти доспехи, как и более поздние латы средневековых европейских рыцарей, было нельзя, а вот уколоть в незащищенное место или щель между пластинами — можно. Шлемы, например, делали из прочных кабаньих клыков, однако лица они не закрывали.

Появление колюще-рубящих мечей свидетельствует о том, что профессия воина обрела массовость. В то же время воинское искусство древних ирландцев, микенцев, критян не может не вызывать изумления. Получается, что когда-то у некоторых народов существовали касты воинов, защищавших себя доспехами с ног до головы и в совершенстве владевших приемами фехтования. Вероятно, эти люди совершали далекие путешествия и, может быть, своим собственным примером провоцировали появление таких же каст воинов-рапиристов у других народов. Но точно ответить на вопрос, кто они и почему их оружие распространилось по Европе столь широко, мы не можем...

Современное колюще-рубящее оружие — рапира и шпага — появилось в Испании в 70-е годы XV столетия. Название его звучало так: «*espada de gorga*», что в переводе означает «костюмный меч», то есть меч, который носят с обычной одеждой; это важное уточнение, поскольку до этого мечи носили только с рыцарскими доспехами! Французы переняли слово «*gorga*» — рапира, а в Англии прижилось слово «*espada*» — шпага.

Ныне, впрочем, и рапира и шпага, происходящие от рыцарского оружия, используются исключительно в спортивных целях.

Всадники с барельефов

Рыцарь немислим без коня. Когда же пересеклись пути человека и лошади и в каком именно районе планеты лошадь впервые стала домашним животным? Считается, что лошадь была, скорее всего, одомашнена в степях Северного Причерноморья, причем уже тогда лошади могли скакать галопом со скоростью до 30 километров в час, а рысью до 10–14 километров⁵. В незапамятные времена лошадь помогала нашим предкам успешнее охотиться, торговать, путешествовать, переселяться с места на место, а главное — воевать.

Уже на рельефах древних шумеров, живших в Месопотамии в III тысячелетии до н. э., встречаются изображения четырехколесных колесниц, в которые, по-видимому, запрягали ослов и мулов. Гораздо удобнее и быстроходнее оказались боевые повозки хеттов, ассирийцев и египтян — широко распространенные на территории Передней Азии в середине II тысячелетия до н. э.⁶ Колесницы этих народов были одноосными; часть веса колесницы вместе с дышлом принимали на себя запряженные в нее лошади. Обычно в такой колеснице, запряженной двумя или тремя лошадьми, располагались возница и один или два лучника. Собственно верховая езда была известна и во времена боевых колесниц.

Роль лошади⁷ в жизни человека с каждым веком возрастала, что хорошо подтверждается многочисленными археологическими находками конской сбруи, которую клали вместе с умершими наряду с оружием, украшениями и другими «необходимыми» вещами. На основании имеющихся в распоряжении историков находок, а также дошедших до нашего времени изображений можно считать, что вначале люди ездили на лошадях без седел. Потом на спину лошади для удобства всадника стали подкладывать подстилку из шкуры либо попону, но, так как подобное седло не могло не спол-

зять, его старались фиксировать, в результате чего и появилась подпруга.

Точно так же вначале употреблялись мягкие удила — подобные удила часто делали крестьяне глухих деревень царской России. Для этого на куске ремня или веревки обычно завязывали узлы. Расстояние между средними узлами делалось на пять — семь сантиметров больше ширины челюсти лошади. Чтобы уздечка не «продергивалась», в эти узлы вставляли палочки длиной восемь — десять сантиметров с вырезами в середине. Затем «удила» обильно смазывались дегтем или жиром. После взнуздывания концы ремня соединялись и заводились за затылок лошади, а между средними и крайними узлами крепился повод.

Наверняка использовался и тип узды, принятый у индейцев Северной Америки, — в виде простой ременной петли, надетой на нижнюю челюсть лошади. Но лошадь могла изжевать, а то и просто перекусить такие удила; поэтому их стали делать из металла (металлическая часть удил называется грызлом). Чтобы грызло всегда находилось во рту лошади, стали применять псалии, фиксировавшие удила. С таким снаряжением, пусть даже еще без стремян, всадник Древнего мира являлся серьезным противником для пехотинцев, особенно если ездить на лошади он приучался с раннего детства. Собственно говоря, именно так и родилась конница.

Изображения первых воинов-всадников дошли до нас благодаря раскопкам древних городов Ассирии — Ниневии, Хорсабада и Нимруда, где среди развалин дворцов ассирийских царей были найдены хорошо сохранившиеся рельефы, изображавшие сцены из жизни ассирийской державы. На их основании можно судить, что искусство конного боя в Ассирии в своем развитии прошло несколько этапов.

Так, рельефы эпохи правления царя Ашшурнасерпала II (883—859 годы до н. э.) и Салманасара III (858—824 годы до н. э.) сохранили легковооруженных конных лучников, некоторых из них — с двумя лошадьми. Видимо, лошади того времени были недостаточно сильны и выносливы, и воинам требовалось их часто менять.

При этом всадники действуют в паре: один — шитоносец — управляет сразу двумя лошадьми, тогда как другой стреляет

из лука. Функция ассирийских всадников была чисто вспомогательной и сводилась к поддержке пехоты. По сути дела, это были «колесничие без колесниц»⁸.

Однако уже при царе Тиглатпаласаре III (745–727 годы до н. э.) в ассирийском войске было три вида всадников: легковооруженные воины с луками и дротиками, скорее всего принадлежавшие к соседним с Ассирией кочевым племенам и выступавшие в роли наемников, конные лучники в защитных доспехах из металлических пластинок и тяжеловооруженные конники с копьями и щитами, использовавшиеся для атаки на пехоту противника⁹. Боевые колесницы дополняли конницу — не более.

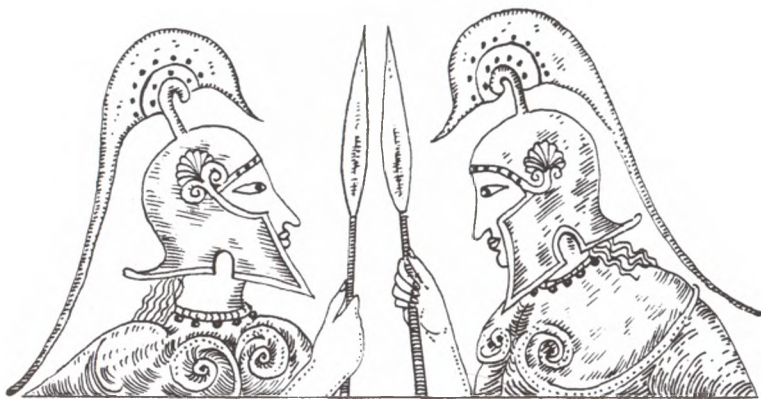
Конные лучники ассирийцев были хорошими наездниками, однако их действия затруднялись отсутствием седла и стремян. Всадникам приходилось удерживаться на лошади, либо высоко закинув ноги, либо свесив их вниз, как это показано на ассирийских рельефах.

Повод поэтому был довольно тугим и коротким. Удила были устроены так, чтобы их было трудно выдернуть изо рта лошади. Такие удила, безусловно, травмировали губы лошади, но с этим мирились, так как без строгой узды ездить без седла и стремян было весьма затруднительно.

Видимо, ассирийцы, так же как и индейцы, управляли лошадьми не столько уздой, сколько шенкелями (сдавливая бока ногами) и подавая им команды голосом.

Реконструкция внешнего вида ассирийского конного лучника позднего периода (около 650 года до н. э.), выполненная на основании рельефа из дворца в Ниневии, представляет воина на коне, высота которого в холке составляет примерно 145 сантиметров. Кафтан всадника имеет разрезы спереди и сзади. Пластины панцирного корсета связываются между собой кожаными ремешками, которые облегчают подгонку доспехов по фигуре. Сбруя коня красоты ради покрыта бронзовыми бляшками¹⁰.

Глава вторая Под грозной броней ты не ведаешь ран

Воиины древних Микен носили медные пластинчатые доспехи, шлемы из кабаньих клыков, нашитых на кожаные шапочки, и восьмеркообразные щиты. Прочная броня хорошо защищала от ударов вражеского оружия и позволяла победить противника с наименьшими потерями. В бой эти воины отправлялись на колеснице с запряженной в нее парой лошадей, но сражались спешившись, поскольку орудовать мечом, стоя на колеснице, было неудобно. Доспехи этих воинов в большинстве своем представляли панцири, составленные из небольших по размеру металлических пластинок, нашитых на гибкую основу.

Древнейшие доспехи из пластин

По мнению известного британского историка Рассела Робинсона, древнейшие доспехи, которые нельзя соотнести с каким-либо культурным центром или определенной стадией развития человечества, — это доспехи из спе-

циально подготовленной ткани. Применяли их как самые бедные воины, так и самые состоятельные и знатные. Вся разница лишь в том, что последние надевали их под кольчугу или пластинчатые доспехи, чтобы амортизировать удары или уменьшить трение, тогда как первые, кроме них, ничего другого не имели.

Пластинчатые доспехи делались из дерева, кости, а позже из металла. Их находят в неолитических погребениях Забайкалья, относящихся ко II тысячелетию до н. э., а в ряде районов Сибири они употреблялись вплоть до позднего Средневековья¹¹. Известны пластинки с небольшими отверстиями на концах для креплений и по находкам в скифских курганах VI—V веков до н. э.¹², а также по настенным росписям из египетских гробниц. Обычно ряды пластинок располагали внахлест, наподобие рыбьей чешуи или черепицы на крыше.

На многих этрусских вазах можно увидеть изображения чешуйчатых панцирей полностью в ассирийском стиле, которые использовались вплоть до того времени, когда в употребление вошла кольчуга. В римской армии чешуйчатые доспехи, похожие на те, что применялись ассирийцами, были в ходу на протяжении многих столетий, о чем свидетельствуют их многочисленные изображения и археологические находки. Британские историки для обозначения такого рода доспехов пользуются двумя терминами. Термин «scale armour» означает «чешуйчатая броня» — от слова «scale» (чешуя). Другой термин, «lamellar armour» («ламеллярная броня»), имеет в основе слово «lamella» — «пластинка». Таким образом, «scale armour» обозначает собственно чешуйчатую броню из пластинок-чешуек, имеющих несколько закругленную либо заостренную форму, а «lamellar armour» — броню из относительно узких вертикальных пластин. В римской армии «чешуйчатая броня» использовалась и пехотинцами и всадниками. А вот броня «ламеллярная» — как более дорогостоящая — использовалась в основном начальствующим составом и тяжелыми кавалеристами-катафрактариями, облаченными в броню буквально с ног до головы.

Некоторые пластинки римских панцирей были очень малы: сантиметр в длину и семь десятых сантиметра в ширину, но в целом их размеры колебались от одного до пяти сан-

тиметров, что говорит о чрезвычайно высоком мастерстве их производителей¹³. Интересно, что на рельефах находящейся в римском форуме колонны Траяна, посвященной походу в Дакию (101–102 годы), в пластинчатых доспехах изображены только вспомогательные войска — сирийские лучники и кавалерия сарматов. Римские легионеры облачены в доспехи из железных полос, которые значительно позже, в XVI веке, получили название «лорика сегментата», а вспомогательные войска, как всадники, так и пехотинцы, носят кольчугу, называвшуюся «лорика хамата»¹⁴.

Император Марк Аврелий в 175 году н. э. отправил в Британию целый «полк» сарматских катафрактариев, находившихся на службе в римской армии. Римским солдатам их вооружение казалось слишком тяжелым, и они прозвали сарматов «клибанариями»; словом «клибанус» в Риме называли печку для выпечки хлеба¹⁵.

Английский исследователь Рональд Эмблетон произвел реконструкцию внешнего облика римского воина-катафрактария эпохи Адриана и римского владычества в Англии — и у него получился самый настоящий рыцарь. На голове — римский всаднический шлем с нащечниками, в левой руке большой овальный щит, на ногах высокие поножи, а торс защищает ламеллярный панцирь из маленьких чешуйчатых пластинок. Из таких же пластинок состоит и надетая на коня панцирная попона, реконструированная по типу конской брони, найденной в местечке Дура-Европос¹⁶. Седло у всадника типично римское, без стремян.

Не слишком сильно отличается это снаряжение от доспехов, которыми защищали себя и своих коней тяжеловооруженные всадники в Древней Персии. Вот только шлемы персидских воинов чаще всего имели сфероконическую форму, лица защищали маски-забрала, а кожаные полоски-птериги на плечах и у пояса отсутствовали. Вооружением помимо копья и меча им служила тяжелая палица — цельнометаллическая либо деревянная с оковками из металла, — для римских воинов не характерная¹⁷. В их доспехах применялась не только чешуя, но и выгнутые металлические пластины, заходившие одна на другую наподобие черепицы. Например, они использовались при изготовлении набедренников.

Такой же набедренник был реконструирован Расселом Робинсоном на основании находок в Дура-Европосе. Пластины на нем облегают бедро и заходят кромками одна на другую, причем соединяются при помощи полос из кожи, приклепанных к ним изнутри. Все это очень похоже на рейтарские доспехи XVI — начала XVII века! Более того, нетрудно заметить, что за исключением некоторых второстепенных деталей и материала они практически неотличимы от набедренников, изготовленных в королевской мастерской в Гринвиче в 1585 году,¹⁸ — то есть преемственность в развитии доспехов очевидна.

Чешуйчатые доспехи наглядно представлены на рельефных изображениях колонны Марка Аврелия в Риме, воздвигнутой в честь его победы над германцами и сарматами в том же 175 году н. э. В них одеты в большинстве своем вспомогательные римские войска. Впрочем, есть мнение, что эти изображения — досужий вымысел скульптора! Скорее всего, он пользовался описаниями всадников-сарматов, в которых говорилось, что они, как и их лошади, защищены чешуйчатыми доспехами с головы до ног, и воспроизвел это буквально.

Это, разумеется, не отменяет многочисленных свидетельств о том, что чешуйчатые доспехи в разное время широко применялись на территории Западной Европы. В Венгрию они могли прийти через аваров, в Италию — от лангобардов. Последним свидетельством применения чешуйчатых доспехов в Европе стала находка полного безрукавного одеяния на скелете в братской могиле воинов, погибших в битве при Висби, которая произошла на полуострове Готланд в 1361 году¹⁹.

Из Центральной Азии, по мнению Р. Робинсона, чешуйчатые доспехи распространились через Монголию у сибирских племен. Чукчи и коряки, например, изготавливали железные чешуйчатые доспехи, во многом напоминавшие образцы, встречающиеся на Тибете. Они дополнялись большим деревянным щитом, покрытым кожей, который защищал левое плечо²⁰. Возможно, применение доспехов данной формы объяснялось необходимостью защититься от камней, которые метали прашники, располагавшиеся за спина-

ми воинов. Примерно с V века н. э. пластинчатые доспехи распространились через Китай и Корею в Японию²¹.

Наличие чешуйчатых доспехов у воинов-англосаксов подтверждается изображениями с так называемого «Байесского полотна». В XIII веке их продолжали носить сражавшиеся с англичанами шотландцы и уэльские воины. Изготовленный в наше время панцирь этого типа имел вес около 8,5 килограмма, а для того, чтобы его сделать, потребовалось ровно 3000 железных чешуек и около 200 человеко-часов рабочего времени²². То есть времени на его изготовление требовалось хотя и немало, но все-таки меньше, чем на изготовление кольчуги из колец.

Что же касается азиатского материка, то там доспехи из чешуек сохранялись еще очень долго: в Японии вплоть до 1867 года, а на Тибете они встречались еще в 30-х годах XX века. Вот почему о чешуйчатом доспехе вполне можно говорить как о едва ли не о самом распространенном типе защитного одеяния вообще!

Древние кольчуги и доспехи из крупных кованых пластин

Очень рано, задолго до появления самих рыцарей, на свет появилась кольчуга. Ее изготовление было делом весьма трудоемким и непростым! Специалисты подсчитали затраты рабочего времени, необходимые для того, чтобы одеть в кольчуги римский легион. Цифры ошеломляют: для изготовления всего лишь одной кольчуги из сваренных и клепаных колец диаметром шесть миллиметров необходимо было потратить более года, а на весь легион в количестве 6000 человек (I век н. э.) нужно было израсходовать 29 000 000 человеко-часов рабочего времени. Поэтому, по мнению британского историка Майкла Томаса, вряд ли стоит удивляться распространению у римлян не кольчужной, а чешуйчатой брони²³, у которой есть и еще одно преимущество: починить поврежденный доспех из отдельных пластинок, нашитых на кожу или ткань, можно было, не прибе-

гая к помощи кузнеца, — пришить их к основе мог каждый, владевший иглой.

Одновременно в ходу были кольчужно-пластинчатые доспехи смешанного типа, а также ставшие традиционными для римлян (и хорошо известные нам по многочисленным историческим кинофильмам) «лорика плюмата»²⁴ и «лорика сегментата». Первый — «куртка из кожи», имевшая вид облегающего торс кожаного панциря, второй — доспехи из железных полос, вес которых доходил до девяти килограммов²⁵. А вот кольчуги легионеров вплоть до I века н. э. были очень тяжелыми и весили двенадцать — пятнадцать килограммов, из-за чего, возможно, впоследствии от них и отказались.

Кольчуги римских всадников, как и у кельтов, имели оплечье, похожее на пелерину, и весили около шестнадцати килограммов. Оплечье крепилось на груди всадника при помощи двух крючков в форме буквы S и, видимо, представляло собой отдельную деталь. У бедер кольчуги всадников имелись разрезы, чтобы было легче ездить верхом.

На колонне императора Траяна изображены всадники и в более простых кольчугах с зубцами на плечах и по подолу. Такая кольчуга весила около девяти килограммов. Носили их не только всадники, но также и римские лучники в Дакии. Судя по рельефам на колонне, у всадников были длинные, до щиколоток, туники и восточного вида сфероконические шлемы, а также кольчуги с фестончатыми рукавами и подолом²⁶.

Интересно отметить, что вес римских кольчуг в целом соотносится с весом кольчуг из Судана, сделанных во второй половине XIX века и весивших тринадцать с половиной килограммов. Известно, что внутренний диаметр колец у отдельных римских кольчуг составлял четыре миллиметра, что меньше диаметра многих дошедших до нас средневековых кольчуг, в которых кольца имели в среднем внутренний диаметр пять — семь миллиметров.

Кольца у большинства кольчуг римского времени не заклепаны, а просто сведены, что свидетельствует, скорее всего, о налаженном, «поточном» производстве, при котором массовость выпускаемой продукции весьма ощутимо понижала качество изготовления.

Кольчуги имели широкое распространение и в Сасанидском Иране, где они применялись параллельно с панцирями из пластин. Например, до нашего времени в превосходном состоянии дошло наскальное изображение в Тадж-и-Бостане, сделанное около 620 года, на котором достоверно переданы доспехи шаха Хосрова II. Видно не только каждое кольцо его кольчужной рубахи, но даже места их стыковок. Налицо «перекличка» этих доспехов с находками в могиле Венделя в Швеции и со шлемом с маской-личиной из погребального корабля в Саттон-Ху в Англии²⁷.

На Востоке доспехи претерпели значительную эволюцию: в XIV веке широкое распространение там получили доспехи из пластинок, соединенных друг с другом при помощи кольчуги. Выпуклые пластинки, например, защищали колени — восточные всадники ездили с короткими стременами, и поэтому их колени были весьма уязвимы для стрел и холодного оружия противника. Естественно, что вес такой конструкции был велик. Но зато соединение кольчуги с пластинками позволило создать такие доспехи, которые смогли полностью закрыть не только самого всадника, но и его коня. Они были легче пластинчатых, но более надежны, чем собственно кольчужные!²⁸

Значительно больше металла по сравнению с кольчужой требовали и латы — доспехи из крупных металлических пластин, сначала медных или бронзовых, а в более позднее время сделанные из железа. Как правило, такие панцири состояли из двух половин: передней и задней, скрепленных по бокам и на плечах при помощи штифтов и петель. Причем в эпоху Древнего мира было в обычае подчеркивать на них рельеф мускулатуры, из-за чего их так и прозвали «мускульными кирасами»²⁹.

Но во второй половине VI века до н. э. популярность таких панцирей резко упала, и на их место пришли более легкие и не такие дорогие доспехи из проклеенной льняной ткани. Примерно в 450—425 годах до н. э. спартанцы вообще отказались от использования доспехов для торса и выходили сражаться, имея при себе только шлем и щит³⁰.

Впрочем, металлические кирасы продолжали использоваться и постепенно превратились в изящные «мускуль-

ные» или «анатомические» панцири, в точности повторяющие анатомию человеческого тела. При этом выпускались они двух видов: короткие, до талии (скорее всего, ими пользовались всадники), и длинные, с выступом спереди, прикрывающим область живота. Вплоть до самого конца античной эпохи «мускульные кирасы» находили себе применение в качестве своеобразной униформы старших офицеров и полководцев римской армии. А значительно позже они входили в комплекты отдельных рыцарских доспехов! Например, подобными доспехами обладал испанский король Карл V. Его доспехи, датируемые 1546 годом, сохранились до наших дней и сегодня экспонируются в Королевском арсенале в Мадриде³¹.

В качестве защиты для торса, рук и ног также использовались полупанцири, введенные Александром Македонским в своей армии для того, чтобы его воины не показывали врагу спину³²; сделанные из бронзы панцири в виде накидки, известные по находкам в Италии; квадратные и круглые пластины на грудь римско-этрuscoго происхождения, а также различного вида поножи, наплечники и набедренники, металлические боевые пояса и даже защитные доспехи для лодыжек и ступней, вплоть до защиты пальцев ног! В результате с бронзовым шлемом на голове и шитом в руках воины Древней Греции и Древнего Рима очень походили на металлические статуи и, таким образом, не слишком отличались от средневековых рыцарей, пусть даже ноги у них ниже колен обычно были обнажены, а сами доспехи несколько проще устроены.

Первые конические шлемы

Рассматривая предысторию рыцарского вооружения, его «начало начал», следует обратить внимание и на шлем, хотя в самом начале его функцию, скорее всего, выполняла обыкновенная шапка из кожи или меха. Возможно, именно так появились шлемы-парики Древнего Египта, но вот уже происхождение ассирийских или урартских сферокони-

ческих шлемов вызывает немало вопросов. Что послужило основой для изделия столь незамысловатого, однако совершенного настолько, что его форма пережила века?

На то, что конические шлемы ассирийцев, а также их соседей урартов очень похожи на более поздние кельтские и шлемы сугубо рыцарских времен, указал британский историк Эварт Окшотт³³; он же отметил, что такие шлемы существовали в Месопотамии еще до возвышения Ассирийской державы. Именно они — металлические или кожаные (точнее по изображению не определить!) — представлены на фигурах с триумфальной «Стелы коршунов» (ок. 2500 года до н.э.) — на небольшой по размеру (всего 75 сантиметров) каменной плите, посвященной победе правителя города Лагаша Эанатума над соседним городом Умой. Здесь мы видим самую древнюю в мире фалангу воинов, прикрытых от шеи до шиколоток огромными прямоугольными щитами, со шлемами (или в кожаных шапках?) на голове, причем такой формы, что открытым у них остается только лицо. Кстати, есть точка зрения, что реально щиты этих воинов должны были иметь всего один умбон (металлическую бляху полусферической или конической формы посередине щита, которая защищала кисть руки воина от пробивающих щит ударов), а шесть умбонов на изображенных щитах символизируют построение воинов в шесть рядов!³⁴

С другой стороны, те же самые ассирийцы далеко не всегда представлены на барельефных изображениях лишь только в конических или полуконических шлемах с небольшим гребнем наверху. Присмотревшись, например, к фигурам двух прашников со стены дворца царя Ашшурбанипала в Ниневии, нетрудно заметить, что на них надеты вовсе не шлемы, а сшитые из нескольких полос ткани или войлока конические шапки с наушниками. Возможно, именно от таких шапок и пошел древнеассирийский конический шлем, который оказался настолько удачен, что разошелся по всему свету³⁵.

Шлемы, имевшие заостренную верхнюю часть, были известны и в Древней Греции. В частности, это спартанские шлемы-пилосы, повторяющие своей формой носившиеся в Спарте войлочные шапки-пилии³⁶; аналогичную форму

имели и древние шлемы железного века, обнаруженные на территории Западной Европы. В Греции вошли в употребление и шлемы с полусферической верхней частью и развитыми нашечниками — так называемого коринфского типа, развитием которого стал халкидский шлем, имевший вырезы в районе ушей и зачастую нашечники, закрепленные на петлях. Еще один тип шлема — фракийский часто также имел и нашечники, и козырек спереди. Конические шлемы из бронзы находили и в других местах, например на территории Германии и Австрии. При этом их вполне можно было бы принять за шлемы скандинавских викингов XI века, хотя сделаны они были в самом начале железного века!³⁷

Шлемы конической формы широко применялись в римской армии. Прежде всего, это так называемый «шлем из Монтефортино», нашечники которого подвешивались на петлях, и впоследствии сменивший его шлем италийского типа. Позднее в основном применялся шлем конической формы — спангельхельм, состоящий из четырех сегментов, прикрепленных к металлическому каркасу.

В ходе военной экспансии на Среднем Востоке римляне познакомились с еще одним типом шлема — «персидским», или «гребневым», который выковывался из двух половин, соединявшихся между собой на заклепках при помощи продольной накладной металлической полосы с небольшим гребнем, игравшим роль ребра жесткости. Пара наушников, переходивших в нашечники, защищала лицо сбоку, в то время как затылок закрывала еще одна металлическая пластина, закреплявшаяся подвижно. Изнутри все эти детали обшивались кожей. Такие шлемы в конце III — начале IV века получили в Риме широкое распространение и в коннице, и в пехоте прежде всего, видимо, потому, что их было легче производить большими партиями³⁸. Некоторые из них снабжались наносником и богато декорировались, в то время как другие приобрели характерную для рыцарских шлемов раннего Средневековья коническую форму. Впоследствии очень похожи на них были шлемы нормандских рыцарей и еще более поздний рыцарский шлем-бацинет.

На этом фоне весьма необычно и оригинально смотрятся шлемы так называемого «фригийского типа», изображенные

на колонне Траяна. Многие из них имеют продольное ребро жесткости, однако это не более чем одна из локальных форм, в основе которой лежал все тот же конический шлем-колпак³⁹.

Что же касается сирийских лучников все с той же колонны Траяна, то они носят с виду такие же шлемы, что и их союзники-римляне. Но их шлемы были тоньше римских и всегда состояли из отдельных сегментов⁴⁰.

Встречаются среди римских находок и бронзовые, и даже посеребренные кавалерийские шлемы с прикрепленными к ним масками, целиком закрывающими лицо. Но их англоязычные историки рассматривают как принадлежность для конноспортивных состязаний, хотя, возможно, они имели и боевое предназначение.

Британский специалист в области реконструкции римских доспехов Майкл Симкинс отмечает, что участники таких состязаний поверх кольчуг надевали специальные туники, цвета которых соответствовали цветам команд участников. Ноги были целиком защищены: до колен поножами на манер древнегреческих, а выше — набедренниками из металлических полос, нашитых на кожу; во многом это напоминало латы парфянских катафрактариев⁴¹.

Участники этих состязаний разделялись на два отряда, разъезжались в разные концы арены и поочередно атаковали друг друга, забрасывая дротиками на скаку. Естественно, что наконечники у дротиков были деревянными, однако и в этом случае требовалась эффективная защита. Шлемы или маски-забрала закрывали лица всадников, морды коней защищали чеканные бронзовые трехчастные маски с выпуклыми наглазниками.

В первой половине III века н. э. у всадников появляются панцири из металлических пластинок и богаче декорируются шлемы, что свидетельствует о возрастании значения конницы. При этом пластинки панцирей уже не нашивались на основу, а скреплялись непосредственно между собой, как горизонтально, так и вертикально. У пехотинцев, носивших такие доспехи, для защиты нижней части тела использовались птериги. Одинарный либо даже двойной их ряд в виде «юбочки» — зомы, принадлежности греческих тяжеловооруженных воинов-гоплитов, подвижности не мешал. Анало-

гичным образом птериги защищали и предплечья всадников⁴².

Римские шлемы этого времени, судя по археологическим находкам в Люксембурге, имели толщину стенок примерно три миллиметра, и это не только обеспечило им хорошую сохранность в течение стольких веков, но и гарантировало высокие защитные качества⁴³. Интересно, что всадники из легионов, расквартированных в Британии, в это время уже носили штаны по типу узких бриджей. Популярность этого элемента одежды Симкинс связывает как с более холодным британским климатом, так и с постепенной «варваризацией» населения Римской империи.

Главное технологическое отличие Средних веков от предыдущей эпохи связано с появлением железа, заменившего медь и бронзу, но при этом сохранилась преемственность в конструкции доспехов. Поэтому всадников Древней Греции, Древнего Рима и Древней Персии, скифов и сарматов, вполне можно называть «рыцарями без стремян» — ведь своими доспехами они не слишком сильно отличились от конных воинов Средних веков.

Глава третья О предках рыцарского меча

Когда мы говорим о появлении в Европе железа, это совсем не означает, что люди сразу додумались до того, чтобы заменить им бронзу. Есть, например, данные, что первыми открыли возможность использования железа племена, жившие в бассейне Дуная (территория современных Австрии и Венгрии). Появившаяся здесь культура получила название гальштатской — по названию места, где были обнаружены ее археологические памятники, но кто основал гальштатскую культуру и кто были «люди из Гальштата», сказать точно историки не в состоянии. Есть предположение, что они были наемниками из Урарту и Ассирии и именно оттуда принесли свои знания.

Как бы там ни было, их мечи и ножны к этим мечам очень походили на ассирийские! По форме мечи «людей Гальштата» повторяли во многих чертах ранние бронзовые мечи, но предназначались для рубящих ударов и должны были использоваться воинами, сражавшимися на боевых колесницах. Поэтому-то они имели большую длину и острия клинков, явно не предназначавшиеся для укола. Перекрестие у них отсутствовало; это говорит о том, что они были рас-

считаны не на удар рукояткой по щиту, а только на рубящий удар по пехотинцу сверху, то есть с коня. По сути дела, это самые настоящие предки поздних рыцарских мечей!

Мечи с антенными навершиями

Впрочем, не все здесь так просто, как кажется, потому что типы мечей на обширной территории Европы, в том числе и в районах, находившихся под влиянием гальштатской культуры, менялись постоянно. Правда, основных их видов, появившихся между 950 и 450 годом до н. э., всего три: длинный бронзовый меч для рубящих ударов, тяжелый железный меч, сохранивший форму бронзового оригинала, и, наконец, короткий железный меч, по форме напоминавший лист тростника и несколько расширяющийся в сторону острия. Зато собственно гальштатские мечи практически не менялись: они имели очень характерную рукоять, навершие которой напоминало... сомбреро!

Длина одного из таких сохранившихся мечей от навершия до кончика составляет 108 сантиметров, то есть он, скорее всего, принадлежал всаднику, которому требовалось рубить с колесницы, а не пехотинцу, для которого он явно велик. Были у гальштатцев и мечи покороче, с навершием в форме изогнутых в разные стороны антенн; один из них нашли в Темзе, прямо посреди Лондона! Впрочем, известны и более ранние мечи с «антенными» навершиями, сделанные целиком из бронзы. Так что это, видимо, как раз тот самый случай, когда оружейные мастера просто взяли да и заменили один материал клинка на другой, а все остальное оставили без изменений.

Раскопки в погребениях гальштатских воинов не дают ни малейшего намека на то, как они носили свои длинные мечи. Тут следует обратить внимание на одну интересную деталь на конце их ножен, которая по форме напоминает разведенные в стороны «крылышки». Следы износа и трения о землю на «крылышках» экземпляров, найденных в погребениях, отсутствуют, а это значит, что земли они не касались!

И это дало повод английскому историку Эварту Окшотту связать их с Древней Ассирией. Оказывается, у ассирийцев тоже были похожие оковки на концах ножен, о чем свидетельствуют фигуры с барельефов из ассирийских дворцов. При этом показательно, что мечи у ассирийцев висят на поясе таким образом, что их рукоятки находятся прямо у груди, и почему так, понятно. Ведь если воин сражается стоя на колеснице, ножны просто не могут болтаться у него между ногами, потому что в этом случае он может за них зацепиться и упасть! Ну а оковки необходимы в качестве упора в тот момент, когда длинный меч выхватывался их длинных ножен!⁴⁴

Чем короче, тем лучше!

Форму мечей определяла исключительно тактика ведения боя. Греческие воины сражались фалангой, прикрывшись большими разрисованными щитами. Фаланга состояла из 1000—1200 человек по фронту и восьми рядов в глубину, причем основным ее оружием служили не мечи, а копья. Мечи использовались ограниченно, во-первых, если у воина ломалось копьё, а во-вторых, для того, чтобы добить поверженного наземь противника; изображения таких эпизодов очень часто встречаются на древнегреческих вазах.

Мечи у греков были длиной 60—75 сантиметров и предназначались для того, чтобы колоть и рубить; причем это были не только прямые мечи, но и изогнутые однолезвийные мечи-махайры (другое название — копис), происходившие из Испании. По мере развития слаженности действий воинов фаланги длина мечей стала уменьшаться — в особенности это было заметно в армии Спарты, — так что к 425—400 годам до н. э. они стали походить на кинжалы. У спартанского военачальника Анталактида однажды спросили, почему, мол, спартанские мечи так коротки, на что он ответил: «Потому что мы сражаемся, подойдя к врагу вплотную».

Таким образом, меч спартанцами был укорочен, чтобы сделать его более удобным в той давке, которая возникала во

время столкновения двух фаланг. Понятно, что в такой свалке победу мог одержать даже воин, лишенный доспехов, но ловкий и увертливый. Вот почему в V веке спартанцы вовсе отказались от доспехов, за исключением щитов и шлемов, а на неприятеля наступали бегом! Если в момент столкновения копье у спартанца ломалось, его короткий меч позволял наносить колющие удары, направленные в лицо, в бедра, в живот⁴⁵. Вслед за спартанцами греки из других полисов также начали отказываться от доспехов, оставляя своим воинам только шлемы и щиты! То есть выучка воинов, действующих сообща, была, по их мнению, куда важнее, чем мастерство владения оружием каждого в отдельности!

Мечи древних кельтов

Кельты, воинственный народ, расселившийся по Западной Европе в начале V века до н. э., сражались, стоя на двуконных колесницах и бросая во врагов дротики, а когда дротики заканчивались, они спускались на землю и сходились с противником в пешем бою.

Впрочем, довольно скоро у кельтов появились воины четырех типов: пехотинцы в тяжелых доспехах, главным оружием которых был меч, легковооруженные пехотинцы — метатели дротиков, всадники и бойцы на колесницах. По описаниям древнеримских историков, кельтские воины в бою обычно поднимали мечи над головой и обрушивали их на врага сверху так, словно рубили дрова.

Находят кельтские мечи буквально сотнями, так что ученые смогли их хорошо изучить и классифицировать. Поскольку целый ряд таких мечей был обнаружен в швейцарском местечке Ла-Тен, то и культуру, которой они были свойственны, назвали латенской и даже выделили в ней четыре фазы.

Латенские мечи имели длину 55—75 сантиметров, в сечении походили на ромб, а рукояти их отливали из бронзы. Носили их не на левом боку, а на правом, на железной либо медной цепи.

Во времена Цезаря мечи у кельтов стали достигать одного и более метра в длину, причем их рукояти стали украшать эмалью и даже драгоценными камнями. Но и более короткие мечи тоже не вышли из употребления — ими кельты сражались очень умело. Воевать с ними римлянам было совсем не легко, и поэтому им ничего не оставалось, как разработать соответствующее вооружение и тактику его применения!

Колоть удобней, чем рубить!

В ответ на угрозу со стороны кельтов, которых римляне называли галлами, в Риме создали самый замечательный комплекс оружия из всех, какие только когда-нибудь до этого существовали! Во-первых, римские легионеры были вооружены колюще-рубящим мечом «гладиус хиспаниенсис», пришедшим, как явствует из его названия, из Испании. Два наиболее ранних меча этого типа были найдены в Словении, и датируются они примерно 175 годом до н. э. У них довольно тонкие, ромбического сечения клинки длиной 62 и 66 сантиметров, которые и впрямь чем-то похожи на листья гладиолуса; ими действительно удобно и рубить, и колоть. Вторым по значению их оружием был дротик пилум, который предназначался прежде всего для того, чтобы вывести из строя щит вражеского воина и по возможности его ранить. Длинная втулка острия пилума под весом древка легко изгибалась, так что ни извлечь его из щита, ни обрубить мечом было невозможно и щит вместе с застрявшим в нем дротиком приходилось бросать!

Но самым впечатляющим римским изобретением (хотя историки и считают, что тут, как и с гладиусом без заимствования чужой идеи не обошлось!), являлся легионерский щит — skutum, который имели все без исключения «тяжелые» пехотинцы! Сначала он имел овальную форму, но впоследствии превратился в изогнутый, словно вырезанный из огромной трубы, прямоугольник, шириной около семидесяти сантиметров и более метра высотой! Делали его из склеенных между собой деревянных пластинок, то есть из фане-

ры, после чего обтягивали кожей, войлоком, а еще сверху тканью, которую обычно ярко раскрашивали. Ручка у такого щита располагалась горизонтально, причем снаружи сделанное под нее углубление прикрывала специально приделанная к щиту выпуклость — умбон, у ранних щитов деревянный, а у более поздних — металлический. Кроме того, щит имел металлическую обивку вдоль верхней и нижней кромок. Вес такого щита достигал десяти килограммов, так что, по сути дела, это была самая настоящая «садовая калитка», с которой римский воин шел в бой, будучи прикрыт с головы до ног. Маневрировать им и как-то парировать удары не требовалось, здесь все зависело от тактики и выучки всего легиона. Дело в том, что, атакуя врага, римляне шли на него стройными рядами, выставив перед собой щиты, и успех их в бою зависел прежде всего от слаженности действий.

Разбежавшись как следует, легионер обрушивал на противника совокупный вес своего тела и щита и пытался опрокинуть его на землю. Если враг падал, его добивали ударом меча, причем колотить в этом случае было гораздо удобнее, чем рубить — потому и требовался короткий меч! А вот от врага, вооруженного длинным рубящим мечом, легионера защищала металлическая кромка щита!

Что же касается римской конницы, то меч всадника — спата — был немного длиннее, чем у пехотинца, — ведь ему же приходилось рубить с коня. Устройством же оба меча были практически одинаковы: клинки были ромбической формы, рукояти, обычно из слоновой кости, имели вырезы под пальцы, а массивное «яблоко» навершия делалось из дерева.

К концу I века до н. э. — началу I века н. э. гладиус и спата сохранили свою форму — это было по-прежнему оружие с вытнутым колющим острием, длиной 50–56 сантиметров и весом около одного килограмма. Но к концу I века мечи как пехотинцев, так и всадников (у них длина меча составляла 60–70 сантиметров) стали делать одинаковой ширины по всей длине лезвия и с более коротким острием. Таким образом, гладиусами они продолжали называться только в силу традиции, так как схожесть с листом гладиолуса исчезла. Щиты всадников у римлян и их союзников, служивших в римской армии, в это время были овальными либо восьми-

угольными и плоскими, в отличие от традиционного легионерского skutuma.

Позже вооружение римских войск еще больше упростилось. В эпоху поздней империи (200—450 годы) плоский овальный щит вытеснил skutum, а короткий меч пехоты во всех римских войсках заменил более длинный спата, ставший своего рода универсальным мечом для пехоты и конницы; теперь это был прямой рубящий меч с клинком длиной около семидесяти сантиметров и рукоятью, целиком вырезанной из слоновой кости. Спата стал последним мечом Западной Римской империи, павшей под ударами варваров в 476 году.

Меч на перевязи легионеры вначале носили справа, чтобы он был всегда под рукой, а слева у них висел кинжал. А вот у их младших командиров — центурионов — мечи были слева, поскольку правая рука у них была занята тростью из виноградной лозы, предназначенной для самых разных целей, в том числе для наказаний провинившихся. В III веке мечи наконец-то «переехали» с правой на левую сторону. Историки отмечают, что мечи рыцарей второй половины XIV века очень похожи на длинные мечи римских кавалеристов — у них одинаковые длина, сечение клинка и величина рукояти⁴⁶.

Германцы, «похоронившие» Римскую империю, до конца V века вооружались топорами, дротиками и копьями, а защищались щитами. Кроме того, они имели два вида мечей — спату римского образца длиной 75—80 сантиметров при ширине клинка четыре-пять сантиметров и заточенный с одной стороны скрамасакс с клинком длиной 44—75 сантиметров и шириной около шести сантиметров. Но для нас в данном случае важно прежде всего то, что технология изготовления этих мечей практически не отличалась от той, по которой выделялись куда более поздние рыцарские мечи.

Глава четвертая О воинах Темных веков

Нельзя забывать о влиянии на процесс развития вооружений природных факторов. Простейший пример: невозможно сделать шлем из кабаньих клыков в той местности, где кабаны не водятся!

В Спарте, по причине горного рельефа большинства территорий, не развивалось коневодство и, как следствие этого, почти отсутствовала кавалерия. Зато плодородные равнины Фессалии как нельзя лучше подходили для выращивания быстроногих и сильных коней, и фессалийцы обладали прекрасной конницей.

Скифы в силу естественно-географических причин также были отличными наездниками, что привело к широкому использованию в скифской армии пластинчатых доспехов и шлемов и даже к такому оригинальному новшеству, как гибкие наспинные щиты, не мешавшие при стрельбе пользоваться обеими руками. На реконструированных изображениях скифские всадники выглядят почти как самые настоящие средневековые рыцари, хотя при этом они и не имеют стремян!

Находки из Нидама

Мечи и шлемы, относящиеся к V–VII векам, находят в Европе только в могилах вождей; поэтому нетрудно сделать вывод, что для того времени это были вещи достаточно редкие и дорогие⁴⁷.

Немало оружия обнаружено в захоронениях, сделанных в датских болотах; там оно прекрасно сохранилось благодаря консервирующим свойствам торфа. Было найдено большое количество мечей с деревянными рукоятками и в деревянных ножнах, покрытых бронзой и серебром. Одна из находок содержала множество наконечников копий, из которых пять были на древках из ясеня, и несколько превосходных кольчуг, сделанных из очень маленьких колечек, внутренний диаметр которых составлял не более одного миллиметра. Многие кольчуги были позолочены, а одна из них, сделанная из колец диаметром шесть миллиметров, имела нагрудный вырез в форме буквы «V», длину около 90 сантиметров и короткие рукава.

Болотное захоронение в Нидаме (последние раскопки там были проведены в 1984–1997 годах) подарило исследователям 106 мечей с обоюдоострыми клинками очень высокого качества. Здесь же нашли 552 наконечника копий и большое количество других предметов, датируемых 200–350 годами. Среди находок были длинные тонкие остроконечные клинки, имеющие в сечении форму ромба, которые могли использовать как римские всадники, так и варвары, воевавшие с Римом. Э. Окшотт отмечает, что эти мечи очень похожи на оружие второй половины XIV века — та же длина, те же очертания, сечение и даже величина рукояти⁴⁸.

Снаряжение большинства воинов середины I тысячелетия н. э., если судить по этим находкам, состояло из копий и щитов, и только четверть из них имели мечи и ножи. Немало было лучников, о чем свидетельствует большое количество наконечников для стрел, но лишь некоторые из них имели шлемы и кольчуги и совсем мало было всадников, стрелявших из лука⁴⁹.

Почти столь же часто, как и меч, в захоронениях находят однолезвийный и относительно короткий клинок сакс, произошедший от греческого кописа. Саксы были известны в Скандинавии в период раннего железного века, но в эпоху Великого переселения народов особенно распространились, что было, скорее всего, связано с их универсальностью. Опять-таки большая часть дошедших до нашего времени саксов обнаружена в болотах Нидама, причем, как правило, они имеют широкое лезвие, острый конец и изогнутую рукоять, которая является продолжением клинка. Ножны у саксов обычные, с двумя кольцами, чтобы подвешивать к перевязи.

Копья, обнаруженные в болотах, имеют разную длину, причем среди них есть и очень длинные — более трех метров тридцати сантиметров и вполне пригодные для борьбы против конницы. Впрочем, в «Анналах» Тацита можно прочитать о том, что в 17 году н. э. германским воинам в одной из этих битв с римлянами очень мешала излишняя длина их копий⁵⁰.

Такие же длинные копья на территории Британии в это же время использовали пикты — местное население британских островов докельтской эпохи, получившее свое название от римлян в связи с существовавшей у них практикой покрывать тело татуировкой. В традиции пиктов было использовать длинные копья и построение, аналогичное греческой фаланге; длинные копья они применяли против конницы. Позднее это построение, как считает историк Тимоти Ньюарк, у пиктов переняли шотландцы и успешно применяли его в битвах против англичан, в частности в битве при Баннокбэрне в 1314 году. У шотландцев оно получило название «чилтрон».

Втулки копий, если судить по находкам в датских болотах, украшали серебряной и золотой фольгой или проволокой; точно так же украшались их древки. Топоры использовались, скорее всего, не только на войне, но и в хозяйстве, поэтому далеко не все они имели дорогую отделку.

Находки из Саттон-Ху

Находили в болотах и остатки круглых деревянных щитов с массивным металлическим умбоном посередине. Самый красивый из них, относящийся к VII веку,

найден в погребении Саттон-Ху поблизости от городка Вудбридж в графстве Саффолк. Когда это погребение раскопали, стало ясно, что здесь был похоронен представитель высшей военной аристократии эпохи Темных веков — периода, когда на территорию Британии переселялись варварские племена с материка. Кроме меча, в этом захоронении обнаружили шесть обычных копий, три копья с гарпунообразными наконечниками типа «ангон», а также некий гибрид топорика и молотка. Найденное защитное вооружение состояло из кольчуги, щита и уникального по отделке шлема, тут же попавшего на английские марки и чуть ли не во все издания, так или иначе связанные со средневековой тематикой. Диаметр колец в кольчуге, скрепленных медной проволокой, составлял восемь миллиметров. Щит диаметром около девяноста сантиметров был сделан из липовых досок. Наличие множества украшений позволяет утверждать, что, скорее всего, это было парадное, а не боевое изделие, хотя прямых доказательств этому не существует.

Шлем из Саттон-Ху, собравший столько превосходных эпитетов, по мнению историков, и в самом деле представляет собой исключительный образец. Верхняя его часть имеет яйцеобразную форму и практически вся покрыта чеканными панелями из тонкой бронзы, хотя сам шлем сделан из железа, причем из целого куска; сверху на него наложен усиливающий гребень. Забрало шлема имеет форму маски с четко очерченным носом, маленьким ртом, коротко постриженными усами и густыми бровями из позолоченной бронзы. Две выгнутые боковые пластины на шлеме закрывают уши и одна затылок — при этом она такой длины, что опускается даже немного ниже плеч⁵¹.

Украшающие шлем пластины изображают сражающихся воинов. На одной из боковых пластин всадник с копьем и щитом повергает наземь воина, одетого в кольчугу, с мечом в руке. На другой пластине фигура в шлеме с огромными рогами или крыльями. Кстати, в Швеции были найдены бронзовые пластинки с точно такими же изображениями, то есть очевидно, что подобное оформление шлемов было распространено. Вполне возможно также, что шлем из Саттон-Ху представляет собой не местное, а скандинавское

изделие, попавшее на землю Англии либо как трофей, либо как привезенная издалека покупка.

В целом шлем выглядит очень большим, а это значит, что внутри была толстая подкладка, смягчающая удары примерно так же, как и современная солдатская каска. Вполне возможно, что такие шлемы снабжались дополнительным кольчужным плетением типа бармицы, обрамляющей шлем по нижнему краю.

Другая важная находка была сделана в Бенти-Грэндж в Дербишире⁵². Это англосаксонский шлем, составленный из перекрещивающихся на макушке восьми стальных полос, которые закреплены внизу на ободе. Промежутки между ними, скорее всего, заполняли кость или рог, а может быть, кожа в несколько слоев, которая, естественно, не сохранилась. Украшала шлем бронзовая фигурка кабана, символизировавшая богиню саксов Фриг, чье имя и сегодня слышится в английском названии пятницы «Friday».

Такой шлем был, разумеется, значительно дешевле, чем шлем из Саттон-Ху, но вряд ли так уж сильно уступал ему по своим защитным качествам. Интересно, что носовую защитную пластинку на шлеме украшает серебряное распятие, то есть воины в это время уже начинают полагаться на Христа.

Весьма редким видом защитных доспехов, которые тем не менее применялись в Британии знатными воинами, были наголенники, составленные из вертикальных стальных пластин с кольчужным напуском на подъем ноги, и такие же пластинчатые наручи на правую руку — левая и без того была защищена щитом. В VII веке подобные наголенники были в ходу у лангобардов, причем своим устройством они очень напоминали защитные приспособления скифов, использовавших их еще до нашей эры, и... распространенные среди японских самураев поножи — суннэатэ, которые те носили вплоть до 1867 года.

В V—VII веках оружие франкских вождей было богато украшено, и это являлось свидетельством их высокого статуса. При этом шлемы у них несколько отличались от британских. Например, шлем конической формы из могилы в Моркене имеет наушники; он сделан из пластин, соединенных

между собой накладками в форме буквы «Т». Точно такие же шлемы ясно видны на барельефах колонны Траяна, и очень похожие шлемы найдены в Персии. А если к шлему из Моркена добавить султан, то получится типичный головной убор византийского всадника VII века.

Естественным дополнением к подобному шлему были кольчуга, поножи, щит, а вместе с ними — меч с ножнами и копье. В письменном источнике VIII века «Рипуарской правде» стоимость такого вооружения определялась в 44 солида. Для времени, когда за корову давали три солида, эта сумма исключительно велика; это лишний раз подтверждает, что воинов с таким вооружением было очень и очень немного⁵³.

Воины Запада против кочевников с Востока

Существует точка зрения, что в течение по крайней мере двух веков после падения Западной Римской империи франкское войско представляло собой большую толпу из не слишком хорошо вооруженных и недисциплинированных пехотинцев, практически не носивших доспехов. Лишь короля окружал небольшой отряд, состоявший из конных воинов, одетых в шлемы и кольчуги; количество этих воинов несколько выросло к концу периода правления Меровингов, но по отношению к численности всей армии оставалось небольшим. Но если так считать, то возникает вопрос: а откуда впоследствии у франков появилась тяжеловооруженная конница, ставшая основой для будущего рыцарства?

Английские историки, отвечая на этот вопрос, говорят, что толчком к развитию тяжеловооруженной конницы у франков стала угроза арабского проникновения в Испанию⁵⁴. Еще продолжалось Великое переселение народов, вылившееся в большую и продолжительную религиозную войну христиан с мусульманами, которых они и одолели в октябре 732 года в битве при Пуатье.

Рассматривая вооружение кочевников, английский историк Дэвид Николь считает необходимым подчеркнуть, что национальные различия в их вооружении были менее значимы, нежели то общее, что характеризует их как конных стрелков из лука. Например, тюркские всадники уже в VI веке имели доспехи из металлических пластин, очень похожие на ламеллярные панцири гуннов, и кожаные доспехи из прессованной кожи, родственные более поздним монгольским. Кавалерийская элита тюрков покрывала лошадей броней «кедимли». Поверх ламеллярного панциря кочевники очень часто надевали туники и стеганные халаты, а также использовали специальную обувь для верховой езды. Аристократия отличалась обилием украшений, а рядовые воины носили одежду под цвет флага или конской попоны своего предводителя, что впоследствии стало нормой для отрядов воинов-европейцев и было характерно для средневековой Японии.

Воины, которые умели метко стрелять, в качестве знака отличия носили белые соколиные крылья или перья на шлемах; знаком отличия для тарханов — воинов, свободных от уплаты налогов, служили позолоченные пояса, украшенные подвесками. В качестве гербов пользовались тотемические эмблемы племени, называемые «тес», и в то же время каждый мог иметь свой собственный флажок-эмблему «бадрак», очень похожий на европейский рыцарский вымпел.

Конские хвосты на знаменах в турецкой армии символизировали ранг командующего вплоть до XVIII века, и даже прически воинов имели определенный смысл. Воины постарше носили косички с заплетенными в них разноцветными лентами, а молодые часто сбрасывали волосы с висков и передней части головы в знак повиновения старшим. Повелитель нескольких племен, как правило, носил на голове узел из волос. Признаком ранга служили как загнутые поля шляпы, так и способ поклонения колен перед повелителем: люди высокого социального статуса вставали только на одно колено, в то время как простолюдины — на оба. «Говорящим» было даже положение рук, скрещенных на груди или вытя-

нутых вдоль туловища⁵⁵. Определенным образом, кстати говоря, выделялись из общей массы рыцарей и средневековые европейские рыцари-монахи — густая растительность на лицах резко отличала их от рыцарей светских и лишней раз подчеркивала их «духовный» статус.

Каждое новое вторжение кочевников в Европу, считает Д. Николь, вносило в европейское военное дело что-то новое. Английские исследователи постоянно подчеркивают, что основным технологическим фактором, повлиявшим на возникновение рыцарства, стало появление стремян и седла с прочной жесткой основой.

Конструкция седла в IV—VI веках была достаточно примитивна, основу его делали из досок, оставляя между ними промежутки, закрытый сверху кожаной перемычкой. Такое седло зажимало и сковывало всадника, но тем не менее позволяло ему прочно сидеть на лошади. Первыми такие седла стали использовать гунны, у которых их переняли другие восточные народы, а затем и европейцы.

Простейшие кожаные стремяна, равно как и более поздние металлические, также принадлежали к изобретениям Востока; поначалу они использовались всадниками, применявшими в качестве основного оружия не лук, а копье, но позже в восточных армиях появилось большое количество лучников. Благодаря наличию стремян восточные армии применяли не виданную в Европе тактику: более легкие конные стрелки осыпали пехоту градом стрел, а затем в дело вступали тяжеловооруженные всадники и наносили решающий удар⁵⁶.

Европа, в свою очередь, может разве что похвалиться изобретением шпор, известных у греков, римлян и кельтов еще в IV—III веках до н. э.; восточные народы этого приспособления не знали и применяли плеть⁵⁷.

Боеспособность войска кочевников, состоявшего из прирожденных всадников и лучников, была очень высока. С воинами, ездившими в седлах со стремянами, в Европе со всей очевидностью первыми столкнулись византийцы, мимо которых одна за другой шли из Азии волны кочевников.

Ромеи и кочевники

В IV–V веках в Византии, как и на территории Западной Римской империи, оружие и одежду для войска производили в государственных мастерских. В армии и во флоте здесь служили главным образом свободные крестьяне, а не наемники; именно поэтому Византия долгое время могла устоять перед своими многочисленными врагами. Богатая на посреднической торговле между Востоком и Западом, византийцы получали огромные доходы.

Естественно, что, сражаясь с кочевниками, они просто не могли не создать войска, адекватные исходящей от врага угрозе; с течением времени в византийской армии все большую роль стала играть конница, подразделявшаяся на легкую и тяжелую. Воевать византийцам приходилось практически постоянно, благодаря чему их полководцы приобрели исключительный боевой опыт. Они воевали с вандалами, готами, персами и франками (554–561 годы), лангобардами (558–572 годы), славянами (582–602 годы), аварами (558–626 годы), турками (576 год), арабами (634 год). Для каждого из противников у них существовала своя тактика. Например, они знали, что персидские конные лучники не выдерживают напора тяжеловооруженных копейшиков, если те действуют при поддержке легкой конницы, что тяжелая конница готов уязвима для имперских конных лучников, а легкая конница вандалов, вооруженная копьями, избегает столкновения с имперской конницей, а если ей сделать этого не удастся, становится ее легкой добычей.

Император Юстиниан I (527–565 годы) провел ряд удачных войн против варваров. В 533 году им были разгромлены вандалы и вновь присоединена к империи Северная Африка, затем от власти готов были освобождены Италия и Рим (536–539 годы).

Английский историк Босс Роу отмечал, что главная причина этих успехов — развитая технологическая база, доставшаяся Византии в наследство от Римской империи, и выгодное географическое положение⁵⁸, о значении которого уже

упоминалось. Именно оно и позволило «империи ромеев» на протяжении длительного времени аккумулировать военные достижения разных народов и выдерживать непрерывные удары завоевателей. В конце IV века н. э. оружие в Византии выпускалось на 44 государственных предприятиях⁵⁹, причем все лучшее из вооружения ее противника быстро перенималось. Например, стали использовать гуннские сложносоставные луки, а также колчаны степного или сасанидского образца, крепившиеся в соответствии с иранской традицией у седла либо, как у тюркских народов, на поясе. От аваров византийцы переняли петли на древке копья, позволявшие всаднику удерживать его на запястье, и жесткие седла с деревянной основой, адаптация которых в Византии завершилась уже в начале VII века⁶⁰.

Чтобы предохранить себя от стрел, всадники Византии, которых по традиции продолжали называть катафрактарыями, применяли длинные панцири из металлических пластин, нашивавшихся на кожаную либо матерчатую основу, с рукавами до локтей. Нередко такой панцирь надевался поверх традиционной кольчуги. Забрало на сфероконических шлемах у византийцев отсутствовало, однако его заменял кольчужный подшлемник из двух-трех слоев кольчужного плетения, оставлявший открытыми только глаза. Щиты использовались каплевидные, напоминающие формой «перевернутую каплю»; кроме того, применялись небольшие, круглые щиты восточного образца, похожие на рыцарские рондаши и тарчи более позднего времени.

Кольчуга с капюшоном и рукавицами у византийцев называлась «заба» или «лорикион»; дополнением к нему служил кольчужный подшлемник — скаппион. Шлем должен был иметь бармицу, или, как ее называют византийские источники, перитрачелион, на основе из ткани и украшенную бахромой, а также плюмаж.

Вес таких доспехов, сообщает Д. Николь, ссылаясь на источник 615 года, составлял около 25 килограммов. Более легкие доспехи, в частности ламеллярные панцири, выделялись из кожи. Кентуклон представлял разновидность «стеганой брони» для всадников и лошадей, в то время как такой же стеганый кабадион чаще всего использовался на церемо-

ниях. Камелакион — скорее всего, это была просто стеганая шапка, одевавшаяся на шлем, — носили вместе с эпилорикионом — простеганным кафтаном, который всадники надевали поверх металлических доспехов⁶¹.

Характерная особенность конницы византийцев — конские доспехи, которые не только были стегаными или склеенными из двух-трех слоев войлока, но и представляли собой настоящие панцири из костяных или металлических пластинок, нашитых на тканевую либо кожаную основу да еще и соединявшихся при этом друг с другом. И хотя вес таких доспехов был совсем не мал, кони тяжеловооруженных всадников Византии были защищены от стрел — по крайней мере, спереди. При этом сами тяжеловооруженные всадники, так называемые клибанофоросы, одевали под простеганные эпилорикионы пластинчатые панцири-клибанионы⁶².

Горловое покрытие в виде набитого шерстью стеганого горжета — страгулион, скорее всего, было заимствовано у аваров; наиболее привилегированная часть всадников — букелларии — имела еще и защитные наручи. Пехота византийцев в основном носила кольчуги римского образца и очень часто довольствовалась легким шлемом и щитом — скутой, по названию которого пехотинцев в Византии и называли skutatosами.

Вооружением всадника служило длинное, до четырех метров, копье — контарион (причем длина копий пехоты могла достигать и пяти метров); прямой меч спатион — явный наследник римской спаты, и такая же прямая однолезвийная протосабля — парамерион, известная также в Центральной Азии и Сибири. Носили меч и саблю значительно чаще на плечевой перевязи, как было принято на Востоке, нежели на перевязи у пояса, что было больше распространено в Европе⁶³.

На поле боя клибанофоросы, так же как впоследствии и рыцари Европы, выстраивались «свиньей», или клином, причем таким образом, чтобы в первом ряду было двадцать воинов, во втором — двадцать четыре, и в каждом последующем — на четыре больше, чем в предыдущем. На 300 копейщиков приходилось 80 конных лучников, чье вооружение

было относительно легким, а в подразделении из 500 воинов лучников могло быть 150⁶⁴.

Распространению византийского оружия помогало и то, что оно производилось в очень больших количествах. Например, в 949 году только две византийские государственные мастерские произвели свыше 500 тысяч наконечников для стрел, 4 тысячи шипов для ловушек, 200 пар латных перчаток, 3 тысячи мечей, щитов и копий, а также 240 тысяч легких и 4 тысячи тяжелых стрел для разного рода метательных машин⁶⁵.

Великое переселение народов сыграло важную роль в истории развития оружия и доспехов в Западной Европе. Еще раз напомним, что вместе с кочевниками сюда попали высокое седло и конские стремяна, которые, впрочем, не были изобретением степных народов. Эти важнейшие принадлежности всаднического снаряжения кочевники позаимствовали у китайцев.

Глава пятая Всадники Поднебесной империи

Порох изобрели в Китае, бумагу — в Китае, компас — в Китае, ракеты и арбалет, шелк и фарфор, наконец, лечение иглоукалыванием — все это тоже Китай. Однако для нас самое главное то, что, не изобрети китайцы высокое седло и стремяна, в Европе, вероятно, не было бы рыцарства.

Без жестких седел и стремян тяжеловооруженные всадники не могли успешно действовать в распутицу. Их кони скользили и вязли в грязи, а сами они становились легкой добычей врага. Копье большой длины им приходилось держать двумя руками и не выше уровня бедра. Однако максимально возможной силы удара при этом достичь не удавалось, поскольку всадник рисковал быть сброшенным на землю в результате отдачи.

По ту сторону
Великого переселения народов

Английский историк Кристофер Пирс, изучавший вооружение китайских воинов разных эпох, обратил внимание на то, что японские погребальные фигурки ханива, отно-

сящиеся к III—V векам, нередко изображают оседланных лошадей, причем седла имеют высокие вертикальные луки, а по бокам у них висят стремяна. Это значит, что столь привычное для нас сегодня конское снаряжение в то время уже существовало! Служило оно в первую очередь тяжеловооруженным всадникам, появление которых в Китае относится к самому началу IV века. Поначалу стремя у всадника было только одно, и оно совсем не использовалось при верховой езде, а всего лишь служило подножкой, облегчавшей посадку в седло. Только с течением времени стали применять два стремяна — как опору для ног при движении⁶⁶.

Перенявшие стремяна кочевники сразу же оценили их по достоинству — ведь они позволяли обстреливать противника из луков и атаковать его копьями. Луки и копья были в арсенале у каждого всадника кочевого войска — не важно, тяжелым или легким снаряжением он обладал. При необходимости это позволяло всем без исключения воинам принимать участие в обстреле противника и атаковать его с копьями наперевес.

Об уроне, какой наносила такая стрельба врагу, свидетельствуют не только древние источники, но и данные современных реконструкций. Руководитель венгерской группы исторической реконструкции Лайош Кассаи доказал на практике эффективность стрельбы из лука с коня. Исходя из его опыта, можно сказать, что гунны, стреляя на скаку, могли поражать цели и убивать противника, будь то лошадь или человек, на расстоянии до 300 метров, и вряд ли представители других степных народов стреляли намного хуже⁶⁷. Это объясняет, почему именно лук и стрелы были главным оружием обитателей степей на протяжении тысячелетий.

Средневековые источники сообщают, что монголы, например, имели при себе по три больших колчана с тридцатью стрелами в каждом и два лука, большой и малый, для стрельбы на разные дистанции. Стрелы тоже были двух видов: легкие, с небольшими остроголовыми наконечниками, и тяжелые — с широкими. Тяжелые стрелы имели лезвия в три пальца шириной и использовались для стрельбы на близком расстоянии по не защищенному броней противнику и лошадям⁶⁸. Наконечники подвергались закалке, при которой их сначала нагревали до красного каления, а затем остужали в соленой воде, что повышало их пробивную силу; монгольские луч-

ники поражали даже воинов противника в тяжелых доспехах. Плано Карпини в «Истории монголов» пишет, что с монголами очень опасно воевать, поскольку они ловки в стрельбе из лука и стреляют с коня и вперед, и назад, а их стрелы пробивают почти все виды доспехов. У боевых стрел монголов древки были из стеблей камыша, тогда как деревянные применялись на охоте. Камышовые древки при попадании в цель ломались, и враг вторично уже не мог их использовать!

Эффективная стрельба из лука не могла не вызвать на Востоке распространение соответствующих средств защиты, в том числе конской брони, долгое время совершенно неизвестной в Европе.

Сами монголы, по наблюдениям Плано Карпини, использовали три вида защитных доспехов: из кожи, железных чешуек и кольчужного плетения. Карпини отмечает, что монгольские доспехи из кожи обладали водоотталкивающими свойствами, поскольку пропитывались смолой и покрывались лаком. Металлические пластинки монгольских доспехов были шириной в палец и длиной в ладонь и имели по восемь отверстий, через которые пропускались кожаные ремешки, соединявшие их друг с другом. Таким образом, монголы, как и другие кочевники, использовали типичные ламеллярные панцири, лучше всех прочих защищавшие от стрел и при этом достаточно гибкие. Карпини пишет, что пластинки на монгольских доспехах так тщательно отполированы, что в них можно видеть свое отражение.

Использовали монголы и кольчужные доспехи, в том числе захваченные в качестве трофеев у аланов и персов, но по данным средневековых источников такие доспехи у них имел один воин из десяти. Главным же источником их заимствований был богатый Китай.

Старые традиции и новые находки

Традиции воинского искусства, производства оружия и доспехов зародились на заре древнекитайской цивилизации. Уже во времена правления династии Шан-Инь (ок.

1520—1030 годы до н. э.) китайское войско не только обладало разнообразными видами бронзового оружия, но и имело четко продуманную военную организацию. Воины, сражавшиеся на колесницах, назывались «ма», за ними следовали лучники «ше», которых в войске было больше всего, и воины с оружием ближнего боя, именовавшиеся «шу». К четвертому разряду относились элитные отряды гвардейцев, постоянно охранявшие особу правителя. Можно сделать вывод, что древние китайские войска состояли из пехоты и боевых колесниц — точно так же как и армии древних египтян, хеттов и древних греков, сражавшихся под стенами Трои.

Колесницы у китайцев были деревянные, двух- или четырехколесные, причем колеса были высокие, со спицами; запрягали в них от двух до четырех лошадей. Благодаря высоким колесам воины на колеснице — обычно это были возница, лучник и воин с копьем-алебардой — были приподняты над землей и успешно сражались против пехоты; стоит сказать и том, что эти колесницы служили на поле боя отличным средством передвижения. Колесницы свидетельствовали о богатстве и высоком положении своих хозяев, и, когда умирал владелец колесницы, она нередко сопровождала его в обширной могиле; там же оказывались рабы-возничие и кони.

Оружием древним китайцам служили плоские бронзовые кельцы на длинном древке, копьё с массивными наконечниками, бронзовые топоры, изогнутые бронзовые ножи и мощные тугие луки. В качестве доспехов использовались панцири-кирасы из твердой лакированной кожи, костяных или бронзовых пластинок, нашитых на кожаную основу; применялись деревянные либо сплетенные из прутьев и покрытые лакированной кожей щиты и литые бронзовые шлемы — нередко с маской, закрывавшей лицо.

В эпоху правления династии Чжоу распространение получили длинные бронзовые кинжалы и сложные формы длиннодревкового оружия в виде гибрида копья и кельца, топора и копья и даже копья и булавы. Именно так и родилась древняя алебарда, бронзовое лезвие которой крепилось к бамбуковому древку-шесту, позволявшему наносить удары врагу с безопасного расстояния. Воин с алебардой, как правило, располагался на колеснице.

Лошадей для своих колесниц китайцы получали от народов, живших в степях к северу от китайских провинций. Это были низкорослые и большеголовые животные, напоминавшие своим видом дикую лошадь Пржевальского.

В более поздний период истории Китая, в «Эпоху сражающихся царств» (ок. 475—221 годы до н. э.), в сражениях участвуют уже не только боевые колесницы и пешие латники в защитных доспехах, но и всадники верхом на лошадях, а также лучники и арбалетчики. Считается, что арбалеты появились в Китае примерно в 450 году до н. э.

Тетива в древних китайских арбалетах натягивалась вручную, поэтому дальность стрельбы и пробивная сила были невелики. Устройство арбалета было несложным, и выучиться владеть им не составляло большого труда. Арбалетчики встречали атаку пехоты противника, градом стрел старались расстроить ее порядки и тем самым помочь своим латникам нанести ответный удар. В III веке арбалетчиков в Китае начали сводить в отдельные подразделения, выпускавшие стрелы столь часто, что «падали они подобно дождю» и «никто не мог устоять перед ними»⁶⁹.

Арбалеты массово производились в государственных оружейных мастерских и считались сильнейшим оружием Китая, которого «четыре вида варваров бояться больше всего»⁷⁰. С появлением арбалета боевые колесницы в Китае сразу же оказались не у дел. Их перестали использовать в сражениях еще до объединения страны в 221 году до н. э., так как стрелять из арбалета, стоя на колеснице, было неудобно, а сами колесницы, возвышаясь над сражающимися воинами, представляли собой слишком хорошую мишень.

В это же время в Китае появились первые доспехи из железных пластин, нашитых или же наклепанных на кожу. На сохранившейся терракотовой фигуре воина династии Цинь надета кираса из металлических, скорее всего железных, пластин, прикрепленных на мягкую основу с помощью заклепок, и точно такие же наплечники, закрывающие руки до локтей. Важно то, что эти простые, в общем, доспехи весьма функциональны. Тысячи подобных фигур в натуральную величину обнаружены в гробнице императора Цинь Шиху-

анди (ок. 259—210 годы до н. э.), что служит лучшим доказательством их широкого распространения в циньском Китае. Впрочем, известно, что в яростной рукопашной схватке воины Цинь Шихуанди нередко сбрасывали свое защитное снаряжение, чтобы легче было управляться с большими топорами и алебардами, требовавшими свободного замаха.

Китайские всадники в это время восседали на низкорослых лошадках, пригнанных из монгольских степей. Только в 102 году до н. э., когда полководец Бань Чао разбил кушанов в Средней Азии, китайский император У-ди смог получить лошадей для тяжеловооруженной конницы, необходимой ему в противостоянии с гуннами. Только ради того, чтобы захватить несколько тысяч таких лошадей, названных в Китае «небесными конями», китайская армия из более чем 60 000 воинов вторглась в Фергану.

К. Пирс приводит ряд письменных источников, свидетельствующих о том, что первые конские доспехи в Китае появились еще во времена династии Хань, примерно около 188 года. Однако если судить по одной из наиболее ранних находок, имеющей к ним отношение, — конской фигурке из захоронения в провинции Хунань, относящейся приблизительно к 302 году, то можно сделать вывод, что конская броня тогда представляла собой всего лишь короткий стеганный нагрудник, защищавший грудь лошади⁷¹.

Следует отметить, что в начале IV века китайцы уже применяли высокое жесткое седло и парные стремяна. До этого, как уже говорилось, стремя было всего лишь одно; всадник ставил на него ногу, забираясь в высокое седло, но для опоры при самой езде стремяна не применяли. Однако потом кто-то, видимо, попробовал навесить на своего коня стремяна сразу с двух сторон и, будучи в седле, догадался просунуть в них ноги...

Нам, впрочем, известны и некоторые более точные даты. Например, в биографии китайского военачальника Лю Суна сказано о том, что в 477 году ему прислали стремя в качестве сигнала о начале военных действий. Неясно, было оно одионарным или парным, но то, что в это время стремяна в Китае уже применялись, очевидно.

Что же касается китайских защитных доспехов того времени, то, судя по изображению в погребении цзиньского военачальника в Тун Шоу, датированном 357 годом, они имели вид обычной стеганой попоны и только уже более поздние их образцы представляют собой настоящую броню из пластин с характерным закруглением в верхней части, нашитых на кожу или ткань. В частности, именно в такие доспехи облачен китайский катафрактарий с настенной росписи в Танг-хуанг, датируемой приблизительно 500 годом⁷². Весьма показательно, что китайские всадники на стенах гробниц держат копья двумя руками — точно так же, как это делали сарматские и парфянские всадники, а удары наносят сверху вниз, высоко поднимая правую руку над головой. Это может служить указанием на то, что таранный удар копьем эти всадники еще не использовали, хотя наличие стремян и позволяло им его применять.

По мнению К. Пирса, тяжеловооруженная конница как род войск утвердилась в Китае очень быстро, в течение IV века, и так же быстро распространилась здесь практика таранного удара сомкнутым строем. До этого тяжеловооруженная конница помимо копий использовала алебарды и другие виды древкового оружия, а также выступала в качестве лучников⁷³.

Типичные доспехи тяжеловооруженного китайского всадника представляли сбобой панцирь, состоящий из двух частей, соединенных ремешками на плечах и по бокам. На некоторых изображениях видно, что наспинник снабжен небольшим стоячим воротником. Панцирь дополняли ламеллярные набедренники или «юбка», закрывавшие ноги примерно до колен, и такие же наплечники, доходившие до локтя, хотя последний вид защиты присутствовал далеко не всегда.

У некоторых всадников поверх стеганого доспеха могла быть надета кираса, состоящая из сплошного твердого нагрудника и такой же наспинной части, причем по древней китайской традиции наспинник кирасы несколько выступал над плечами. Такая кираса, очевидно, была выполнена из твердой кожи и расписана традиционным китайским рисунком — изображение представляло морду чудовища, которая по замыслу должна была устрашать неприятеля.

Другая чисто китайская разновидность доспехов получила название «шнурованных дисков»⁷⁴. Главной их частью были две крупные нагрудные пластины округлой формы, соединенные между собой сложной системой шнуров. Можно предполагать, что подобная конструкция имела своей целью более равномерное распределение веса доспехов либо была связана с неизвестной для нас сегодня военной традицией.

Китайские рукописи сообщают...

Интересно, что китайские рукописи, используемые К. Пирсом в качестве источников, упоминают сразу несколько разновидностей защитных панцирей, использовавшихся в коннице. Один из них назывался «жун киа»; слово «жун» переводится как «мягкая сердцевина молодых оленьих рогов». «Жун киа» представлял собой чешуйчатый доспех, набранный из роговых пластин. Такая защита известна и у других народов. Пирс вспоминает римских авторов, которые описывали сарматские чешуйчатые панцири, сделанные из пластинок, вырезанных из конских копыт.

Металлические пластины китайских панцирей тщательно полировались, благодаря чему доспехи из них получили названия «жей куанг» («черный бриллиант») и «минг куанг» («сверкающий бриллиант»), а кожаные панцири покрывались лаком или же обтягивались узорчатыми цветными тканями. Использовались такие цвета, как зеленый, белый, коричневый, но традиционно преобладал красный, поскольку в Китае он считался цветом воинов⁷⁵.

Что же касается распространенной в Европе кольчуги, то в Китае она использовалась крайне ограниченно; чаще всего кольчуги попадали сюда в качестве военных трофеев. Например, средневековые китайские документы сообщают о трофейных кольчугах из Туркестана. Скорее всего, кольчуга оказалась слишком сложной для массового производства и не подходила для огромных армий Китая; не имея особого преимущества перед другими видами доспехов, она не получила здесь широкого распространения.

Шлемы китайцы выделывали из стали и кожи. Популярным был шлем из нескольких пластин, соединенных между собой с помощью заклепок, или узких ремешков, или шнуров. Кроме того, в Китае были известны каркасные шлемы, основой которых служил металлический каркас, а уже к нему прикреплялись сегменты. Применялись также цельнокованные шлемы, но они встречались значительно реже. К нижнему ободу шлема обычно крепилась бармица, как ламеллярная, так и сплошная, в том числе и стеганая.

Можно отметить такую любопытную разновидность китайских шлемов, как шлем-капюшон (своего рода башлык), состоящий из многочисленных пластин, соединенных ремешками, который встречался в Китае в III веке до н. э. и позже. Украшением шлема могли иногда служить плюмажи, закрепленные на верхушке.

Защита китайского всадника могла дополняться оплечьями со стоячим воротником, а также наручами, закрывавшими предплечья. Обычно они имели трубчатую форму и состояли из сплошных пластин, изготовленных из толстой лакированной кожи.

Щиты китайские всадники использовали очень редко, что было характерно для тяжеловооруженной конницы в этот период и в других местах. Вероятно, щит мешал всаднику действовать длинным копьем, а прочные тяжелые доспехи обеспечивали достаточно надежную защиту и без щита. Тем не менее китайские всаднические щиты все-таки известны. Например, в Британском музее хранится терракотовая статуэтка, относящаяся, видимо, к Танской эпохе. Она представляет воина в доспехах со щитом круглой формы с выпуклой центральной частью. Такой щит, скорее всего, делали из твердой кожи и усиливали по краю оковкой и пятью круглыми металлическими умбонами — одним в центре и четырьмя расположенными по углам воображаемого квадрата. Щиты были обычно красного цвета (считалось, что это должно вселять страх в сердца врагов), однако упоминаются и черные, и расписные щиты⁷⁶.

Изображения и статуэтки китайских всадников свидетельствуют, что, помимо стеганых панцирей, в IV—VI веках в Китае применялась ламеллярная конская броня. На неко-

торых статуэтках лошади облачены в ламеллярные панцири, а там, где на лошадей накинута гладкая попона, можно предполагать, что такие панцири надеты под них.

Хотя на дошедших до нас изображениях попоны и конские доспехи показаны сплошными, нет ни малейшего сомнения в том, что какие-то разрезы и членения на них все же присутствовали. Вполне вероятно, что первоначально они походили на чешуйчатые конские доспехи, найденные при раскопках в Дура-Европосе. О том, что позднее конские доспехи в Китае уж точно стали делать из отдельных частей, говорят и находки археологов, и китайские рукописи. Уже в V веке конские доспехи состояли из налобника или маски, защиты шеи, бедер и груди, двух боковин и нагрудника — всего из пяти основных деталей. Нагрудно-шейная защита имела завязки сверху на гриве, которые закрывались специальным закривником из ткани, нередко богато украшенным. В китайских конных доспехах были возможны различные сочетания частей: некоторые секции могли отсутствовать, например боковины, или же отдельные элементы объединялись в одно целое. Нашейник и нагрудник порой представляли собой две отдельные детали. Круп лошади по традиции украшался султаном из перьев павлина или фазана⁷⁷.

С середины VIII века количество тяжеловооруженных всадников в армии династии Тан резко сокращается, и все попытки в IX веке восстановить их число успехом не увенчались. Тем не менее панцирная кавалерия существовала в Китае вплоть до самого монгольского вторжения, причем более богатых тяжеловооруженных всадников сопровождали в большом количестве легковооруженные конные лучники. Таким образом, китайская аристократия своим вооружением практически во многом была подобна рыцарству средневековой Европы, хотя, естественно, существовали и различия. Например, в Китае в эпоху правления династии Сун, в начале XIII века, всадники применяли такое экзотическое оружие, как «ту хо цян» — «копье неистового огня». Оно представляло собой полый цилиндр, прикрепленный к длинному древку. Внутри цилиндра находился порох. Когда его поджигали, из обращенной к противнику «дульной» части «ствола» выбрасывалось пламя, обжигавшее неприятельских всадников⁷⁸.

С чисто военной точки зрения вооружение всадников династий Суй, Тан и Сун не только не уступало рыцарскому вооружению средневековой Европы, но и во многом его превосходило. Во всяком случае, у рыцарей Вильгельма Завоевателя, покорившего Англию в 1066 году, не было ни пластинчатых доспехов, ни панцирных попон на лошадях. Правда, нормандские всадники имели щиты, а китайские по старинке все еще действовали копьями, которые держали обеими руками.

Как и в Европе, китайские всадники принадлежали к высшей аристократии и служили в армии в качестве «добровольцев», от них требовалось приобретать вооружение и лошадей за собственный счет. Но поскольку комплектовать многочисленные армии в Китае по такому принципу было абсолютно невозможно, там очень скоро придумали воинскую повинность для мужчин в возрасте от 21 года до 60 лет, причем сама служба длилась два-три года. В солдаты могли зачислить даже преступников, которые несли службу в отдаленных гарнизонах на границе, а также «варваров» из соседних с Китаем земель, служивших чаще всего в легкой коннице в качестве лучников. В этих условиях было гораздо легче содержать армию из многочисленных пеших стрелков из луков и арбалетов, чем совершенствовать и развивать дорогостоящую тяжеловооруженную конницу.

Китайцы были очень дисциплинированы, в чем немало важную роль сыграло конфуцианство, у них даже тяжеловооруженные всадники сражались одной единой командой, которая именно так и называлась — «куаи-тэума» («конная команда») и представляла собой построение из пяти рядов всадников-копейщиков спереди и трех рядов конных лучников сзади — по сути дела, это построение аналогично византийскому «клину». При этом в задачу первых рядов входила защита лучников от неприятельских метательных снарядов, а лучники, в свою очередь, поддерживали копейщиков во время атаки.

Глава шестая Всадники Карла Великого

Франки, так же как и византийцы, многое заимствовали у окружающих их народов, но вышло так, что именно у них первых появилась по-настоящему многочисленная тяжеловооруженная конница, фактически ставшая основой всего западноевропейского рыцарства.

Франки против всех

Так уж случилось, что франки едва ли не первыми среди всех прочих варваров восприняли римскую культуру, включая опыт военного дела; случилось это примерно в то время, когда они бок о бок с римлянами в 451 году бились против гуннов на Каталаунских полях. Нельзя не заметить большого сходства в вооружении пеших и конных воинов, участвовавших в этой битве⁷⁹. Позже франкам пришлось драться с арабами, затем, уже при Карле Великом, отражать экспансию аваров, бороться с арабскими пиратами, вторжениями венгров и викингов, то есть воевать практически

непрерывно! Вполне естественно, что прогресс военного дела в последующие века пошел у них очень быстро.

Сначала франки, как и другие варвары, строились плотной фалангой по родам и шли на врага, закрываясь щитами и ошестинившись копьями. Сближаясь с неприятелем, они бросали в него копьа и топоры-франциски, после чего атаковали с короткими мечами типа сакса в руках. Длинные «сарматские» мечи тоже употреблялись, но были большой редкостью и являлись привилегией знати и военачальников.

Оружие франков было удобно для рукопашной схватки: длина копья фреамеи с наконечником в форме лаврового или шалфейного листа не превышала человеческого роста; дротик ангон, похожий на римский пилум, имел такую же длину и часто снабжался двузубым «гарпунным» наконечником, наносившим тяжелые рваные раны; франциской можно было не только рубить, но и метать ее не хуже индейского томагавка. Ангон, вонзаясь в щит врага, застревал в нем и, волочась по земле, отнимал у воина возможность эффективно защищаться. Шлемы, судя по находкам в погребениях, были из металлических полос и подбивались изнутри кожей. Оружие богато украшалось, так как являлось главным показателем статуса владельца.

В основном сражались в пешем строю; правда, вожди выезжали в бой на лошадях, но очень часто в пылу схватки они соскакивали на землю, чтобы личным примером возбудить в воинах мужество и показать им, что в случае поражения не будут искать спасения в бегстве.

Однако когда франкам пришлось воевать с армиями, в которых серьезную роль играли конные отряды, им поневоле пришлось создавать и собственную конницу; этот процесс император Карл Великий постарался стимулировать целым рядом своих указов. Например, в 792—793 годах он повелел, чтобы лица в Каролингской империи, принадлежащие к высшему сословию, располагали полным комплектом доспехов, щитом, конем, а также соответствующим наступательным вооружением. В 802—803 годах последовал другой его капитулярный указ, согласно которому каждому коннику полагалось иметь собственные шлем, щит и кольчатую броню, известную под названием «бруния». Наконец, к 805 году

появился уточненный закон, которым Карл повелел всем, кто владел двенадцатью манси (300 акров) земли, служить в кавалерии в собственных доспехах, причем в случае неявки на службу и земля и доспехи могли быть конфискованы. От представителей иных сословий, составлявших пехоту, требовалось иметь копьё и щит.

Историки немало спорят относительно того, что же представляла собой бруния во времена Каролингов. Ввиду недостатка археологического материала полагаясь больше на рисунки и письменные источники, одни считают, что речь может идти о куртке из толстой кожи (длиной ниже бедер и с рукавами ниже локтя) с нашитыми на нее металлическими чешуйками. Другие настаивают на том, что каролингская бруния — это самая настоящая кольчуга, только, может быть, немного длиннее и с более плотным плетением, чем традиционные кольчуги раннего Средневековья.

Ножные доспехи и поножи тоже фигурируют в списке вооружения в Каролингскую эпоху, но только у самих богатых всадников. Кольчужные рукавицы появляются примерно тогда же, чтобы позже стать обычным элементом кавалерийского вооружения.

Тяжелая конница оставалась ядром франкского войска и в последующие века. Причем каждый всадник располагал собственной броней (с течением времени это почти наверняка была кольчуга), скованным из стальных полос шлемом и большим круглым щитом из кожи и дерева. Каролингская практика столь серьезно повлияла на устройство армий за границами империи Карла Великого, что защитное вооружение каролингского образца стало обычным для Испании, Скандинавии, Восточной Европы и Англии⁸⁰.

Английский историк Д. Николь считает, что доспехи и франкских, и англосаксонских конных воинов тогда, скорее всего, представляли собой чешуйчатый металлический панцирь на кожаной или матерчатой основе, с длинным подолом и рукавами. Эти доспехи наиболее соответствовали тактике боя, начинавшегося с метания дротиков и заканчивавшегося групповыми схватками воинов, вступавших друг с другом в единоборство с копьями и мечами в руках⁸¹. С середины IX века у франков встречаются и заимствован-

ные у венгров отдельные доспехи для ног и бедер, которые до этого не применялись, потому что франкские воины не использовали стремена.

Возникает вопрос: почему еще раньше они не позаимствовали стремена у арабов, с которыми довольно долго воевали? Да просто потому, что во время войн с франками арабы стремена еще не использовали! В те времена на территории Андалусии еще только начинали использовать примитивные стремена в виде кожаной или веревочной петли. Но в целом военное снаряжение арабов называть примитивным, конечно же, никак нельзя. Так, анализируя характер ранений арабских воинов, Д. Николь заметил, что большинство приходилось на лицо и ноги, тогда как торс и руки страдали меньше всего. Следовательно, эти части тела имели хорошую защиту⁸². Что же касается характеристики вооружения арабов, то он приводит выдержку из средневековой восточной литературы — «беседу» калифа Омара и Амира ибн аль-Аза.

«Что дротик?» — спрашивает Амир, и калиф отвечает: — «Это брат, который может предать тебя». — «Что стрелы?» — «Стрелы — это посланцы смерти, которая настагает, а может и миновать». — «Что щит?» — «Это защита, которая страдает сильнее всего». — «Что кольчуга?» — «То, что составляет заботу для всадника и досаду для пехотинца, однако во всех случаях это наилучшая защита». — «Что меч?» — «Это то, что может послужить причиной твоей смерти!»⁸³

Длина копий у арабов достигла четырех метров, что позволяло им успешно бороться с конницей; у арабских всадников могли быть копья даже в пять с половиной метров⁸⁴. Кстати, именно «романтически настроенные» арабы начали первыми прикреплять на копья в качестве вымпела покрывала с лиц своих возлюбленных, и впоследствии этот восточный обычай был воспринят западноевропейскими рыцарями!

Интересно, что при Карле Великом был издан особый указ, по которому любому торговцу, пойманному при попытке переправить «броню» за пределы королевства, грозила немедленная конфискация всего имущества. Это важное свидетельство того, что во Франции уже существовали крупные центры по производству оружия и доспехов и что на их продукцию был устойчивый спрос⁸⁵.

Конские стремена из монастыря Св. Галла

Но когда же у франков появились стремена? Ответить на этот вопрос нам поможет обращение к изображению Саула в монастыре Св. Галла, чья постройка была завершена в 883 году. Художник изобразил Саула в шлеме римского образца, но для нас важно то, что его ноги упираются в петельные стремена, сделанные из кожаных ремешков. Копье, которым Саул вооружен, имеет на втулке стопор в виде небольшой поперечины, хотя предназначено оно для метания, а не для удара. В манускрипте 950 года стремена вполне современного вида на лошади, потерявшей всадника, прорисованы очень тщательно. Они очень похожи на стремя викинга, обнаруженное в Англии в наши дни⁸⁶. То есть переход от самой примитивной формы стремени к окончательно оформившейся свершился меньше чем за столетие.

По мнению ряда историков, стремена, «добравшиеся» до Ближнего Востока, вслед за этим сразу же проникли в Византию, а уже потом либо напрямую от арабов, либо через византийцев — к франкам. Процесс их распространения британские историки прослеживают с помощью данных археологии, языкознания и, в меньшей степени, благодаря художественным источникам, и согласно этим сведениям получается, что франки узнали стремена только в VIII столетии и никак не раньше⁸⁷.

Появление стремян сразу же отразилось на характере военного дела у франков, а заодно привело к колоссальному увеличению стоимости всаднического снаряжения. Например, в V—IX веках панцирь, называвшийся по традиции латинским словом «лорика», стоил двенадцать солидов (золотых римских монет весом 4,55 грамма), шлем — шесть, меч — семь, щит и копье — два, хороший конь — двенадцать солидов; в совокупности получалось 39 солидов, или 177,45 грамма золота. Но уже к началу X века цена увеличилась почти в десять раз! Теперь за полное вооружение всадни-

ка требовалось отдать 330 солидов: шестьдесят — за лорику, тридцать — за шлем, сто — за меч, десять — за щит и копье, сто — за коня и тридцать — за седло.

Показательно, что приличный дом в деревне можно было купить за шестьдесят солидов, а пару сильных волов за двадцать. Такой оказалась плата за возросшую эффективность тяжеловооруженных всадников и их повывисшуюся защищенность.

Глава седьмая Воинственные люди с севера

Мы мало знаем о том, что послужило причиной переселения кочевых народов из Азии на Запад, единого мнения на этот счет нет до сих пор. Виновата была в этом многолетняя катастрофическая засуха или, напротив, проливные дожди и снежные затяжные зимы, которые сделали кочевое животноводство практически невозможным, сказать сейчас трудно. Но вот о причинах, которые подвигли на походы викингов, известно чуть больше. Речь идет о так называемой «катастрофе 535—536 годов», когда в результате сильнейшего извержения одного или нескольких вулканов в атмосферу Земли было выброшено так много вулканического пепла, что началось резкое похолодание во всем средиземноморском бассейне. Суровые зимы тянулись год за годом, а в результате начался голод и, как следствие, — неизбежная миграция народов в Европе.

Это событие, скорее всего, повлияло на военизацию жителей Скандинавии, в обществе которых до этой катастрофы важное место занимали жрецы. Однако «когда солнце затмилось», ни их обращения к богам, ни многочисленные жертвы ожидаемого эффекта не принесли, и вера в могущество жрецов пропала. Авторитет жречества сменился авторитетом

военных вождей, так как в то время только человек с мечом в руке мог рассчитывать на выживание вопреки всем капризам природы. Возможно, именно в этом следует искать корни воинственного «перекоса» в культуре скандинавских народов, который позже проявился в походах викингов...

Щит «Сеть копий» и кольчуга «Боевое полотно»

С военной точки зрения походы викингов на земли Англии и Франции вылились в противостояние хорошо вооруженной пехоты и более или менее тяжеловооруженных всадников, которым требовалось прибыть к месту нападения как можно скорее и наказать наглых захватчиков. При этом защитное вооружение пехотинца-викинга не сильно отличалось от вооружения всадника-франка. Обычно оно состояло из круглого деревянного щита диаметром приблизительно в девяносто сантиметров с металлическим умбонном посередине, конического шлема с наносником и кольчуги с короткими, до локтя, рукавами.

В скандинавских сагах часто говорится о раскрашенных щитах, причем каждый цвет занимал либо четверть, либо половину поверхности щита, который по традиции изготавливали из липовых досок и обтягивали кожей. Отдельно обтягивали кожей или обивали металлом край щита. Самым популярным был красный цвет, однако щиты могли быть желтыми, черными и белыми, а вот синий или зеленый цвета выбирались нечасто. Так, 64 щита, обнаруженные на знамени гокстадском корабле из кургана на берегу норвежского Сандефьорда, были желтого и черного цветов⁸⁸. Некоторые щиты были покрыты разноцветными полосами; есть данные о щитах, на которых изображались мифологические сцены и христианские кресты⁸⁹.

Викинги были большими любителями метафор и нередко давали своим щитам поэтические названия. Известны щиты, называвшиеся «Доска победы», «Сеть копий» (копье при этом, в свою очередь, именовалось «Рыбой щита»), «Липа войны» (прямое указание на материал, из которого щит был

изготовлен!), «Солнце войны», «Стена валькирий», «Страна стрел» и т. д.⁹⁰

Шлемы столь пышных названий не удостаивались, хотя нам известно, что шлем шведского короля Адилса I назывался «Боевой кабан». Они, как правило, имели коническую либо полусферическую форму, причем на некоторых были полумаски, защищавшие нос и глаза, либо простой наносник в виде прямоугольной металлической пластины, спускавшейся на нос. Некоторые шлемы были богато украшены дугами бровей с отделкой из меди и серебра. Поверхность шлема обычно раскрашивали, чтобы защитить ее от ржавчины и «отличать своих от чужих», а иногда для этой же цели на нем рисовали специальный «боевой знак».

Обычным названием кольчуги было «рубашка из колец», хотя ей, как и щиту, могли даваться такие поэтические названия, как «Голубая рубаха», «Боевое полотно», «Сеть стрел» и «Плащ для боя»⁹¹. На большинстве дошедших до нас кольчуг викингов концы колец сведены и перекрывают друг друга, при этом края их не закреплены. Такая простая технология позволяла значительно ускорить производство кольчуг, которые поэтому не были чем-то из ряда вон выходящим, а рассматривались как вполне обыденная воинская «униформа».

Ранние кольчуги имели короткие рукава и доходили до бедер, поскольку викингам приходилось много орудовать веслами и длинные кольчуги мешали грести. Однако уже в XI веке длина кольчуг, по крайней мере некоторых экземпляров, значительно увеличилась. Так кольчуга Харальда Хардрады доходила ему до середины икр и при этом была такой прочной, что «никакое оружие ее не могло разорвать». Впрочем, викинги, случалось, сбрасывали свое защитное вооружение, чтобы оно не стесняло движений, как это было, например, в ходе сражения на Стемфордском мосту в 1066 году.

Меч «Ногокус» и топор «Хель»

Анализируя древние скандинавские саги, английский историк Кристофер Граветт доказал (как и Дэвид Николь в отношении арабов), что из-за наличия у викингов

кольчуг и щитов большинство ранений у них приходились на ноги. Поэтому одним из самых распространенных названий меча (помимо таких пышных прозвищ, как «Длинный и острый», «Пламя Одина», «Золотая рукоять» и даже «Наносящий ущерб боевому полотну») было «Ногокус» — название вполне говорящее само на себя!⁹²

Лучшие клинки доставлялись в Скандинавию из Франции, и уже на месте мастера прикрепляли к ним рукоятки из моржовых клыков, рога и металла, причем последние было в обычае инкрустировать золотой проволокой, медью и серебром. Клинки, обычно также инкрустированные, иногда украшенные письменами и узорами, были длиной примерно 80—90 сантиметров; они могли быть как обоюдоострыми, так и с одним лезвием наподобие огромного кухонного ножа. Последние были распространены у норвежцев, а вот в Дании таких мечей не обнаружено. Однако в обоих случаях для уменьшения веса клинки оснащали продольными желобками от острия к рукояти. Рукоять мечей викингов была очень короткой и буквально зажимала руку бойца между перекрестием и навершием, чтобы она в бою не смещалась.

Викинги использовали топоры нескольких видов, копья (умелые их метатели пользовались большим уважением), а также луки, причем даже короли метко стреляли из лука и очень гордились этим умением! Интересно, что топорам почему-то давали либо женские имена, так или иначе связанные с именами богинь (например, король Олаф назвал свой топор «Хель» по имени богини смерти), либо имена троллей!⁹³

Кольчуга, шлем и щит викинга ничем не уступали защитному вооружению франкского всадника. Это было связано с общей унификацией защитного вооружения в Европе к началу XI века, когда кольчуга практически вытеснила из применения чешуйчатые доспехи и ламеллярные панцири — более надежные, но и более тяжелые и неудобные в носке. Дело в том, что ослабла угроза, исходящая от азиатских кочевников — конных лучников; венгры, последние из них, уже осели на равнинах Паннонии.

Глава восьмая Рыцари с «Байесского полотна»

Как выглядели воины конца X — начала XI веков, вполне можно представить по археологическим находкам или описаниям в древних сагах. Однако куда лучше увидеть их воочию — например, взглянув на знаменитое «Байесское полотно», которое очень часто называют гобеленом и даже ковром. На самом деле это не гобелен и уж тем более не ковер, а просто огромная вышивка длиной почти семьдесят метров и шириной, колеблющейся в пределах полуметра. Выполнена она шерстяными нитками восьми цветов на льняном полотне и тщательно воспроизводит сцены завоевания Англии выходцами из Нормандии. О масштабности «Байесского полотна» говорит следующий подсчет: здесь вышито 59 сцен, в которых, если считать кайму, изображено 626 человеческих фигур, 202 лошади, 55 собак, 505 других животных, 49 деревьев, 37 зданий и 41 корабль!⁹⁴ Другого такого памятника в мире просто нет, и то, что «Байесское полотно» сохранилось спустя столько лет после своего создания — а считается, что сделана вышивка вскоре после завоевания Англии в 1066 году, — уже само по себе чудо из чудес!

На «Байесском полотне» изображены рыцари — такие же, как и те, что в спустя недолгое время, в 1095 году, отправились в Первый крестовый поход в Палестину. За всадническую службу своему королю, герцогу или графу они получали в собственное владение лен — участок плодородной земли вместе с крестьянами — и на доходы с него покупали коней и все необходимое для войны снаряжение и вооружение.

Правда, на всадниках с «Байесского полотна», по сравнению с «классическими рыцарями» более позднего периода, еще маловато «железа». Впрочем, можно считать, что защита у них вполне достаточная. Шлемы на них традиционные, сегментные с наносником, простой формы, кольчуги длинные, прикрывают колени, хотя подавляющее большинство их без кольчужных чулок. Скорее всего, именно эта часть защитного доспеха в то время отличала состоятельную знать от обыкновенных воинов, которым вполне хватало шлема с кольчугой и щита. Так, в кольчужных чулках, защищавших ноги спереди — в конной схватке они могли пострадать в первую очередь, — изображены герцог Вильгельм I Завоеватель и брат его Одо. Судя по изображению, шлемы воинов в XI веке раскрашивались в разные цвета, но делали это, вероятно, не только ради красоты, но и для того, чтобы предохранить поверхность от ржавчины.

Долгое время считалось, что вышивка изображает сразу несколько видов принципиально различных доспехов — например, броню из нашитых на кожу металлических колец, каждое из которых при этом с другими не соединяется. Но современные английские ученые полагают, что все персонажи «Байесского полотна» одеты в кольчуги. Опровергают ученые и предположение, что некоторые из персонажей облачены в сплошную броню из двух слоев кожи, простеганных между собой, да так, что внутри каждого стеганого квадрата могла находиться металлическая пластинка. В любом случае эта одежда никак не могла иметь вид комбинезона с рукавами и штанами, а представляла собой одеяние, надевавшееся через голову, или же что-то вроде хирургического халата с завязками на спине. На «Байесском полотне» доспехи с павших воинов снимают на манер ночной рубаш-

ки — через голову. Операция явно невозможная, если верхняя часть одежды объединена со штанами! Что же касается квадратной вставки на груди многих воинов, то это мог быть и клапан воротника, и кольчужная маска, закрывавшая нижнюю часть лица, но в некоторых случаях еще не пристегнутая.

Интересно, что у ряда воинов конец ножен высовывается из-под кольчуги, а рукоять изображена так, как если бы она высовывалась из карманов на уровне пояса. То ли мечи тогда и в самом деле иногда носили под кольчугой (что, в общем-то, совсем неудобно и требует прорези на боку для того, чтобы пропускать наружу рукоять!), то ли вышивальщики погрешили против истины...

Щиты воинов показаны очень большими. Своей формой они напоминают щиты византийцев в форме перевернутой «вверх ногами» и сильно вытянутой капли. Англичане называют такие щиты «змееподобными», поскольку такую форму на Британских островах принято придавать воздушным змеям. Тут возникает вопрос: а как они появились у воинов из Нормандии, если всего каких-то полвека назад все западноевропейские щиты были круглыми?⁹⁵ Очевидно, случилось что-то заставившее заимствовать их из Византии! Но что именно, мы не знаем. Такие щиты защищали не только торс, но и левую ногу; впрочем, это не может служить объяснением столь быстрого их распространения.

Кресты на щитах большинства рыцарей с «Байесского полотна» почему-то извилистые (хотя у герцога Вильгельма крест на щите вполне христианский), с чем это связано, сказать трудно. Толщина такого щита, судя по дошедшим до нашего времени заклепкам, достигала 15–30 миллиметров. Это не так уж и много, однако, учитывая кожаную обтяжку щита, умбон и металлическое окаймление по краям, можно предположить, что своего владельца он защищал достаточно хорошо. Любопытно, что, судя по изображениям на полотне, щиты служили рыцарям еще и в качестве столешницы! Для этого их укладывали на деревянные козлы; куски мяса и дичь на вертелах подавали на толстых ломтях хлеба, заменявших тарелки, так что весь жир стекал прямо на

изнанку щита, и вид у него от этого должен был быть соответствующим!

Этот комплект вооружения советские историки считали слишком «тяжелым», полагая, что он делал рыцаря неуклюжим, неповоротливым. Между тем похожий комплекс всаднического вооружения был и у витязей Руси, и у сарацинских всадников Ближнего Востока, с которыми западноевропейские рыцари-крестоносцы столкнулись во время Первого крестового похода.

Естественно, что в результате войн взаимовлияние восточной и западной культур на развитие оружия и доспехов усилилось, однако даже в начале XIII века они изменились незначительно, что подтверждается изображениями уже с другого «ковра» — норвежского, из церкви в Балдишолле; воины на нем выглядят точно так же, как и на «Байесском полотне»⁹⁶, запечатлевшем «зарю рыцарства».

Глава девятая О рыцарях эпохи кольчуги

Итак, в XI веке в Европе кольчуга вышла на первое место по своей популярности, отодвинув в сторону остальные доспехи трех типов — доспехи из металлических или костяных пластинок, нашитых на кожу, доспехи из таких же пластинок, но соединенных при помощи кожаных ремешков, и, наконец, доспехи, о которых известно меньше всего и которые, может быть, не существовали вообще; речь идет о доспехах из колец, рядами нашитых на кожаную основу. Последние могли принадлежать рыцарской «бедноте», которой денег на кольца хватало, а вот на то, чтобы соединить их в кольчугу, — уже нет, так что, возможно, доделывали доспехи уже не мастера-оружейники, а слуги.

Итальянский историк Ф. Кардини в своей книге «Истоки средневекового рыцарства», изданной в России в 1987 году, выдвинул свою гипотезу возникновения кольчуги. По его версии, сначала кольца-амулеты нашивались с магической целью на одежду шаманов, которые участвовали в походах диких племен и схватках наравне с прочими боеспособными мужчинами; переплетение колец повышало их силу,

потому что «одно кольцо передавало свою силу всем прочим». Естественно, что количество колец повышало магическую силу одеяния. Чтобы уместить на одежде как можно больше колец, их стали уменьшать в размерах, и тут люди заметили, что стрелы с широкими костяными или кремневыми наконечниками такую «магическую» одежду вообще не пробивают! И как только это обнаружилось, кольца перестали нашивать на основу, а начали просто соединять их друг с другом, превращая в «волшебную» металлическую ткань...

Подобный металлической статуе

Каково бы ни было происхождение кольчуги, но уже к середине XI века она стала главным типом доспехов на полях сражений, причем продолжалось ее доминирование не менее двухсот лет. Английский историк Клод Блэр считает, что «эпоха кольчуги» в Европе — это период с 1066 по 1250 год⁹⁷. И хотя тут существуют и другие точки зрения⁹⁸, именно эти временные рамки можно считать наиболее обоснованными.

В кольчугах использовались кольца двух типов: сварные (каждое кольцо делалось из отрезка проволоки, концы которого сводились и соединялись при помощи кузнечной сварки) и сведенные, концы в которых накладывались друг на друга и соединялись заклепкой. Любая кольчуга с кольцами, имеющими соединения встык, по мнению Блэра, это либо новодел, либо восточная работа, хотя, разумеется, встречаются исключения; в частности, это фрагменты кольчуги из Саттон-Ху, хотя она и относится к более раннему времени.

В 1080 году кольчуга во Франции, как ее называли — гобер, стоила 100 су, то есть по меньшей мере вдвое, а то и в пять раз дороже коня. В свою очередь, конь пятикратно превосходил ценой быка, а боевой жеребец дистриер — правда, речь идет уже о XIII веке — стоил примерно в семь раз дороже, чем обычная дорожная лошадь. В 1181 году для

того, чтобы быть рыцарем в Англии, необходимо было обладать кольчугой, шлемом, щитом, а также копьем и мечом, а простому воину предписывалось иметь кольчугу полегче (гобержон — то есть кольчугу с короткими рукавами), железную каску и копье. Еще проще было вооружение городского ополчения, состоявшее всего лишь из стеганого кафтана, называвшегося «гамбезон» (он, кстати, использовался также и в качестве подкольчужного одеяния!), железной каски и копья⁹⁹.

При взгляде на иллюстрацию из манускрипта, датируемого 1125—1150 годами, на которой святой Эдмунд побеждает датчан, вполне можно сделать вывод, что рыцарское вооружение за время, прошедшее с 1066 года, изменилось только в мелочах. Например, шлемы ковались из одного металлического листа, причем их верхушка загибалась кпереди; рукава удлинились до запястья; под шлемом у каждого рыцаря появился кольчужный капюшон (то есть сам шлем стал больше по объему) — и на этом все новшества заканчиваются¹⁰⁰. Ни тебе кольчужных чулок, ни конской брони — ничего! То есть, с одной стороны, прогресс в вооружении вроде и был, но шел он очень медленно — так медленно, что порой заметить его мог только острый глаз.

Впрочем, тут очень многое зависело от моды и от состояния кошелька рыцаря. Историки Д. Эдж и Д. Паддок, изучив рисунки «Винчестерской Библии», датируемой 1165—1170 годами, сделали вывод, что, хотя длина кольчуги и осталась такой же, как и в 1066 году, визуально фигура рыцаря изменилась достаточно сильно. Почему? Да потому, что теперь стало модным выпускать из-под кольчуги, то есть из-под надетого под нее простеганного гамбезона, длинный кафтан до лодыжек и к тому же ярких цветов!

Приблизительно с 1150 года в массовый обиход рыцарства входят кольчужные шоссы — чулки, называвшиеся в Англии «хозен»¹⁰¹. Обычно они закреплялись на поясе, под кольчужной рубашкой. Принято считать, что более ранняя форма шоссов представляла собой всего лишь кольчужную полосу, шедшую вдоль ноги спереди и закреплявшуюся на ней ремешками сзади, а вот более поздняя была самими настоящими кольчужными чулками на подкладке из ткани¹⁰².

Защитной стеганой одежды, которую носили как под кольчугой, так и без нее, в это время насчитывалось три вида. Это были камзол, гамбезон и акетон, однако чем они отличались друг от друга, сказать сегодня невозможно. Скорее всего, все эти три термина уже тогда использовались произвольным образом и были взаимозаменяемы. В общем, британские историки считают, что к концу XII века рыцарь стал выглядеть ярко и красочно, однако цвет металла в его внешнем виде по-прежнему преобладал.

На рыцарях появляется котта...

В конце XII века, скорее всего под влиянием походов на Восток, кольчуга была дополнена кольчужным капюшоном, длинными рукавами с перчатками, обеспечивавшими рыцарям лучшую защиту, а кольчужные чулки-шоссы стали обыденной вещью рыцарского гардероба. Этот наряд получил название «хауберк» и стал своего рода стандартным рыцарским облачением, о чем свидетельствует, например, рельеф 1210 года с изображением из церкви Св. Юстина в Пидне, где все тело рыцаря с головы до ног закрыто кольчужными доспехами, а шлем имеет маску с отверстиями для дыхания и для глаз.

В это же время у рыцарских доспехов появилось важное дополнение — плащ сюрко, который в XIII веке обрел особую популярность. Поначалу это была длиннополая одежда с разрезами спереди и сзади и длинными рукавами, но рукава она постепенно утратила. Функциональное значение сюрко вполне очевидно — защита рыцаря от палящего солнца и дождя. Однако сомнительно, чтобы свободное длинное платье могло эффективно защищать своего владельца от английской непогоды — ведь это же не плащ из прорезиненной ткани!

Ясно, что сюрко пришел в Европу с Востока. Но многие историки считают его появление следствием не столько знакомства европейцев с восточной культурой (где мусульманские воины прикрывали доспехи тканью, чтобы они не

так сильно нагревались), сколько их желания выделиться среди прочих соотечественников демонстрацией своего богатства.

Другая интересная теория гласит, что сюрко демонстрировал геральдические знаки своего обладателя. В английском языке слова «герб» и «кольчуга» начинаются одним и тем же словом — «коат». В первом случае это «коат оф армз» — дословно — «одежда для оружия», а во втором «коат оф мэйлз» — «одежда из кольчуги». Геральдический характер термина, казалось бы, очевиден. Но на миниатюрах XIII века изображено множество всадников, у которых цвет и рисунок герба и вид сюрко не совпадают. У некоторых на сюрко отсутствуют изображения, обязательные для геральдической одежды. Известны миниатюры XIV века, где рыцари одеты в сюрко, отделка которых с гербом совершенно не связана, но немало и таких миниатюр, где «декор» полностью совпадает.

Возможно, мода на ношение сюрко возникла не без влияния церкви, поскольку облагающие чулки и кольчуги делали тело облаченного в них человека уж очень «анатомическим» и церковники сочли такой облик рыцарей «неприличным».

Самое раннее изображение сюрко, обнаруженное К. Блэром, относится к фигуре Валерана де Белломонте, графа Меллана и графа Вустера. Оно находится на печати, прикрепленной к грамоте графа, датируемой 1150 годом. Выглядит это сюрко весьма необычно — его рукава достигают запястий. Подобный покрой появился вновь лишь во второй половине XIII века. До бедер этот сюрко прилегает к телу довольно плотно, затем расходится в виде широкой юбки до лодыжек, с разрезом для верховой езды. Рукава плотно облегли руку вплоть до запястий, а затем расширились, образуя что-то вроде длинных лент. Очень похожие сюрко, но без рукавов есть на раскрашенной заставке в «Винчестерской Библии» и на «Большой печати» короля Джона, которая датируется приблизительно 1199 годом.

До 1210 года изображения сюрко встречаются редко, но потом этот плащ приняли повсеместно. До 1320 года сюрко имел вид свободного халата без рукавов с большими пройма-

ми и юбкой с разрезом, которая доходила до середины икр, хотя в тот период вполне обычной была длина до лодыжек или до колен. С 1220 года изредка встречаются сюрко с рукавами по локоть; впрочем, таких изображений мало¹⁰³.

Историк Э. Окшотт термин «сюрко» не использует, он называет рыцарский плащ «коттой»¹⁰⁴. По его мнению, точное назначение котты не известно: «Многие авторитетные люди полагают, что ее привезли из Святой земли крестовосцы, где такие вещи были необходимы для того, чтобы не дать палящему солнцу чересчур разогреть кольчугу; это очень практичная теория, но отсюда делают вывод, что до того котты на Западе не знали и даже не думали о ней до 1200 года. Между тем воины Христовы начали возвращаться с Востока еще в 1099 году, за столетие до названного срока. Тогда почему же котту не начали повсеместно использовать раньше? Существует еще одна теория: этот предмет в основном предназначался для демонстрации гербов носителя. Это тоже весьма и весьма вероятно, поскольку котта вошла в моду одновременно с геральдикой. Часто цитируемый отрывок из посвященного королю Артуру романа XIV века не стоит буквально понимать как доказательство того, что котта была чем-то вроде макинтоша. Я думаю, хотя и без какой-либо конкретной причины, что котта была данью моде; конечно, ее использовали в практических целях, поскольку она действительно закрывала от солнца и в какой-то мере от влаги большую часть поверхности кольчуги и давала превосходную возможность для демонстрации гербов; этот предмет одежды был бесценен в тех случаях, когда нужно было опознать погибшего на поле сражения, поскольку шлем легко мог откатиться далеко, а лицо от ранений стать неузнаваемым. Однако каким бы ни было назначение котты с точки зрения жизненной необходимости, это был веселый и красочный наряд, превращавший угрюмого и сурового рыцаря в темной коричнево-серой кольчуге в фигуру галантную и блистательную, — и это вполне согласовывалось с тем расцветом, которого достигла к концу XII века веселая наука рыцарства.

Покрой котты менялся, причем это зависело не от периода, а от личных предпочтений владельца: в XIII веке она мог-

ла быть очень длинной или очень короткой, с рукавами или без — как угодно... В общем и целом котта — это простое одеяние, скроенное наподобие ночной рубашки без рукавов, но с разрезом от подола и почти до талии спереди и сзади, так, чтобы владелец мог спокойно сесть в седло. Хотя в девяти случаях из десяти котты шили без рукавов, иногда встречаются и рукава, причем некоторые только до локтей, а некоторые — до запястий.

Не было ничего необычного в том, что на изготовление одежды шел очень дорогой материал (в описях встречаются экземпляры из бархата и парчи), который щедро расшивали гербами. А почему бы и нет? Это была единственная верхняя одежда, которую мог себе позволить рыцарь, и на нее стоило употребить всю свою фантазию. Котты ярких цветов, с вышивкой золотом и серебром составляли приятный контраст с чисто военной амуницией и украшали галантных кавалеров, весьма довольных такой возможностью продемонстрировать и богатство, и тонкий вкус¹⁰⁵.

«Большой шлем» и другие новшества

После 1150 года конический шлем с наносником начал понемногу вытеснять шлемы с округлым верхом и часто без наносника. Наивысшую популярность он обрел к 1180 году, когда появились шлемы новой формы — обычно цилиндрической, но иногда расширяющиеся кверху. Дно у них было плоским или слегка выпуклым. Конические и цилиндрические шлемы повсеместно использовались до 1250 года, но затем они уступили первенство небольшому полукруглому шлему, повторявшему форму головы воина. Этот шлем, называемый «цервельер» или «бацинет», часто использовали в качестве подшлемника и надевали под капюшон кольчуги. Причем делать это стали уже после 1200 года, — во всяком случае, на многих миниатюрах и изображениях, датированных первой половиной XIII века, капюшоны, судя по их очертаниям, надеты именно на такие шлемы.

Приблизительно с 1180 года шлем получает забрало, похожее на современную защитную маску сварщика, с отверстиями для дыхания и двумя прорезями для глаз. Иногда забрало имело усиливающие полосы в виде креста с прорезью для глаз на горизонтальной перекладине. На шлеме всегда имелись ремешки, которые завязывались на подбородке.

Появление забрала (следует сказать: новое появление, так как забрала в античный период были в Европе широко распространены) совпало с возобновлением практики ношения нашлемных украшений — гребня, венца или диадемы; по ним легче было узнать владельца шлема. Самое раннее изображение гребня имеется на «Большой печати» короля Ричарда I 1194 года. Король на ней изображен в шлеме с плоским верхом и забралом. Шлем увенчан гребнем в виде веера с изображением леопарда. Немецкий манускрипт «Энеида», датируемый приблизительно 1210—1220 годами и хранящийся в Берлинской государственной библиотеке, содержит множество изображений шлемов с гребнями. Обычно это фигуры птиц и животных, или изображения предметов, или сами предметы, укрепленные на миниатюрных флагштоках.

Не совсем ясно, как появился плоскоцилиндрический «шлем-таблетка», внешне походивший на небольшой ковшик или «котелок с укороченной и отогнутой книзу рукояткой»¹⁰⁶, из-за чего англичане прозвали его «кастрюльная шляпа»¹⁰⁷. Но чуть позже у него опустили заднюю часть — и получили знаменитый рыцарский «большой шлем». Типичные по своему устройству «большие шлемы» дошли до нас всего лишь в нескольких экземплярах, причем ни один из них не выкован ранее 1250 года. В распоряжении историков имеется «шлем из Бозена» (собор Сент-Анджело в Риме), сохранившийся настолько хорошо, что по нему вполне можно представить себе устройство и всех остальных.

Шлем этот сделан из пяти пластин «доброго железа», как было принято в то время говорить, скрепленных тяжелыми железными заклепками с головками в форме сплюснутого конуса. Нижняя передняя пластина в центре уходит назад под острым углом и перекрывает нижнюю заднюю. Спе-

реди ее верхний край срезан приблизительно на полдюйма и образует нижнюю часть двух длинных прорезей для глаз. Язычок, идущий вверх от центра пластины, образует перегородку между этими двумя прорезями. Задняя пластина выгнута так, что образует полукруг. Верхняя передняя пластина выдается вперед так же, как и нижняя, она перекрывает края верхней задней и вырезана по нижнему краю, завершая форму прорезей. Две верхние пластины в результате образуют усеченный конус неправильной формы, который венчает еще одна пластина в форме овала. Ее загнутые вниз края прикреплены со всех сторон расположенными через равные промежутки заклепками. На верхних пластинках просверлены четыре группы круглых дырочек, расположенных по диагонали спереди, с боков и сверху; они предназначены для шнурков, которыми крепится геральдический знак. Для дыхания на нижней передней пластине проделано по одиннадцать Т-образных отверстий с каждой стороны. Справа у «шлема из Бозена», на стыке верхней и нижней пластин, видна выбоина от мощного удара, а слева — борозда, проделанная каким-то рубящим оружием или острием копья.

Шлем гораздо больше в длину, чем в ширину; он не имеет цилиндрической формы, присущей изображениям на миниатюрах и печатях XIII века. Передняя часть у него несколько отдалена от лица; вполне вероятно, это сделано для того, чтобы улучшить циркуляцию воздуха. В нынешнем состоянии шлем весит немногим более двух килограммов; с обтяжкой и накладками его вес, вероятно, составлял около двух с половиной килограммов. Самые ранние из шлемов этого типа были снабжены пересекающимися полосками металла, другие, более поздние, украшались крестами с цветочным орнаментом на концах, нарисованным краской или выложенным золотой фольгой. Сам шлем при этом также мог, для защиты от ржавчины, покрываться позолотой или раскрашиваться.

Кроме шлема, для защиты головы от ударов, использовались и другие средства. Прежде всего, это прически — ведь в XIII веке короткие стрижки отсутствовали. Волосы убирали под маленькую полотняную шапочку-подшлемник, которая плотно прилегала к голове, причем два ее отворота

та закрывали уши и завязывались тесемками под подбородком. В результате получалась заметных размеров мягкая прокладка, смягчавшая пришедшийся в голову удар. Иногда поверх подшлемника надевали маленькую, тесную стальную шапочку, а поверх всего этого накидывали кольчужный чепец. Бывало, что и на чепец еще надевали нечто вроде свертка из набивной материи наподобие головного убора зулусов; он должен был поддерживать шлем и сохранять нужное расстояние между ним и головой рыцаря.

К концу XII века во Франции появился весьма популярный в Средние века тип шлема — «шапель де фер» («железная шляпа»); в Англии этот шлем назывался «шапе». По сути дела, это был все тот же неглубокий шлем-кастрюля, однако с приделанными к нему коническими полями; позднее такие поля появились на шлемах самых различных форм, включая полусферические и конические. Шлемы этого типа были как цельнокованные, так и клепанные, собранные из нескольких деталей. Они давали хороший обзор, и, несмотря на их несколько пониженные защитные свойства, некоторые рыцари предпочитали «шапель де фер» всем остальным шлемам. Иногда рыцари носили их поверх кольчужного капюшона. А для пехотинцев «шапель де фер» был основным средством защиты вплоть до середины XV века.

Большой щит, имеющий форму английского воздушного змея, широко применялся на протяжении всей второй половины XII века, но лишь в Скандинавии он остался практически неизменным. Чем дальше к югу, тем больше изменений вносилось в его конструкцию, причем первым и наиболее заметным отличием стала спрямленная верхняя кромка. Анна Комнина, дочь императора Византии, в своих описаниях крестоносного воинства, шедшего через Константинополь на Иерусалим, сообщает, что щиты воинов были покрыты металлом и сильно блестели.

К 1150 году некоторые рыцари стали использовать поверхность щита для нанесения геральдических изображений. Например, надгробная фигура Жоффруа IV, графа Анжуйского, прикрыта щитом от лодыжек до плеча; верхняя часть щита совершенно прямая, он имеет небольшой умбон, а вся

его поверхность покрыта золотыми львами, предками львов британского герба¹⁰⁸.

Как уже говорилось, в поединках на мечях такой щит давал определенное преимущество своему хозяину перед воином с круглым щитом, поскольку его нижний заостренный конец предохранял левую ногу от секущих ударов, наносившихся под нижний край щита¹⁰⁹. Такими щитами пехотинцы и спешившиеся рыцари могли выстроить «стену» и отразить любую кавалерийскую атаку, однако значительный вес превращал их в тяжкую ношу для воинов.

Вот почему, как только у рыцарей появились защитные чулки, а затем и наколенники, надобность в таких щитах отпала сама собой. С первых лет XIII века щит всадника сильно сократился в размерах, которые составили теперь около 75 сантиметров от основания и до верхнего края¹¹⁰, а его очертания приобрели форму современного утюга. Посредством сложной системы удерживающих ремней щит можно было носить на руке и манипулировать им, отражая удары. Длинный ремень — гуж служил для того, чтобы вешать его за спину; раньше всего такие ремни появились на больших норманнских щитах.

Как правило, щиты были деревянными, их обшивали кожей как снаружи, так и изнутри, а поверхность в обязательном порядке расписывали и даже покрывали позолотой. Иногда щит оклеивали пергаментом. Поверхность его могла быть как прямой, так и изогнутой — примерно так же выгибались наружу прямоугольные щиты римских легионеров. Щиты, имеющие изгиб, лучше защищали своих обладателей¹¹¹, но управляться с ними было сложнее, чем с плоскими щитами, которые проще закреплялись на руке. Поскольку спереди щит теперь часто представлял собой сплошной рыцарский герб, от металлического умбона на нем отказались, ограничившись оковыванием по краям металлом.

Круглые щиты к концу XII века стали совсем маленькими и плоскими, у них появился металлический умбон; такие щиты назывались «баклер»¹¹²; их применяли воины, сражавшиеся пешими на мечях.

Еще одним элементом рыцарского снаряжения, имевшим, впрочем, не столько защитное, сколько декоративное зна-

чение, стали ближе к концу XIII века наплечные щитки — эспаулеры или элеты, имевшие форму квадратов, прямоугольников, ромбов или дисков; их крепили к плечам любым доступным образом.

Никакой ценности как защитные приспособления они не имели, так как выделывались из непрочных материалов. Д. Николь подчеркивает, что материал, из которого изготавливались эспаулеры («вареная кожа», фанера или тонкий картон), не позволял их использовать для чего-то большего, кроме опознавания¹¹³. Эспаулеры практически всегда несли на себе герб, и это была, в общем-то, немаловажная функция. Ведь далеко не всегда на рыцаря можно было посмотреть со стороны его щита, а геральдические изображения на сюрко, как об этом уже говорилось, наносились не всеми. Это было, по мнению Э. Окшотта, не что иное, как «веселый пустячок», призванный «улучшить» внешний вид их владельца и показать окружающим, кто он такой¹¹⁴.

Надо сказать, что среди рыцарей хватало людей, озабоченных своим внешним видом. В погоне за модой или ради щегольства они не останавливались ни перед чем, лишь бы «показать себя». Например, Пьер Гавестон, известный фаворит короля Эдуарда II, носил щитки, обшитые парчой и украшенные жемчугом!¹¹⁵

Д. Николь приводит описание «идеального» рыцаря, сделанное в 1170 году Анаутом Гуилхемом де Маршаном: «Имей хорошего коня... чтобы он мог быстро бежать и нести тебя и твоё оружие. Приготовь свои доспехи, копьё, меч и хауберк, а также сюрко. Конь должен быть хорошо выезжен, а когда сделаешь это — положи на него доброе седло и узду и по-настоящему хорошие доспехи, чтобы ничего не было упущено. Попона коня должна иметь такую же эмблему, что и седло, и быть такого же цвета, что твой щит и вымпел (пеннон) на конце копья. А ещё тебе понадобится конь, чтобы везти твой двойной хауберк и твоё оружие...»¹¹⁶

Д. Николь подчеркивает, что именно знакомство европейских рыцарей с восточной культурой в ходе крестовых походов привело к тому богатству их одежды и оружия, которое уже в XIII веке повсеместно воспринималось как должное

и воспевалось в стихах. Вот что говорится в поэме XIII века «Галеран»:

Стремился каждый в чистом быть
В сюрко лишь новом в битву выходить.
Вот золотом сияет башня на щите,
Там лев, там леопард и рыба в боевом гербе.
Павлина хвост иному служит украшеньем,
А кто-то шлем цветком украсил в утешенье...
Там черный траур всадника венчает флаг,
А у другого — белый, синий и зеленый знак.
У третьего сюрко багряный, лилиями блещет,
А кто-то, видя это, про себя трепещет...¹¹⁷

Глава десятая О рыцарях «переходного периода»

Знакомясь с рыцарским вооружением «эпохи кольчуги», мы дошли до середины XIII века. Прежде чем двигаться дальше, стоит сказать о том, что именно современные ученые изучают, чтобы добыть интересующие их сведения.

Казалось бы, изучать Средневековье значительно проще, чем незапамятные времена Древнего мира. Однако это утверждение далеко не так справедливо. Дело в том, что в древних погребениях, как правило, находится много предметов, сопровождавших усопшего на «тот свет», а христианский обряд погребения таких «наборов» не предусматривает. В результате до нас дошло очень мало подлинных образцов — они просто не сохранились. И вот тут нам на помощь приходят эффигии...

Эффигии как исторический источник

Эффигия (от *лат.* *effigies*) — это скульптурное надгробие, изображающее представителя знати лежащим, коленопреклоненным или стоящим и выполненное из камня, дере-

ва или металла. Нередки парные эффигии — фигуры мужа и жены и даже одной жены сразу с двумя мужьями и наоборот! Ту же роль, что и эффигии, выполняли брэссы — плоские гравированные изображения, сделанные на медных либо бронзовых листах и наложенные на каменную надгробную плиту. Очень часто фигуры изображались со скрещенными руками или соединенными в молитве ладонями и с ногами, покоящимися на фигуре льва или собаки; одни фигуры лежат горизонтально, другие находятся в вертикальном положении.

Ценность эффигий как исторического источника исключительно велика, так как это едва ли не единственные памятники средневековой рыцарской культуры, дошедшие до наших дней в хорошей сохранности. Эффигии и брэссы, наряду с изображениями на печатах и другими немногочисленными подлинными предметами рыцарского быта, помогают нам понять, как выглядели доспехи и оружие¹¹⁸. Ведь подлинники оружия и особенно доспехов XII—XIV веков сейчас можно пересчитать по пальцам. Сохранилось несколько «больших шлемов», одна-единственная кольчуга целиком, три меча типа фальшион (или фальчион) и так далее. Цельнокованых «белых доспехов», о которых мы подробно поговорим далее, сохранилось значительно больше, однако многие из них представляют собой новodelы, относящиеся к более позднему времени. Так что, если бы не существовало эффигий, о раннем рыцарском снаряжении мы знали бы главным образом по дошедшим до наших дней миниатюрам из рукописных манускриптов.

Эффигии, однако, выгодно отличаются от рисованных изображений тем, что выполнены в полный рост и на них самым тщательным образом переданы все детали костюма и воинского снаряжения усопшего. Хотя многие из эффигий были повреждены, все же они сохранились лучше, чем украшающие городские площади статуи, поскольку находятся в помещениях; святость места охраняла их от людей, а кровля — от капризов погоды. И сегодня едва ли не в каждой английской и во многих западноевропейских церквях мы можем увидеть хотя бы одну-две эффигии; самые ценные из них огорожены, так как признаны памятниками национальной культуры.

Общепринято, что наиболее раннее изображение такого рода хранится в Музее де Тесс французского города Ле-Ман. Это плита с могилы Жоффруа Плантагенета, которого мы видим в доспехах и со щитом в руках. Щит украшен золотыми львами — древнейшим из известных нам гербов. А в кафедральном соборе в Солсбери находится датируемая приблизительно 1230—1240 годами эффигия его внука Уильяма Лонгспи, умершего в 1226 году¹¹⁹. Изображения щитов этих двух рыцарей обычно приводят как пример первого реального подтверждения передачи в наследство гербового щита от одного владельца другому.

Правда, по мнению английских историков, существуют и более ранние эффигии. К ним относятся изображение Роберта Беркли из собора в Бристоле, созданное в 1170 году; находящиеся в храмовой церкви в Лондоне изображения Жоффрея де Мандевиля, первого графа Эссекса (1185 год), и Уильяма Маршала, второго графа Пемброка (1231 год)¹²⁰, а также некоторые другие эффигии, в том числе и безымянные.

Особенно много эффигий появилось в XIII—XIV веках, хотя создавались они и позднее. Все эти изображения представляют нам рыцарей в полном снаряжении, с мечами, кинжалами и щитами, причем у одних фигур, лежащих горизонтально, голова покоится на специальной подушке, а у других под головой или рядом с ней лежит боевой шлем.

Сначала эффигии были распространены только в Англии, но очень скоро они появились во Франции, Германии и Испании, а затем в Швейцарии, Италии и Дании.

Средневековые скульпторы скрупулезно передавали мельчайшие детали вооружения, включая пряжки на ремнях и кольца на кольчугах. Поэтому благодаря эффигиям мы можем точно определить, когда возникли и как долго существовали те или иные перекрестия и навершия у рукояток мечей, какие у рыцарей были шлемы и нашлемные украшения, какие щиты, латы и налатные одеяния они носили.

Фигура уже упоминавшегося Жоффрея де Мандевиля имеет на голове типичный «шлем-кастрюлю» и странный «подбородник», похожий то ли на металлическую пластину, то ли на толстый кожаный ремень. Подобный шлем мы

видим и на миниатюре конца XII или начала XIII века, изображающей убийство Томаса Беккета. Любопытны две фигуры с западного фронтона кафедрального собора в Уэльсе, датируемые 1230 годом¹²¹. Шлем левой фигуры снабжен единой для обоих глаз смотровой щелью и вертикальными прорезями для дыхания, по двенадцать с каждой стороны. Щит у нее практически треугольный, с умбоном; следовательно, умбоны на щитах в это время рыцарями использовались.

И на эффигиях, и на брэсах обычно очень хорошо воспроизводится фактура кольчужного полотна, что в свое время способствовало рождению целого ряда остроумных гипотез относительно изготовления кольчуг. Однако сегодня считается, что реально существовал один вид плетеной кольчуги, а изображенные на скульптурах «полосы» демонстрируют варианты плетения — например, не стандартный вариант 1 к 4, а более плотный, 1 к 8. В отдельных случаях в кольчугу мог вплетаться кожаный ремень, который пропускали через ряды колец для большей жесткости и прочности кольчужного полотна. Во всяком случае, именно так считают английские историки, и, в частности, К. Блэр¹²².

Изучая эффигии, можно заметить, что все они представляют образцы вооружения, выполненные в единичном экземпляре, то есть «поточного производства» доспехов не существовало, хотя, разумеется, кольчуги с капюшонами были очень похожи одна на другую. Однако различия имелись даже среди них. Например, на изображении конца XIII века из аббатства Доре в Герфордшире кольчужный капюшон явно надет поверх тарелкообразной шапки-мисюрки, предшественницы подшлемника-цервельера; видимо, так было задумано специально, чтобы вдобавок ко всему еще и надежнее зафиксировать на голове «большой шлем»¹²³.

Однако даже и среди непохожих друг на друга доспехов встречаются поистине оригинальные, такие, которые особенно резко выделяются из общего ряда, — свидетельство того, что человеческая фантазия и в прошлом не знала пределов. Так, на надгробной плите ломбардского рыцаря Бернардино Баранзони (ок. 1345—1350 годы), хранящейся в музее Лапидарио Экстенза в итальянской Модене¹²⁴, бацинет, надетый поверх кольчужного капюшона с оплечь-

ем, зачем-то снабжен еще и дополнительной короткой кольчужной бармицей. Кольчуга рыцаря имеет широкие рукава до локтей, однако из-под них видны другие рукава, уже узкие, снабженные выпуклыми налокотниками!

Интересно, что широкие рукава кольчуг характерны в основном для Италии, тогда как в Англии они обычно узкие. А вот во Франции, где после Великой французской революции вообще-то уцелело очень мало таких изображений, есть эффигия Ульриха де Хусса (ок. 1345—1350 годы, музей Антерлинден, Колмар)¹²⁵, у которой рукава кольчуги очень широки; из-под них видны защитные пластины, состоящие из двух деталей, соединенных между собой ремнями с пряжками.

Следует отметить, что итальянские эффигии от английских отличает и наличие у многих из них наплечников и наголенников изготовленных из тисненой кожи и закрепленных поверх кольчужной брони¹²⁶. Видимо, это связано с какими-то особыми эстетическими предпочтениями итальянского нобилитета.

Начало «переходного периода»

По мнению К. Блэра, самое раннее указание на применение пластинчатой брони находится в отчете Гиральдуса Камбрэнзиса о набеге датчан на Дублин 16 мая 1171 года. Согласно этому описанию датчане были одеты либо в длинные кольчуги, либо в одежду из металлических пластин. Другое упоминание содержится в сообщении Гийома ле Бретона о поединке между Ричардом, графом Пуату, и Уильямом де Барром, которые имели под кольчужой и акетоном доспехи из металлических пластин. Бретон умер около 1225 года; следовательно, такая броня в первой четверти XIII века уже существовала. Правда, не известно, насколько часто ее применяли. Отсутствие иных упоминаний о ней свидетельствует о том, что такая защита была редкостью и широкого распространения еще не имела.

Тем не менее сомнению не подлежит, что доспехи из цельнокованых металлических пластин уже начинают распространяться. В первую очередь оружейники постарались защитить рыцарю колени, которые в дополнение к шоссам из кольчуги сначала стали прикрываться стегаными наколенниками, а затем добавились еще выпуклые металлические пластины в форме коленной чашечки.

Клод Блэр пишет, что ему не удалось найти упоминаний об использовании пластинчатых наколенников и набедренников в документах раньше конца XIII века, то есть применять их начали приблизительно с 1300 года. Позже эти элементы защитного вооружения упоминаются все чаще. Что же касается доспехов типа кирасы, то тут нам на помощь приходит безымянная эффигия из Пешеворского аббатства в Вустершире (1270—1280 годы)¹²⁷; на ней в боковой прорези сюрко отчетливо просматривается скрепленная ремешками кираса. Значит, в это время такие кирасы уже носили; непонятно лишь, из какого материала их делали, — в равной степени это могли быть и кожа и металл.

В кирасе изображен и Гилберт Маршал, четвертый граф Пемброк, умерший в 1241 году, то есть очевидно, что в Англии кирасы у рыцарей появились уже в середине XIII века. А надевали их поверх кольчуги, но под сюрко, поэтому на миниатюрах их обычно не видно! Кстати, на коленях у четвертого графа Пемброка отчетливо видны наколенники. Они есть и у нескольких других скульптур, относящихся к этому времени.

О мастерстве оружейников свидетельствует эффигия дона Бернальдо Гулля де Экстенза (умер в 1237 году)¹²⁸, рыцаря испанского короля Жуана I Арагонского; кольчужные рукава на этой эффигии переходят в кольчужные перчатки, а на ногах надеты латные пластины с наколенниками. Так что можно говорить о том, что между цельноковаными доспехами и «эпохой кольчуги» был «переходный период», когда металлические пластины носили вместе с кольчужными доспехами. Причем где-то процесс замены старых доспехов новыми шел быстрее, а где-то медленнее, и эффигии это наглядно подтверждают. Например, датские рыцари, судя

по эффигии в соборе города Упсала умершего в 1327 году Биргера Персона¹²⁹, даже спустя сто лет после появления на доспехах металлических пластин все еще довольствовались старомодной кольчугой и простыми шоссами без каких-либо пластинчатых дополнений.

Доспехи и цепи

В конце XIII века у рыцарей вошли в моду цепи, прикреплявшиеся к рукояткам мечей и кинжалов. Другой конец цепи крепился у рыцаря на груди, но как именно это делалось, из рисунков в манускриптах не ясно. Зато на брэссе сэра Рожера де Трампингтона из Трампингтонской церкви в Кембриджшире (ок. 1326 года)¹³⁰ хорошо видно, что цепь от шлема прикреплена к веревочному поясу.

На скульптуре с надгробия Джона де Нортвуда (ок. 1330 года) из Минстерского аббатства на острове Шеппи (графство Кент) цепочка от шлема идет к выступающему из розетки крючку на груди. На других, более поздних, эффигиях эти розетки парные, а цепочки пропущены через прорези на сюрко и уже под ним каким-то образом закреплены либо на кольчуге, либо на кирасе.

В XIII—XIV веках цепи можно увидеть едва ли не на каждой статуе, особенно в Германии, где они обрели особенную популярность. Зачастую их целых четыре, хотя зачем нужно было столько, не совсем ясно¹³¹. Трудно представить, как человек сражался, держа в руке меч с четырехфутовой цепью (причем нередко золотой!), прикрепленной к рукояти; она наверняка мешала, поскольку могла обмотаться вокруг руки, в которой рыцарь держал оружие, зацепиться за голову лошади или за оружие противника. Если же рыцарь выпускал во время схватки меч из рук, цепь непременно должна была запутаться в стремянах и подтянуть меч к руке было проблематично... Тем не менее рыцари игнорировали это неудобство. Возможно, замечает Э. Окшотт, они, в отличие от нас, знали, как нужно действовать, чтобы цепи им не мешали¹³².

А вот на мемориальной пластине рыцаря Уильяма Фиц-ральфа, умершего в 1323 году¹³³, цепи отсутствуют; зато поверх кольчуги на руках и ногах в его доспехах есть металлические шитки, от которых недалеко и до полного латного облачения!

Эффигии подтверждают то, что одежда рыцарей имела геральдический характер; на многих из них мы видим изображения гербов и на щитах, и на шлемах, и на сюрко. Например, в геральдическом жупоне (так именовался укороченный сюрко) изображен рыцарь Питер де Грандиссон (умер в 1358 году)¹³⁴, раскрашенная эффигия которого с так называемым «почечным» кинжалом на поясе находится в Герефордском соборе. А раскрашенная эффигия сэра Роберта дю Бойса (умер в 1340 году, похоронен в городской церкви в Ферсфильде, Норфолк) отличается от других тем, что и шлем, и сюрко с красным крестом на груди, и даже перчатки белого цвета у нее покрывает геральдический горностаевый мех¹³⁵. Сразу же возникает вопрос, как это выглядело в реальности?

Демонстрируют эффигии и такой элемент рыцарского вооружения, как эспаулеры. Чаще всего в качестве иллюстрации их применения приводится фигура Вильяма де Сетванса (Чатем, Кент, ок. 1322 года)¹³⁶. Однако на ней не видно, что же все-таки изображено на эспаулерах. В этом плане куда интереснее эффигия Ламберта де Эби (ок. 1312 года); здесь на эспаулерах хорошо заметен герб рыцаря, повторенный также и на щите.

Ходить в доспехах долгое время считалось неприличным, и это тоже нашло отражение во многих эффигиях; причем очень часто на доспехи не накинута котта-безрукавка, а надета самая настоящая одежда, из-под которой самих доспехов практически не видно. Пример — эффигия Йоханна Каммерера, умершего в 1415 году.

Именно эффигии позволяют нам понять, что рыцари имели в обычае носить на голове не один шлем, а сразу два, которые надевались один на другой. Бацинет имел соответствующий вырез для лица, а надевавшийся на него «большой шлем» с прорезями для глаз и вентиляционными отверстиями закрывал лицо целиком; поразить защищенного таким

образом рыцаря ударом в голову было совсем нелегко! Впрочем, бывало и так, что рыцари носили бацинет постоянно, а перед схваткой снимали и водружали на голову «большой шлем» с гербовой фигурой самого диковинного вида, поскольку нашлемные фигуры отвечали самым невероятным причудам и вкусам.

На иных шлемах, как, например, на шлеме немецкого герцога Альбрехта II (умер в 1350 году), красовались разноцветные рога впечатляющих размеров, дополнявшиеся короной! Крепились они не к самому шлему, а на что-то вроде крышки, надевавшейся на него сверху. При этом они были сделаны из чего-то совсем легкого, вроде папье-маше или тонкой выделанной кожи, но имели прочный каркас и при скачке не отваливались.

Кстати, короны вошли в моду с распространением после 1300 года бацинетов особой формы — с заостренной верхушкой. Короны указывали на ранг рыцаря, дополняя геральдические изображения на сюрко, шите и конской попоне. До нашего времени таких корон дошло немного; одна из них, случайно найденная в польском Сандомире, ныне хранится в соборе Св. Станислава в Кракове. Каждый из четырех зубцов этой короны декорирован 65 полудрагоценными камнями. Впрочем, сандомирская корона не идет ни в какое сравнение в этом смысле с бацинетной короной короля Кастилии, сделанной из золота и украшенной драгоценными камнями. По сообщению хроника 1385 года, она имела стоимость, равную 20 000 франков¹³⁷, а это по тем временам невероятно большие деньги.

Конец «переходного периода»

Эффигии свидетельствуют, что «переходный период» от кольчуги к броне завершился к 1400 году; именно в это время появились первые цельнокované доспехи с кирасой из двух половинок и «юбкой-колоколом» из металлических полос. Правда, от более поздних классических «белых доспехов» эти латы отличались наличием устаревшего кольчуж-

ного капюшона с оплечьем, закрывающим рыцарю плечи, немного грудь и часть спины. Что находилось под оплечьем, не известно, однако причины, по которым от него впоследствии отказались, понятны. Кольчужные кольца представляли настоящую «ловушку» для наконечника копья, а нужно было сделать так, чтобы он проскальзывал по доспехам.

Интересно, что забрала на бацинетах появились даже раньше, чем сами цельнокованные доспехи, а стоячие металлические воротники-подбородники, защищавшие шею от удара копья, рыцари стали носить в середине XIV века. По мемориальной доске, посвященной сэру Хью Гастингсу, в церкви Св. Марии в Элсинге (Норфолк)¹³⁸, мы можем судить, что такой подбородник-бувигер и бацинет с забралом на двух боковых петлях, откидываемым вверх, этот рыцарь носил в 1367 году. При этом бувигер закреплялся у него поверх оплечья из кольчуги!

Д. Эдж и Д. Паддок сообщают, что дон Альваро де Кабрера-младший, похороненный в каталонской церкви Санта-Мария де Беллпуиг де Лас Авелланас в Лериде, умер в 1299 году. Следовательно, этим годом (или близким к нему) датируются его эффигия с поножами из металла, доходящими до самых лодыжек, цельнокованным воротником, латными перчатками с раструбами до локтей и местным вариантом сюрко с подбоем из пластин, выдающих себя фигурными головками в виде небольших розеток¹³⁹. Похожий воротник имеет и более поздняя фигура Бернардо де Майнориса (ок. 1330 года) из другой каталонской церкви, Санта Мариа де ла Сео¹⁴⁰. Это вполне может свидетельствовать о достаточно широком распространении таких доспехов — именно в Испании и именно в это время. Другим значительным нововведением «переходного периода» стал выступающий вперед конус на забрале бацинета, с проделанными на нем отверстиями для притока воздуха. Дышать в таком шлеме стало значительно легче, вот только из-за своего вида этот тип шлема получил характерное прозвище «бундхугель» — «собачий шлем».

Одна из наиболее необычных эффигий находится опять-таки в Англии — в церкви в Кенгсингтоне. Скульптор запечатлел неизвестного рыцаря, чьи кольчужные доспехи

покрыты монашеским одеянием¹⁴¹. Ответа на вопрос, ходил он в таком виде постоянно или стал монахом незадолго до смерти, мы, вероятно, не получим уже никогда.

Прогресс в области совершенствования вооружений двигался настолько быстро, что уже в первой четверти XV века на групповой эффигии леди Маргариты Голландской и ее двух мужей — Томаса, герцога Кларенса (умер в 1421 году), и сэра Джона Бофора, эрла Сомерсета (умер в 1410 году)¹⁴², из кафедрального собора в Кентербери на бацинетах рыцарей мы видим уже не кольчужное, а латное «ожерелье». Стальной «воротник» закрывает всю шею и имеет характерное V-образное ребро жесткости посередине. Поверх своих уже явно «белых доспехов» обе фигуры одеты в плащ-табар, открывающий руки, но по-прежнему закрывающий доспехи до самых бедер. Отношение к «голым доспехам» уже начало меняться, о чем свидетельствуют эффигии, где поверх рыцарских доспехов нет и клочка ткани. Впрочем, тот же самый табар с геральдическими изображениями, надетый поверх лат, мы видим на брэссе Ральфа Верни, умершего в 1547 году, то есть через сто с лишним лет.

Новшества в элементах доспехов очень часто соседствовали с откровенно устаревшими деталями. Например, эффигия сэра Томаса де Фревиля (ок. 1400 года, Литл-Шелфорд) имеет уже практически полные «белые доспехи», с глубокой «юбкой» и овальными бесагю — щитками для защиты подмышек от колющих ударов копьем и мечом, но все это сочетается с устаревшим кольчужным оплечьем. Несомненным новшеством в этом снаряжении были бесагю. Кстати, известны бесагю оригинальнейшей формы в виде двух соединенных между собой прямоугольных пластин, с ребром жесткости посередине и с закругленными сверху краями. Их мы можем наблюдать на эффигии сэра Реджинальда Кобхэма, эрла Варвика (умер в 1446 году), в Лингфильдской церкви в графстве Варвик¹⁴³.

Латунное скульптурное изображение Ричарда Бошана, еще одного эрла Варвика, выполненное около 1450 года, показывает его уже в полных «белых доспехах», причем миланского образца. Интересно, что подголовником эрлу служит турнирный шлем типа «жабья голова», который укра-

шают корона и голова лебедя¹⁴⁴. Эффигия же сэра Уильяма Уодгэма (умер в 1451 году) демонстрирует нам доспехи фламандской работы. Левый наплечник значительно больше правого и заходит на кирасу, и это говорит о том, что от шитов к этому времени рыцари уже отказались.

Любопытно, что если мечи у рыцарей на эффигиях и брэссе, обычно висят на портупее, лежащей на латной «юбке» наискось, то кинжал изображен на них так, как если бы ножны были к ней просто приклепаны, чтобы не потерять его ни при каких обстоятельствах. Вначале, когда пояс, к которому крепились ножны меча, носили на бедрах, на нем находилось место и для кинжала. Во всяком случае, у эффигии Джона де Лайонса, датируемой 1350 годом, шнурок, на котором кинжал подвешен к поясу, спущенному на самые бедра, просматривается очень хорошо. Но потом от пояса отказались в пользу портупеи, а кинжал остался на старом месте, вот только прикреплять его стали иначе — и, по-видимому, прямо к латной «юбке». Никаких иных возможностей не просматривается ни на одной из фигур!

Рассказ об эффигиях будет неполным, если не сказать о самой известной эффигии Англии, ничего особенного британским историкам не открывшей, но зато идеально сохранившейся. Речь идет о скульптуре старшего сына короля Эдуарда III — принца Уэльского Эдуарда, по прозвищу Черный Принц, умершего в 1376 году и погребенного в Кентерберийском кафедральном соборе¹⁴⁵. На его саркофаге изображен черный щит с тремя белыми страусовыми перьями. Это так называемый «щит мира», предназначенный для турниров, и именно ему, а не черному цвету доспехов, скорее всего, принц, носивший геральдический жупон, украшенный леопардами Британии и лилиями Франции, был обязан возникновению своего прозвища.

Представить рыцарское вооружение Западной Европы эпохи перехода от кольчужных доспехов к цельнометаллическим без обращения к столь важному историческому источнику, как эффигии, невозможно. Хронология эффигий — это, в сущности, наиболее полная хронология рыцарского вооружения, начавшаяся в «эпоху кольчуги» и закончившаяся полным доминированием «белых доспехов»!

Глава одиннадцатая Рыцари из «Шахнаме»

Мы уже говорили о том, что рыцари, вернувшиеся в Европу после своего изгнания из Сирии и Палестины, принесли с собой моду на чисто восточное богатство одежды и вооружения. Уже в начале XIII века дорогая отделка рыцарского снаряжения стала восприниматься европейцами как собственная традиция. И в этом, и во многом другом, касавшемся вооружения, Европа следовала за Востоком, где защитные доспехи «рыцарского типа» начали применять намного раньше, чем на Западе, — уже в 620 году тяжеловооруженные восточные всадники с головы до ног были покрыты кольчужными доспехами¹⁴⁶.

Из этого, однако, не следует делать заключение, что развитие воинского снаряжения в Европе шло по тому же пути, что на Востоке. Конечно, было много общего, но в то же время восточный вариант «эпохи кольчуги», равно как и период распространения кольчужно-пластинчатой брони, имел свои существенные отличия от западного.

О рыцарях из Пенджикента и Тебриза

В среднеазиатском Пенджикенте можно видеть фрески, на которых доспехи воинов ничем не отличаются от кольчуг, что появились в Западной Европе четыре века спустя! В то же время Д. Николь считает, что согдийцам, жителям междуречья Амударьи и Сырдарьи, в X веке было известно несколько видов пластинчатых панцирей, один из которых, по-видимому, из-за ширины составляющих его пластин назывался «В ладонь шириной»¹⁴⁷.

Тяжеловооруженные всадники в доспехах из металлических пластин отмечаются в IX—XI веках и в государствах Арабского халифата. Поэты описывали это войско как «состоявшее из множества зеркал», а арабские историки добавляли, что оно смотрелось «подобно византийскому». То есть и сами всадники, и их кони были облачены в доспехи из хорошо отполированных металлических пластин, которые ярко сверкали в солнечных лучах¹⁴⁸.

Таким образом, Ближний и Средний Восток в период с VII по XI век могли похвастаться наличием сразу двух комплектов защитного вооружения — кольчужного и пластинчатого, использовавшихся одновременно, что, к сожалению, плохо подтверждается иллюстративным материалом. В том, что сохранилось его так мало, виноваты вторжения сначала турецких, а затем и монгольских завоевателей¹⁴⁹.

Известно изображение всадника в чешуйчатых доспехах, сохранившееся на фрагменте деревянного щита из крепости Муг вблизи Самарканда, но оно относится к XIII веку. На всаднике доспехи в виде длиннополого кафтана с плотно прилегающими наплечниками и заключенными в наручи предплечьями, оставляющими открытыми обе кисти¹⁵⁰. К другим источникам из числа заслуживающих внимания историк Р. Робинсон относит «Историю мира» Рашида ад-Дина, написанную и проиллюстрированную в Тебризе в 1306—1312 годах.

На воинах, изображенных на ее миниатюрах, надеты длинные чешуйчатые доспехи с разноцветным узором, который образован чередованием орнаментированных пластин

и лакированных кожаных чешуек. Шлемы у них круглой формы с выступающим центральным декоративным острием, причем надбровная их часть нередко дополнительно усилена металлической пластиной. Кожаный, кольчужный или стеганный назатыльник ниспадает на кольчужную рубашу, причем в Центральной и Южной Персии, по мнению Робинсона, чисто кольчужные доспехи преобладали.

Персидские воины носили даже кольчужные плащи зарих-бекташ и одновременно с ними надевали еще и панцири из покрытых бархатом железных пластинок — по сути дела, аналогичные европейской бригадине¹⁵¹. Лошадей они защищали попонами из простеганного хлопка¹⁵².

На миниатюрах XIV века обычно изображены воины, одетые в чешуйчатые доспехи, а к их простейшим по форме шлемам прикреплены кольчужные бармицы. Сами шлемы невысоки, закругленной и конической формы. Иногда изображаются науши. У большинства шлемов в выступающей части имеются шипы или трубки, хотя плюмажи еще отсутствуют.

В конце XIV — начале XV века защитные приспособления для рук на Востоке приобретают вид трубчатых наручей, состоящих из двух соединяющихся пластин, в виде конуса сходящихся к кисти. Ноги — самую уязвимую часть тела всадника — защищали отдельными щитками и наколенниками, которые приплетались к кольчуге или же вдевались в самую тканую основу, закрывавшую бедро. Обували ноги в сапоги, при этом голень и икры закрывали трубчатой формы поножами из двух пластин, соединенных при помощи петель, что можно увидеть на целом ряде миниатюр первой трети XV века¹⁵³.

Рустам — иранский рыцарь

Английские историки Р. Робинсон, Й. Хит и Д. Николь часто обращаются к эпической поэме Фирдоуси «Шах-наме», которая написана в конце X — начале XI века¹⁵⁴. Последуем за ними и мы.

Сказал Рустам: «Достань мой меч булатный.
Шлем боевой и весь доспех мой ратный;
Аркан и лук; кольчугу для коня;
Кафтан из шкуры тигра для меня»...

Кольчугою стальной облек он плечи,
Надел доспехи, взял оружие сечи...

И прискакал он в степь, шитом сверкая,
Своей тяжелой палицей играя.

Перевод В. Державина

Очевидно, что кольчуга использовалась и самим Рустамом, и точно так же она служила броней для его коня. В поэме об этом сказано так:

Стоял скакун перед шатром в броне,
Внимая неожиданной войне.

Перевод С. Липкина

В «Шахнаме» неоднократно подчеркивается (что лишний раз говорит о том, что писал ее человек, хорошо знакомый с военным делом): шлем на голову воины надевают перед тем, как облачиться в кольчугу. Это значит, что шлемы иранских воинов имели коническую форму. Именно шлемы такой формы надевали прежде кольчуг, поскольку, имея на голове конический шлем, надевать кольчугу легче — она скользит по гладкой поверхности.

И встал и препоясался на бой,
Снял с головы венец он золотой,
Надел взамен индийский шлем булатный,
Облек могучий стан кольчугой ратной.
Взял меч, копье и палицу свою,
Как тяжкий гром разящую в бою.

Перевод В. Державина

Один из главных героев поэмы, богатырь Рустам, носит поверх кольчуги шкуру тигра; это хотя и странно, но все-таки вполне возможно для легендарного богатыря. Как бы то

ни было, этот штрих подтверждает, что на Востоке было в обычае носить поверх доспехов богатые одеяния.

Рустам, в парче из Рума и в броне,
Мгновенно оказался на коне.

Перевод С. Липкина

Р. Робинсон ссылается и на рукопись 1340 года, разъятую на части и разбросанную по многим европейским и американским коллекциям, на миниатюрах из которой хорошо видны шлемы с бармицами, полностью закрывающими лица воинов; остаются лишь маленькие отверстия для глаз. Подобные шлемы можно обнаружить и среди множества образцов, характерных для Восточной Европы, и среди шлемов из погребений VII века в Швеции, относящихся к вендельскому периоду, который знаменует собой окончание железного века у германских народов.

В Гулистане (Узбекистан) хранится рукопись «Шахнаме», миниатюры в которой выполнены неизвестным художником гератской школы в 1429 году. На одной из них с передачей мельчайших деталей изображены воины, носящие поверх кольчуг чешуйчатые оплечья, а некоторые — еще и набедренники с наколенниками.

На миниатюрах из относящейся примерно к 1440 году рукописи «Шахнаме», которая хранится в британском Королевском Азиатском обществе, видны бармицы, закрывающие нижнюю половину лица. Часть воинов защищена чешуйчатыми бармицами с кольчужной пелериной, прикрывающей плечи. Одни воины облачены в чешуйчатые доспехи — похоже, замечает Р. Робинсон, встречались еще у римлян и парфян¹⁵⁵, — другие поверх пластинок одеты в длинную одежду из ткани.

Восточные воины в XIV–XV веках

Йен Хит, рассматривая вооружение восточных воинов с 1300 по 1500 год, отмечает большую роль в развитии оружейного дела в Персии Газан-хана (правил

в 1295–1304 годах), который сумел повсеместно организовать производство доспехов и оружия. Проживавшие в городах оружейники получали государственное жалование и должны были ежегодно поставлять в шахскую казну свои изделия, что давало от 2000 до 10 000 комплектов вооружения в год.

Доминирующим типом доспехов всадника в это время был хуяг — ламеллярный или ламинарный «корсет» с длиннополым кафтаном. Пластинки хуяга могли быть из железа или бронзы, их нередко раскрашивали или покрывали эмалью. Одинаково широко использовались как доспехи монгольского типа, так и доспехи местных, иранских форм; щиты были небольшие, покрытые кожей (позднее их стали делать из металла) с четырьмя умбонами на лицевой поверхности; такие щиты появились в Персии в конце XIII века и сохранялись вплоть до конца XIX¹⁵⁶.

На миниатюрах начала XV века примерно половина персидских всадников изображена на лошадях, которые защищены доспехами¹⁵⁷.

Что касается пластинчатых панцирей, то древнейшей формой нагрудных и наспинных доспехов, Р. Робинсон называет зеркало — простой металлический диск, закрепленный с помощью перекрещивающихся кожаных ремней. На Востоке, в частности в Индии, такие диски носили поверх стеганых доспехов, подбитых металлическими пластинками¹⁵⁸. На миниатюрах из уже упоминавшейся гулистанской рукописи «Шахнаме» воины носят такие диски только на груди.

Другие доспехи из пластин, но уже не дисковой, а прямоугольной формы, носимые спереди и сзади, — это чарайна («четыре зеркала»), представлявшая собой, в сущности, кирасу из четырех скрепленных между собой пластин; чарайна была весьма популярна на Востоке в течение всего XVI века и даже в более позднее время. Чаще всего ремешки чарайны завязывались на спине или по бокам, но иногда нагрудная пластина делилась посередине надвое и скреплялась при помощи особой петли, что позволяло надевать ее подобно куртке или жакету.

В качестве защиты для ног нередко использовались кольчужные штаны, в которых кольчуга была нашита на ткань

и усиливалась стальными пластинками, вставленными между рядами колец. Колени на них прикрывались чашеобразными щитками и шипами, украшенными гравировкой, — то есть здесь налицо комбинированная, а не чисто кольчужная броня, изготовленная по индийским образцам¹⁵⁹.

До нас дошли изображения сарацинских воинов XII века, которые, сражаясь с крестоносцами, были облачены в пластинчатые рубахи с длинными рукавами, что лишний раз подтверждает: традиция использования восточными народами как кольчужных, так и пластинчатых доспехов началась достаточно давно и не прерывалась в течение многих столетий.

Сходство и различия

В одной из своих работ Д. Николь приводит интереснейший факт: на керамическом блюде конца XII — начала XIII века из Рагги (Сирия) изображен восточный всадник с европейским рыцарским щитом в форме «утюга», украшенным зубчатым орнаментом¹⁶⁰. Возможно, щит — это трофей или покупка, однако и то, и другое предположение позволяют сделать вывод, что мусульманские воины, случалось, использовали вооружение европейского типа.

Определенное сходство вооружения рыцарей Запада и Ближнего Востока порождало схожий боевой опыт, близость военной тактики, одинаковые приемы обучения молодых воинов. Арабы, в частности кавалерия Фатимидов, так же, как и рыцари-европейцы, предпочитали сражаться копьем и мечом.

Между тем турки-сельджуки, пришельцы из глубин Азии, предпочитали всем видам оружия лук и стрелы, причем стреляли с коня¹⁶¹. Этот способ ведения войны вошел в практику рыцарей-мусульман; с течением времени его довели до совершенства и даже описали в различных трактатах и наставлениях, изучение которых входило в обязанность воинов.

Д. Николь пишет, что в соответствии с требованиями воинской тактики опытный стрелок-мусульманин должен был попадать с расстояния 75 метров в мишень диаметром 1 метр. При этом первые пять стрел следовало держать в левой руке вместе с луком и успеть выпустить их за две с половиной секунды и тут же выхватить из колчана следующие пять стрел. Поводья во время стрельбы отпускались, и, чтобы не потерять их, к ним привязывался ремешок, петля на другом конце которого надевалась воином на большой палец правой руки. Таким образом, он мог свободно стрелять и при необходимости моментально взять в руки поводья!

В традиции Ближнего Востока была стрельба залпами из положения, при котором лошади стрелков стояли неподвижно. То есть конные лучники сначала обстреливали неприятеля и только затем его атаковали. При организованном отступлении они время от времени останавливались и стреляли по преследователям. В трудах аль-Таруси, известного автора XII века, писавшего свои трактаты для самого Саладина, даются в отношении действий против крестоносцев следующие рекомендации конным лучникам: «Когда ты стреляешь в вооруженного всадника, который имеет доспех или же находится слишком далеко от тебя, стреляй в коня, чтобы его спешить. Когда ты стреляешь по всаднику, который стоит неподвижно, то целясь на уровень седельной луки. Если твоя стрела полетит вверх, то ты ранишь всадника, а если вниз — коня! Если всадник стоит к тебе спиной, то целясь ему между лопаток. Если он приближается к тебе с мечом, то и тогда стреляй, но будь внимателен, чтобы он не успел поразить тебя, если ты промахнешься. Никогда не стреляй безрассудно!»¹⁶²

Далее в наставлении указывалось, что «в момент стрельбы по противнику меч стрелка должен быть обнажен и висеть у него на запястье правой руки, а копьё быть под левым бедром и направлено вперед». При отсутствии меча копьё должно было находиться у него справа, чтобы он мог сразу же его схватить и ударить приближающегося врага¹⁶³.

У каждого приема стрельбы и даже у отдельных их элементов имелись собственные названия, им соответствова-

ли определенные команды. Последнее было очень важно и для самих лучников и для их командиров, которые могли быть уверены, что в бою воины будут действовать слаженно, как одно целое! Обычно стрельба велась тремя способами. При первом натяжение тетивы и прицеливание происходили одновременно; при втором — натяжение производилось медленно, потом следовала пауза и выстрел. Третий способ состоял в частичном натяжении лука, прицеливании, после чего лук «дотягивался» и пускалась стрела. При «мягком» средиземноморском (или, как его еще называли, «франкском») способе стрельбы тетиву натягивали тремя пальцами: указательным, средним и безымянным, причем древко стрелы зажималось между указательным и средним пальцами. При персидском способе пальцы использовались в других комбинациях, а при турецком (или монгольском) способе тетива натягивалась одним большим пальцем, на который было надето особое кольцо.

Сила натяжения восточных луков составляла от 60 до 75 килограммов. Поражающие возможности стрелы зависели от формы ее наконечника, которых существовало несколько видов. Так, для стрельбы по воинам, одетым в доспехи, рекомендовались стрелы с закаленными наконечниками в виде «рыбьего хвоста». Наконечники типа «лопатка», «шпинат», «ивовый лист» или «гусиная лапа» применялись против стеганой мягкой брони, а широколезвийные (или же в виде полумесяца) — против незащищенного противника и не прикрытых доспехами неприятельских коней.

Дальность полета стрелы зависела от вида наконечника и типа тетивы. Каждому воину полагалось иметь две тетивы: для стрельбы на разные расстояния. Кольца для каждой тетивы были свои.

Надо упомянуть и об арбалетах. Сила натяжения арбалета при наличии у всадника стремени в период Третьего крестового похода достигала 150 и более килограммов¹⁶⁴, то есть была вдвое больше, чем у самых сильных восточных луков. Исламский вариант арбалета — маджра, известный на Востоке уже с IX века¹⁶⁵ (о нем упоминается и в «Шахнаме»), применялся и на войне, и на охоте. Позже западные мастера превзошли восточных, убойная сила европейских арбалетов

оказалась значительно выше, и это во многом предопределило победу христиан в битве при Арсуфе в 1191 году. Впрочем, что именно применять в сражении — луки или арбалеты, — в значительной степени зависело от тактики ведения боя.

Помимо стрельбы из лука и арбалета, восточные всадники весьма разнообразно использовали копье: атаковали с копьем наперевес (прием, характерный и для европейской конницы), наносили удары копьем двумя руками. Такой удар разрывал даже двухслойный кольчужный панцирь, да так, что наконечник копья выходил из спины противника¹⁶⁶. Иногда специальный дротик — хазбан — носили в налучье, специальном чехле для лука. При необходимости его можно было быстро извлечь и метнуть во врага.

Атакуя врага, восточные всадники сначала стреляли из лука, затем действовали копьем и только после этого пускали в ход оружие самого ближнего боя — меч, булаву и топор; примерно тот же арсенал был у всадников на Западе¹⁶⁷, исключая, пожалуй, лук, который европейцы применяли нечасто.

В восточных наставлениях по технике ведения боя мечом были свои особенности. Так, например, арабским всадникам рекомендовалось в первую очередь ударить мечом по мечу противника так, чтобы отрубить ему указательный палец, который находился на перекрестии. А затем уж, когда враг ронял меч, нужно было одним ударом лишить его головы.

Среди приемов владения мечом у арабов на первом месте была именно рубка, а не укол! Арабский писатель и полководец XII века, участник сражений с крестоносцами Усама ибн Мункыз, пишет в автобиографической хронике «Книга назиданий»: «Я схватился с ассасином... Он держал кинжал у предплечья, и я ударил его так, что перерубил ему и клинок и предплечье, отчего на лезвии моего меча оказалась небольшая зарубка. Кузнец в моем городе сказал, что он может ее удалить, но я сказал, чтобы он оставил все как есть, так как это самое наилучшее клеймо для моего меча. И отметка эта сохранилась по сей день»¹⁶⁸.

Д. Николь отмечает, что арабские, персидские, турецкие и индийские кузнецы производили высококачественные мечи, причем более легкие, нежели европейские. Так,

например, тонкий клинок меча галайя имел около 5 сантиметров в ширину и от 90 до 115 сантиметров в длину, а более широкий салмани — соответственно 7–8 и 90 сантиметров¹⁶⁹. Дошедшая до нас сабля IX — XI веков из Нишапура имеет ширину 3,5 сантиметра и длину клинка — 71,5 сантиметра. По мнению Д. Николая, более поздние восточные клинки имели похожие параметры, — правда, кривизна их со временем стала увеличиваться¹⁷⁰.

Весьма популярны были на Востоке топоры и булавы. Длина рукояти топора (для боя в пеших порядках) иной раз могла достигать 150 сантиметров. Длина булавы обычно не превышала 100 сантиметров, но встречались, если верить источникам, и «двуручные» образцы значительно больших размеров. Впрочем, в отношении величины этого страшного оружия могли быть и чисто поэтические преувеличения — вот какое описание мусульманского рыцаря середины XIII века из турецкой эпической поэмы приводит Д. Николь:

В нем роста больше ста аршин —
 Столь он высок главой,
 Он был сильнее всех мужчин
 Своею булавой.
 Сто шестьдесят батманов груз —
 Был тяжек он, как грех,
 Она дарила славы вкус —
 Страшилище для всех.
 И было три шипа на ней,
 Батманов сорок каждый...
 И он ковал победу с ней —
 Дитя борьбы отважной...¹⁷¹

Р. Робинсон, опираясь на «Книгу назиданий» Усамы ибн Мункыза, дает описание знатного воина-египтянина эпохи правления Саладина. Обмундирование его включало в себя шлем, пластинчатую рубаху, гамаши, сапоги и шпоры. Вооружен он был саблей, копьем, кинжалом, дротиком и щитом. Р. Робинсон указывает, что кольчуга или пластины могли вставляться между двумя слоями ткани, причем снаружи была, естественно, более богатая ткань.

Кольчужно-пластинчатые доспехи египетских мамлюков легко отличить от других восточных аналогов по плоским кольцам, которые украшались узором из концентрических окружностей или надписями¹⁷².

В начале XV века мамлюки использовали бригадины, аналогичные западноевропейским. Если судить по описаниям того времени, это вполне могли быть чешуйчатые доспехи, покрытые сверху разноцветной парчой¹⁷³.

В течение XV века на Ближнем Востоке начинают доминировать высокие шлемы со шпилем, подвижным наносником, нащечниками и пластинчатым прикрытием шеи. Подобная конструкция была характерной и для турецких «тюрбанных» шлемов, в которых лицо часто прикрывалось кольчужной сеткой, в том числе и с отверстиями для глаз. Цельнометаллические забрала, аналогичные европейским, на Востоке почти не применялись.

Р. Робинсон пишет, что, хотя турки попеременно состояли то в индийской, то в персидской, то в египетской армии и их вооружение обычно соответствовало особенностям той страны, которой они служили, в целом в нем прослеживается персидская традиция¹⁷⁴. В то же время очевидно, что Восток был достаточно восприимчив к влияниям. Если судить по «Шахнаме», уже вооружение воинов-пехлеванов — богатырей домусульманской эпохи — имело самое различное происхождение. Там встречаются «шлем румийский», то есть «из Рума» — Рима, индийские и арабские мечи. Между странами Востока шла интенсивная торговля оружием, что приводило к сходству вооружения и доспехов воинов различных восточных государств¹⁷⁵.

Многие виды доспехов, по мнению Р. Робинсона, имели здесь очень древние корни. В частности, доспехи из ткани и кожи, покрытые роговыми или металлическим чешуйками, применялись в Индии еще до вторжения на ее территорию тюрков, монголов и арабов, а пластинчатые доспехи использовались в северо-западных ее областях еще до того, как они появились в армиях Древней Греции и Рима¹⁷⁶. Конские доспехи появились в Китае, Иране, арабских странах и Византии в эпоху, когда европейцы о них еще даже не помышляли.

Оформление института рыцарства в Азии находило свое отражение в геральдике. В Сасанидской державе с получением наследственного лена феодалы обретали право на ношение герба. Часто на гербе изображалось какое-нибудь животное, с которым его носитель ассоциировался. Некоторые даже получали соответствующие имена: Вахраншах (князь-вепрь), Ширваншах (князь-лев), Риланшах (князь-слон), Аланшах (князь-ворон)¹⁷⁷.

Арабский историк Кебех Фаррух в этой связи отмечает, что гербы персидской знати существовали задолго до гербов европейских. Среди перечисленных им геральдических изображений — животные (олень, лев, кабан, конь, слон, птица семург), предметы (трезубец) и даже люди. Как и многие другие исследователи, Фаррух ссылается на «Шахнаме», где описания знамен иранской конницы мало чем не отличаются от знамен рыцарей Западной Европы! Здесь каждый знатный воин имеет собственное знамя, украшенное символическим изображением:

Ответствовал Тухар: «О господин,
Ты видишь предводителя дружин,
Стремительного Туса-полководца,
Который насмерть в грозных битвах бьется.
Чуть дальше — стяг другой горит огнем,
И солнце нарисовано на нем.
За ним Густахм, и витязи видны,
И стяг с изображением Луны.
Воинственный он возглавляет полк,
На длинном стяге нарисован волк.
Рабыня как жемчужина светла,
Чьи шелковые косы как смола,
На стяге нарисована красиво.
То — ратный стяг Бижана, сына Гиза.
Смотри, на стяге — барса голова,
Что заставляет трепетать и льва.
То стяг Шидуша, воина-вельможи,
Что шествует, на горный кряж похожий.
Вот Гураза, в руке его — аркан,
На знамени изображен кабан.
Вот скачут люди, полные отваги,
С изображеньем буйвола на стяге.

Из копыеносцев состоит отряд.
 Их предводитель — доблестный Фархад.
 А вот — Гударз, Кишвада сын седой,
 На стяге — лев сверкает золотой.
 А вот на стяге — тигр, что смотрит дико,
 Ривкиз-воитель — знамени владыка.
 Настух, Гударза сын, вступает в брань
 Со знаменем, где вычерчена лань.
 Бахрам, Гударза сын, воюет яро,
 Изображает стяг его архара».

Перевод С. Липкина

Практически аналогичное описание встречается и в сочинении французского поэта Бенуа де Сент-Мора «Роман о Трое» (между 1155 и 1160 годом):

Доспехи новые все кожей хорошо подбиты,
 Кольчуги, шлемы, седла и щиты
 Эмблемами и тканями обшиты.
 Цветам их ярким радуется лорд
 И каждый рыцарь в них друг друга узнает¹⁷⁸.

Тождество многих элементов рыцарского снаряжения на Востоке и Западе очевидно.

Однако нужно подчеркнуть, что, согласно западным представлениям, рыцарь — это человек, который сходится с противником лицом к лицу и, следовательно, воюет только тем оружием, которое способно поразить вблизи, — копьем, мечом, топором или булавой; все прочее оружие используется в исключительных случаях. На Востоке «воины элиты» не видели ничего зазорного в том, чтобы иметь в своем арсенале лук и стрелы и пользоваться ими в ущерб неприятелю на расстоянии, что для европейца было несовместимо с понятием рыцарской чести! Европейский рыцарь стрелял из лука и тем более из арбалета только на охоте; использовать стрелковое оружие в бою с равным по положению противником значило для него навсегда покрыть себя позором в глазах окружающих.

При сходстве в оружии седла, в которых сидели рыцари Запада и Востока, различались очень сильно. В Европе рас-

пространилось и постоянно совершенствовалось высокое «кресельное» седло, защищавшее пах и ягодицы всадника; сидевший в нем наездник практически стоял в стременах¹⁷⁹. На Востоке же даже седла тяжеловооруженных воинов изготавливались таким образом, чтобы обеспечить им возможность свободно поворачиваться во все стороны и без помех стрелять из лука. Поэтому задняя лука восточного седла обычно всегда была пологой¹⁸⁰.

Прослеживается и еще одно интересное обстоятельство. Там, где для «рыцарства» было характерно использование только копья и меча, наиболее широкое распространение получила кольчуга. А вот в тех регионах, где широко применялись лук и арбалет, в частности в Китае, кольчуга почти не использовалась, а все доспехи выделывались только из пластин.

Доспехи для боевых слонов

Доспехи для слонов известны еще со времен Античности, но искусство их выделки достигло наибольшей высоты в средневековой Индии. Например, в знаменитой битве при Панипате в 1526 году, в которой Бабур, будущий основатель государства Великих Моголов, разбил войска Делийского султаната, слоны были в кольчужных доспехах, именовавшихся «каджим». Средневековый писатель, визирь Великого Могола Акбара — Абул Фазл в своей хронике «Завоевание Акбара» приводит список составных частей слоновьих доспехов. Защита головы называется у него словом «пакхар»; защита ушей — «гаджагаха». Полный доспех носит название «хат джхул». Стоил такой доспех от 50 до 500 рупий, а подкладка под него — от 4 до 7 рупий.

В отдельных музеях мира, в частности в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, имеются отдельные детали слоновьих доспехов, но только один доспех, изготовленный в конце XVI — начале XVIII века, дошел до нас почти целиком — не хватает лишь части пластин на правой стороне; но и без них в нем сейчас 5840 пластин. Доспех был вывезен в Англию

в 1801 году женой сэра Роберта Клайва, бывшего в то время губернатором Мадраса, и ныне хранится в Королевском арсенале в Лидсе, надетый на изготовленную в натуральную величину фигуру слона из стеклопластика.

Благодаря этому доспеху мы знаем, как выглядела уникальная защита боевых слонов, ставшая, по сути дела, итогом развития конской брони. Доспех представляет собой набор из малых и больших стальных пластин, соединенных при помощи кольчужного плетения. Без отсутствующих пластин доспех, хранящийся в Лидсе, весит 118 килограммов. Полный комплект должен был бы состоять из 8349 пластин общим весом 159 килограммов! Крупные квадратные позолоченные пластины доспеха покрыты чеканными изображениями идущих слонов, цветов лотоса, птиц и рыб.

Возможно, со стороны были видны только эти пластины, а остальные части доспеха закрывались матерчатой попоной с квадратными вырезами. Все квадратные пластины были подбиты подушечками из хлопка. Детали панциря, состоявшего из нескольких частей, надевали на слона поверх льняной подкладки. Боковые части имели кожаные ремешки, которые связывались у слона по бокам и на спине. На фигуре слона, воссозданной в Лидсе, спина поверх панциря покрыта обычным ковром — именно там, позади погонщика, располагался воин-копейщик.

Защита головы состоит из 2195 пластин размером 25 на 20 сантиметров, соединенных вертикально; вокруг глаз пластины располагаются по кругу. Ее вес — 27 килограммов, крепится она за ушами слона. В доспехах имеется два отверстия для бивней. Хобот на две трети не защищен. Защита горла и груди весом двенадцать килограммов имеет в середине вырез для нижней челюсти и состоит из 1046 пластин размером 25 на 7,5 сантиметра. Крепление этих пластин таково, что они заходят одна на другую подобно черепице.

Боковые детали доспеха состоят из трех вертикальных панелей каждая. В них вставлены чеканные стальные пластины с рисунками; в передней части их одиннадцать, в средней — двенадцать, в задней — десять. Кроме крупных пластин, каждая панель содержит соединенные кольчужным плетением более мелкие: передняя — 948 пластин общим

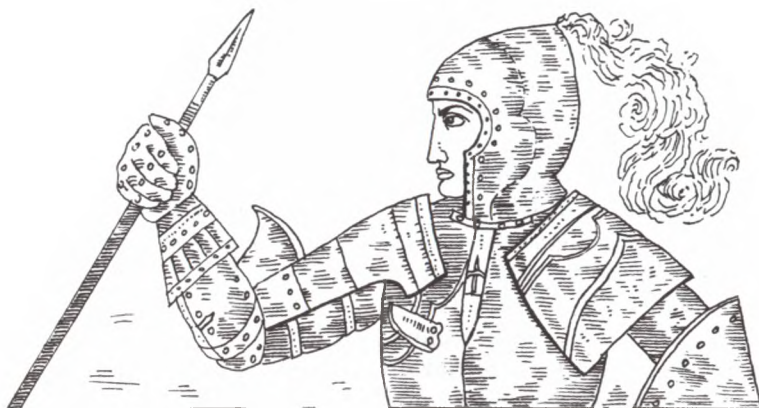
весом восемнадцать килограммов; средняя — 780 пластин общим весом двадцать три килограмма; задняя — 871 пластину общим весом двадцать три килограмма.

Передняя панель украшена чеканными пластинами; на пяти пластинах изображены боевые слоны, на одной — лотос, на одной — павлин и на четырех нижних — рыбы.

На пластинах центральной панели — семь слонов, лотос, павлин и три пары рыб. На задней — семь слонов и четыре пары рыб. Все слоны на пластинках ориентированы по ходу движения головой вперед.

Кроме защитного доспеха, на слона надевалось и «вооружение» — специальные металлические наконечники на бивни; это было поистине страшное оружие. Сохранилась всего лишь одна пара таких наконечников, вывезенная в Англию из Мусора, где она находилась в арсенале магараджи Криш-нараджи Вадияра III (1794—1868). В 1991 году один наконечник из этой пары предлагался на аукционе Сотбис¹⁸¹.

Глава двенадцатая О рыцарях в «белых доспехах»

«**Б**елые доспехи» — это латы из крупных пластин полированной стали, сверкавшие на солнце и оттого издали казавшиеся «белыми». Европейское рыцарство шло к ним очень долго, а само их появление принесло подлинную революцию в военном деле. Но можно утверждать, что «белые доспехи», скорее всего, не получили бы распространения, существуй в Европе столь обычная для Азии традиция стрелять из лука, сидя на коне. Европейским всадникам не требовалось иметь высокую подвижность шейно-плечевого пояса, и на первое место у них вышла защищенность, которую «белые доспехи» и обеспечивали.

Если мы проследим за эволюцией доспехов средневекового рыцаря начиная с момента, когда его кольчугу стали дополнять накладными пластинами из металла, то будет видно, что этот процесс, вплоть до своего полного завершения, продолжался примерно два столетия. Сначала кольчужные доспехи усиливаются налокотниками и наколенниками; поверх кольчуги носят кафтаны, подбитые изнутри стальными пластинками, а ноги и руки получают защиту из выгнутых металлических пластин. С 1350 года отмечается появление

«металлической груди» с цепями (от одной до четырех) для кинжала, меча и щита, а иногда даже и для шлема. Шлемы этого времени еще не соединялись с защитными приспособлениями на груди, но под них надевали кольчужные капюшоны с широким оплечьем. Около 1360 года у лат появляются застежки; около 1370 года тело рыцаря уже полностью покрывают железные латы, а кольчужная ткань приобретает чисто соединительную функцию. В 1380 году упоминаются первые панцири-бригандины — то есть кафтаны, подбитые изнутри металлическими пластинками. С 1385 года бедра закрывают латами из сочлененных металлических полос. В 1410 году доспехи с нагрудными латами и полным пластинчатым прикрытием для всех частей тела распространяются уже повсеместно. В 1430 году на таких деталях, как налокотники и наколенники, появляются первые выемки-желобки, после чего к 1450 году сплошные металлические латы достигают своего совершенства. Затем с 1475 года желобки на латах распространяются все больше, пока всеобщее признание не получают полностью рифленые или так называемые «максимилиановские доспехи», автором которых будто бы был сам император Священной Римской империи Максимилиан I. В дальнейшем латы опять становятся гладкими — их форма соответствует изменениям в моде, а броню получают не только люди, но и кони. В результате рыцарь вместе с конем превращается в нечто похожее на статую из сверкающего на солнце полированного металла!

Великий период в истории рыцарства (1410–1500 годы)

Английские историки называют эпоху с 1410 по 1500 год «великим периодом в истории развития рыцарского защитного вооружения». По их мнению, никогда прежде при изготовлении доспехов не сочеталось столь высокое мастерство с таким тонким пониманием всех достоинств и недостатков материала, с которым работали мастера. Украшения в этих доспехах играли подчиненную роль, а главное вни-

мание уделялось совершенству линий и форм, из-за чего облаченные в них человеческие фигуры вполне справедливо стали называть «скульптурами из стали»¹⁸². Характерный стальной блеск дал этим доспехам особое название.

По деталям их линий, рифлению поверхностей, изгибам и обработке краев — точно так же, как и сегодня по крою хорошего костюма, — знатоки могли сказать, где и даже кем изготовлены доспехи. Именно введение в употребление белых доспехов привело к тому, что уже к середине XV века в Европе сложилось два центра (и соответственно две школы) по производству цельнометаллических доспехов: один — в Северной Италии, в Милане, другой — в Северной Германии, в районе Аугсбурга. Кроме того, существовало и много локальных производств, ориентирующихся на тот или иной из этих центров, что привело к появлению множества гибридных, смешанных форм, а также способствовало быстрому распространению новых доспехов в пределах Западной Европы¹⁸³.

Рыцари, желавшие иметь самое лучшее оружие и доспехи, имели сразу несколько возможностей осуществить свое намерение. Так, если они были богаты, то могли просто нанять себе собственного, в том числе даже и очень известного, оружейника. Если нет, доспехи можно было купить у заезжих купцов, которые регулярно появлялись в крупных городах — центрах торговли. Третьим вариантом была модель, сделанная из воска или дерева с торса и конечностей; эту модель посылали мастеру, и он подгонял под нее доспехи, изготовленные, так сказать, в массовом порядке. Записи в королевских архивах показывают, что к этому способу прибегали даже короли! Так, например, в письме от 16 марта 1520 года король Франции Франциск I обращается с просьбой прислать ему «дубликат для доспехов», принадлежавший Генриху VIII Английскому, чтобы по нему изготовить кирасу, которую Франциск пожелал подарить королю Англии.

Итальянские доспехи отличались более сглаженными, округлыми формами, тогда как германские имели резко очерченные и вытянутые очертания. Впоследствии именно они получили название «готических», так как напоминали

очертания стрельчатых, украшенных резьбой и башенками готических зданий. А в более позднее время возникла тенденция применять этот термин ко всем «белым доспехам» XV века. Правда готический стиль в доспехах существовал в Германии приблизительно до 1500 года, а в дальнейшем постепенно от него отошли.

Интересно, что, хотя доспехи XV века и называются «белыми» из-за отсутствия на них каких-либо украшений, поскольку роль декора играл чистый полированный металл, даже тогда находились оригиналы, не скупившиеся на латы, характерные для более позднего времени, — своего рода «средневековые авангардисты». Например, еще в 1410 году английский рыцарь Джон де Фиарлес заплатил бургундским кузнецам 1727 фунтов стерлингов за доспехи, меч и кинжал, украшенные жемчугом и бриллиантами, — роскошь для того времени неслыханная и никак ему не свойственная¹⁸⁴.

Одетый в полные «белые» или «готические» доспехи человек и впрямь напоминал «фигуру из металла»; каждая деталь в этих доспехах, разумеется, имела соответствующее название. Так, пластины для бедер назывались «кюисс», для коленей — «полен»; жамбер — это защита для голеней, саботон — для нижней части ноги. Не остались без внимания и другие участки тела — горже, или бево, защищал горло и шею, куттер — локти, эсполер, или подрон, — плечи, реребрас — предплечье, вамбрас — руку ниже локтя и гантеле — кисти. Полный набор доспехов содержал, конечно, также шлем и, по крайней мере поначалу, — шит, который перестал применяться примерно к середине XV столетия.

Англичане — и знатные лорды, и мелкопоместные джентри — имели обычай заказывать себе доспехи в континентальной Европе. Один из примеров подобного рода импорта демонстрирует надгробная статуя сэра Ричарда Бьючампа, графа Варвика, датируемая 1453 годом, на которой граф в итальянских доспехах¹⁸⁵.

Решительный отказ от кольчужной брони, выступавшей до этого в качестве связующего звена между отдельными пластинами, вызвал к жизни активный поиск новых форм защитного снаряжения, который пришелся главным образом на первую половину XV века. Появился такой образец

шлема, как салле, или саллет (или салат — что более характерно для русскоязычного правописания; так мы его в основном и будем называть), сделавшийся особенно популярным среди германских оружейников.

Д. Эдж и Д. Паддок считают, что впервые эти шлемы появились в Италии (где они назывались «селата») в 1407 году. Затем через Францию и Бургундию, примерно к 1420 году, селата достиг Германии и Англии, а десятилетие спустя распространился уже по всей Европе¹⁸⁶.

В конструкции этого шлема наглядно проявилось стремление оружейников усилить защиту головы и лица, не усложняя самой конструкции шлема. Вот почему салат получил полусферическую форму и в своей верхней части прорези для глаз, а также довольно широкие поля, отводящие в стороны направленные в голову удары. Если салат надевали неглубоко, сдвинув на затылок, то можно было смотреть из-под шлема. Во время боя его надвигали на лицо, и тогда для обзора использовали узкую поперечную щель. При этом нижняя часть лица и нос защищались специальным выступом, благодаря которому острия стрел и копий отбрасывались в стороны, а не вниз к шее. У германских шлемов назатыльник имел форму вытянутого хвоста; французские и итальянские больше походили своей формой на колокол. Около 1490 года появляется еще один тип, так называемый «черный салат», с характерной, помимо своей отделки (раскраска и черная ткань, которой его сверху обтягивали), формой предличника, выступающего вперед под острым углом¹⁸⁷. Носили такие шлемы и конные воины, например французские конные лучники, и рыцари, и даже пехотинцы.

Правда, к концу XV века пехотные салаты приобрели свои особенности, поскольку пехотинцам столь глубоко сидящие шлемы, как у всадников, были не нужны. Нижняя часть лица пехотинца оставалась открытой, но оружейники нашли способ защитить ее предличным прикрытием, закрывавшим одновременно и подбородок, и шею как спереди, так и сзади, поскольку оно составлялось из двух, передней и задней, частей. Еще большую защиту головы и шеи обеспечивал сугубо рыцарский шлем армэ, также появившийся в это

время; он имел поднимающееся забрало и довольно сложную систему соединения всех деталей в одно целое.

Что же касается комплектации «белых доспехов», то общее число деталей в некоторых из них в середине XV века доходило до 200, а если учитывать все пряжки, гвозди, крючки и винты, то и до 1000. Средний вес их достигал 20–24 килограммов, причем он достаточно равномерно распределялся по всему телу, в отличие, скажем, от кольчуги, давившей главным образом на плечи. А. Борг опровергает расхожее представление, говоря, что «никакого крана, чтобы посадить такого всадника в его седло, вовсе не требовалось. А сбитый с коня на землю, он вовсе не походил на беспомощного жука». В то же время рыцарь отнюдь не был и горой мускулов и мяса и никогда не полагался только на грубую силу и свирепость. Д. Николь, например, ссылаясь на описание рыцарей из средневековых произведений, подчеркивает, что это были люди, обладающие хрупким (!) телосложением, но гибкие и легкие, крепкие и проворные даже в полном вооружении, с отлично развитой реакцией.

Такой воин должен был уметь наносить как рубящие, так и колющие удары, уклоняться от ударов врага, а будучи верхом, стараться не утомлять коня понапрасну и быть в состоянии занять позицию, выгодную для атаки. Уже в последний период Столетней войны, когда «белые доспехи» превратились в общеупотребительное средство защиты, современники указывали на необходимость в пешем поединке использовать более легкие доспехи, чтобы вести схватку в быстром темпе.

Летом рыцарь любой комплекции, имевший под доспехами еще и толстое стеганое нижнее белье, очень сильно страдал от жары. К тому же при опущенном забрале легко сбивалось дыхание¹⁸⁸. Не стоит поэтому удивляться, что при первой же возможности рыцари старались снять с головы шлем¹⁸⁹ или, по крайней мере, поднять забрало, что, по сообщениям средневековых хронистов, нередко приводило к их гибели¹⁹⁰.

Английские историки отмечают, что итальянские доспехи конца XV века имели более широкое распространение в Европе, нежели германские. Характерной особенностью итальянских доспехов было то, что они лучше защищали

левую сторону тела, поэтому шит рыцарю практически не требовался. В то же время германские доспехи содержали больше ребер жесткости и декоративных элементов, отсутствовавших на доспехах из Италии. Но в целом миланская броня была более функциональна, так как в ней предусматривались дополнительные пластины для защиты паха, а предплечья защищались большими цельноковаными пластинами, которые в германских доспехах отсутствовали.

После 1425 года верхние края плечевых пластин стали отгибать вверх для прикрытия шеи, при этом наплечные пластины на спине заходили одна на другую. Кирасы XV века, как сделанные в Милане, так и германские, имели характерную особенность: образующие кирасу пластины — нагрудная и наспинная — сами состояли из двух пластин каждая, причем верхняя заходила под нижнюю и скреплялась с ней при помощи заклепки. С 1425 года верхнюю и нижнюю части нагрудной и наспинной пластин стали соединять при помощи ремней с пряжками, однако самое значительное изменение кираса миланских доспехов претерпела в 1440—1455 годах, когда нижнюю часть стали сильно вытягивать кверху, и к концу века она фактически уже закрывала собой верхнюю пластину. В отдельных случаях ремней спереди могло быть два, а располагались они не по центру кирасы, а по бокам слева и справа¹⁹¹.

К середине XV века большинство рыцарей уже не носили сюрко, однако до нашего времени дошло несколько интересных изображений, на которых воины носят то, что условно можно было бы назвать «национальными знаками отличия». Это мог быть кусок ткани, выкроенной в форме перевернутой буквы «Т» и закрепленный на кирасе спереди¹⁹². При этом доспехи, и особенно шлемы, вошло в обычай обтягивать дорогими тканями, в том числе и с вышивкой золотой нитью и украшениями из драгоценных камней. Известны также случаи, когда поверх «белых доспехов» рыцари носили плащ табар, имевший вид короткой накидки; табар мог покрываться геральдическими эмблемами, а мог быть и просто изготовлен из красивой и дорогой ткани.

В Италии носить такой плащ вместе с доспехами превратилось в моду, причем настолько характерную, что на

картине «Св. Георгий» Антонио Пизанелло, написанной им в 1450 году, святой не только изображен в итальянских доспехах с массивными наплечниками, но и одет именно в такой плащ, получивший в Италии название «джорния»¹⁹³. На святом плащ надет таким образом, что закрывает доспехи до колен и спереди и сзади, причем наплечники закреплены поверх широких рукавов длиной до локтя. В битве при Нанси в 1476 году в таком плаще, надетом поверх дорогих миланских доспехов, шеголял герцог Бургундский Карл Смелый; в нем он, как известно, и погиб. Плащ герцога оказался в числе трофеев, добытых швейцарскими конфедератами, и сегодня его можно увидеть в Историческом музее города Берна. Он сшит из красного атласа, имеет буфы на рукавах у плеч (видимо, для большей свободы движения) и узкие прямые запястья. По мнению Д. Эджа и Д. Паддока, ничто не указывает, что этот плащ специально предназначался для ношения вместе с доспехами; впрочем, несомненно, что он является образчиком военной моды своего времени¹⁹⁴.

Первые образцы униформы

В XV веке в моду вошли стандартизированные по покрою и цветам костюмы, в определенной степени предшествующие более поздней армейской униформе. Например, во Франции в годы Столетней войны лучники, входившие в охрану короля, в 1449 году получили форменную одежду сине-бело-красного или зелено-бело-красного цветов. В том же году Карл VII въехал в Руан в сопровождении 600 воинов личной охраны, у каждого из которых на копье был атласный вымпел красного цвета с изображением золотого солнца¹⁹⁵. Что касается англичан, то у них и в XV и в XVI веках было в традиции носить на костюме красный крест св. Георга. Употреблялись и другие эмблемы, обычно нашивавшиеся спереди. При этом наряду с государственной эмблемой здесь же могли располагаться и местные — например, городские.

Солдаты, посланные в 1513 году из города Кентербери для корабельной службы, носили поверх доспехов одежду

с изображением корнуэлльской клуши на груди и на спине; в 1522 году воины из Шрусбери имели эмблему в виде головы леопарда, а всадники из Ковентри в 1542 году, отправленные на шотландскую границу, — вышитого на куртках слона¹⁹⁶. Разумеется, рыцари одинаковую одежду не носили из принципа. Но вот для латников, пусть и одетых в рыцарские доспехи, но рыцарями не являвшихся, одеяния, содержащие элементы униформы, были в XVI веке уже в порядке вещей.

Подобно салату, обретшему большую популярность среди как самых знатных рыцарей, так и бедных пехотинцев, самое широкое применение нашел и еще один шлем, появившийся в Италии еще в конце XIV века, — барбют. По своей конструкции он был весьма похож на так называемый «коринфский шлем» эпохи классической Греции и обычно имел Т-образную лицевую прорезь, облегчавшую дыхание и обзор¹⁹⁷. Подобные шлемы в разных вариациях оказались очень удобными для пехотинцев и стрелков, однако использовались также и рыцарями. В частности, именно шлемом типа барбют укомплектованы итальянские доспехи 1450 года из Галереи искусств в Глазго. Широкое распространение подобные шлемы получили в Венеции, где их чаще всего использовали арбалетчики и тяжеловооруженная пехота¹⁹⁸.

В течение всего XV века итальянские оружейники производили немало доспехов, которые, будучи итальянскими в своей основе, нередко отличались от них в деталях, которые заимствовались у германских мастеров. Влияние и торговые связи Германии и Италии, сходящиеся во Фландрии, породили там собственное производство с центрами в Антверпене, Брюгге и Брюсселе. Значительное распространение получили доспехи смешанных форм — например, подобные тому, что сегодня мы видим на картине голландского художника Фридриха Херлина «Святой Георгий и дракон» (1460 год), где всадник представлен в типично итальянских латах и шлеме салат германо-итальянского образца¹⁹⁹.

Большой спрос среди английского рыцарства на итальянские доспехи вызвала Война Алой и Белой розы, начавшаяся практически сразу же после окончания Столетней войны. Английские оружейники — по происхождению в основном итальянцы — внесли в них достаточно много элементов от

германских доспехов. Например, «сердцевидные» боковые отводы наколенников у этих доспехов были значительно меньше по размеру, чем на доспехах, вывезенных непосредственно из Италии²⁰⁰.

В XV веке существовали и другие национальные центры, в которых работали итальянские мастера. Во Франции это были прежде всего Тур, Лион и Бордо, а в Испании — Бургос и Севилья, где многие оружейники также работали в традициях арабской школы, поскольку принадлежали к морискам — христианизированным маврам. Проявлялось это в особой пластинчатой броне на заклепках по типу бригадины. Испанскими мастерами был создан и своеобразный тип шлема, получивший название «кабассет», распространившийся впоследствии в других странах Европы.

Разнообразие видов и форм защитного вооружения полицентризм производства, как ни странно, не способствовал, что было связано в первую очередь с модой на те или иные доспехи, которой следовали даже мастера с именем. Достижения одних мастеров довольно быстро становились предметом подражания других; причем многие ставили на свои изделия клейма более известных оружейников. Во всем наблюдалась только одна, зато достаточно четко прослеживаемая тенденция, которая сводилась к усилению защитных свойств любых видов доспехов при одновременном уменьшении их веса или облегчении их использования. Так, например, шлемы типа салат, изначально очень простые по устройству, со второй половины XV века получили поднимавшееся кверху забрало. Но так как такие шлемы нужно было носить с «подбородником» для защиты нижней части лица, то в конце XV века появился салат с забралом в виде «гармошки», которая закрывала лицо целиком. Степень защиты при этом значительно возросла, поскольку от подбородника отказываться не стали.

Значительные изменения коснулись защиты для рук. Кольчужные рукавицы и перчатки начали делать из металлических пластинок с гибкими сочленениями, что значительно усилило защищенность пальцев и запястий. При этом существовало несколько характерных видов защиты: перчатки с отдельным прикрытием для каждого пальца, сплош-

ным прикрытием на всю кисть, а также перчатки смешанного типа. Наиболее просты и дешевы в изготовлении были латные перчатки, но это не значит, что они применялись только в доспехах «серийной выделки». Например, именно такими латными рукавицами были оснащены доспехи испанского короля Фердинанда Арагонского, которые датируются концом XV века и в настоящее время хранятся в Вене.

В последние годы XV века рыцарское вооружение сделалось предметом особой заботы государей Европы; в частности, император Максимилиан I (1493—1519 годы) лично контролировал создание рыцарских доспехов, которые и получили в итоге название «максимилиановских». Почти без изменений они применялись вплоть до самого конца следующего, XVI века, когда быстрое развитие стрелкового оружия вынудило конструкторов защитного снаряжения искать новые решения. Отличительной особенностью «максимилиановских» доспехов были покрывавшие всю их поверхность желобки, которые облегчали вес брони и одновременно придавали ей исключительную прочность. Доспехи этого типа считаются одними из наиболее совершенных, но доступны они были далеко не всем, поскольку стоили очень дорого.

С другой стороны, только такая броня и могла защитить всадника и его коня, поскольку убойность стрелкового и метательного оружия возрастала с каждым десятилетием. Повышалась сила, точность, интенсивность стрельбы. Так, например, лишь в битве при Монтлери в 1465 году было израсходовано 38 400 стрел за один день! При осаде Вилли, продолжавшейся меньше месяца, нападавшая сторона выпустила 10 200 стрел и 1500 арбалетных болтов, а при осаде Динанта, закончившейся всего за одну неделю, бургундская армия израсходовала 27 840 стрел и 1780 болтов²⁰¹, что свидетельствует об их весьма широком применении и, разумеется, массовом производстве.

Но если количественные данные более поздних веков сегодня хорошо известны, то вопрос о времени ввода в общее пользование арбалетов со стальным луком по-прежнему остается спорным; согласно наиболее смелым предположениям, такие арбалеты могли применяться в боях

уже в 1370 году. Правда, хотя лук из стали и сделал арбалет более компактным и позволил уменьшить длину натяжения тетивы до десяти — пятнадцати сантиметров, заряжался он по-прежнему очень медленно и при этом все более усложнялся конструктивно. Для натяжения арбалета требовался целый ряд механических приспособлений — стремя, «козья нога» и, наконец, ручная лебедка с натяжным крюком и двойной заводной рукояткой.

Соответственно новым целям изменилась и форма наконечников стрел. Так, наконечники стрел листовидной формы вполне пригодные в XII веке и даже в середине XIII века, уже в конце этого столетия использовались только на охоте. Исчезли из употребления и луновидные лезвия на стрелах, которые продолжали применять только лучники на кораблях, поскольку ими можно было перерубать корабельные снасти. Основным типом наконечника в XIV — XV веках стало шилообразное острие, способное пробить металлические доспехи. Английский историк М. Николас сообщает, что такие наконечники намеренно закреплялись на стреле непрочно и после попадания в цель обыкновенно оставались в ране. Ссылаясь на данные современных экспериментов, он указывает на высокий поражающий эффект от применения таких стрел на дальности прямого выстрела. В то же время во время стрельбы с большой дистанции стрелы на движущихся всадников падали сверху под углом, и рыцарю достаточно было лишь несколько наклониться вперед, чтобы они лишь скользнули по его доспехам. Правда, при этом очень уязвимыми становились голова, шея и круп лошади, из-за чего, собственно, их и стали защищать пластинчатой броней²⁰².

В ходе Столетней войны английские лучники очень часто стреляли из-за ограждений из кольев, перед которыми кони останавливались в замешательстве; их стрелы не причиняли особого вреда хорошо защищенным всадникам, но наносили многочисленные ранения лошадям. Падающие, шарахающиеся в разные стороны, упирающиеся и не слушающиеся всадников лошади разрушали плотные кавалерийские построения и превращали их в свалку. В битве при Креси лошади просто ложились на землю — вполне естественная реакция для раненого животного, которое не может бежать.

Ясно, что если строй конницы нарушен, а часть всадников спешена или вообще лежит на земле, то преимущество тут же переходит к более легкой и маневренной пехоте противника.

Столетняя война, охватившая практически всю Европу, способствовала «интернационализации» оружия и доспехов. Поэтому довольно быстро пластинчатые доспехи распространились и в странах Восточной Европы, в частности у венгров, конница которых в это время, судя по ее византийскому описанию, выглядела примерно так: «...Вымпелы с четырьмя концами развевались на копьях всадников. Их вид внушал ужас. Не только сами воины были до самых зубов покрыты броней, но их кони тоже были прикрыты доспехами из пластин и полос металла, защищавших их грудь и бока...»²⁰³ Похожую картину мы наблюдаем и в Византии, где вплоть до ее разгрома в 1453 году всадники лучших конных частей носили полное рыцарское облачение²⁰⁴.

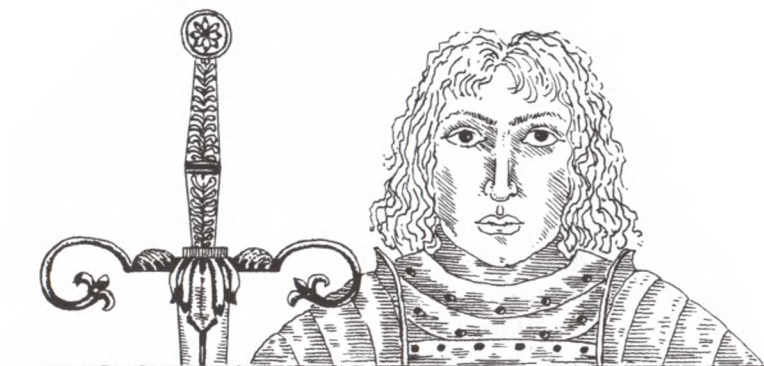
Отоманские источники, отмечают, что конница христианских армий, причем не только крестоносцев с Запада, но и византийская и сербская, была «облачена в голубоватую сталь», что явно подразумевает использование пластинчатых полированных доспехов. Турецкие наблюдатели сообщают, что всадники выступали на покрытых броней конях, имели массивные копья, латные перчатки, пластинчатые латы на ногах и руках, а на голове — шлемы. Эти доспехи, по мнению Д. Николя, соответствовали скорее итальянскому или даже испано-каталонскому стилю, нежели тем доспехам, которыми пользовались турки. В то же время существовали и определенные местные особенности. Так, европейские латники имели в основном шлемы с забралом, в то время как византийские или балканские предпочитали открытые шлемы типа барбют и салат. Страдиоты, набравшиеся на службу Венецианской республикой на Балканском полуострове, имели небольшие щиты-тарчи даже тогда, когда от боевых рыцарских щитов в Европе уже практически отказались, а если и использовали, то только на турнирах или в качестве парадной принадлежности. На итальянских картинах XV — XVI веков постоянно встречаются изображения «капеллетто албанезе», или «албанской военной шляпы» (аналога фран-

цузской «шапель де фер»), видимо настолько популярной среди балканских страдиотов, что она удостоилась даже специального названия²⁰⁵.

Те из византийских и балканских конников, кто не имел металлической брони, носили стеганую одежду, нередко покрытую шелком, которая при этом могла скрывать металлические защитные элементы военного костюма. В Италии всадническое «копье» состояло из трех человек: двух латников и одного пажа; похожую организацию имела и конница страдиотов. В Италии первый латник носил тяжелое вооружение и считался главной ударной силой, второй был оруженосцем и тоже относился к тяжеловооруженным всадникам, тогда как у пажа защита почти отсутствовала, а на поле боя он играл лишь вспомогательную роль. В Византии первый кавалерист имел кирасу и латы, его помощник-слуга мог иметь кольчужные доспехи, и даже простой воин часто носил защитную броню²⁰⁶.

После завоевания Константинополя турками их влияние, в том числе и в отношении вооружения всадников и пехотинцев, проявилось на Балканах очень сильно. Тех же страдиотов, нанятых на службу в армии европейских государств после 1453 года, описывают уже «одетыми, как турки», хотя восточных тюрбанов они не носили, заменяя их легкими шлемами. Их вооружение постепенно все менее походило на рыцарское и все больше приспособлялось к ведению войны с применением огнестрельного оружия.

Глава тринадцатая Баллада о рыцарских мечах

Кто не знает, что меч считался главным оружием рыцаря? Мечами рыцари клялись, мечам, так же как и викинги, давали имена, мечам приписывали магическую силу. Жанна д'Арк долгое время не могла найти себе нужный меч, и вот как-то ей принесли несколько мечей из старой часовни, и когда на одном из них расчистили ржавчину, то обнаружили на клинке три креста. Именно этот меч Жанна и выбрала, причем народная молва тут же разнесла повсюду, что именно им в свое время франкский король Карл Мартелл изгнал из Франции арабов!

Многообразие мечей велико. Они постоянно совершенствовались, и вместе с ними изменялись рыцарские доспехи — борьба за первенство между мечом и щитом вошла в пословицы! Иногда появлялись такие необычные клинки, как фальшион, но в целом — едва ли не все время, пока меч находил боевое применение, — он сохранял традиционную форму.

Мечи с надписями

Меч со времен викингов был главным оружием рыцаря в ближнем бою. На протяжении нескольких веков конструкция его не менялась; лишь в XIII — XIV веках в ней наметились изменения, связанные с тем, что меч стал в первую очередь оружием всадников.

Подтверждением особого положения меча в арсенале рыцаря служат уже упоминавшиеся эффигии. Они различаются внешне, но у каждой статуи обязательно есть меч, а вот, скажем, кинжал далеко не всегда, то есть именно меч был самой важной принадлежностью рыцаря. Как пишет Э. Окшотт, внешне мечи — от Испании и Британии до Кавказа — очень походили один на другой; различия между ними были невелики²⁰⁷. Между 1120 и 1200 годом клинки стали более тонкими и длинными, а имена кузнецов на них заменили религиозные лозунги, нравоучительные девизы или пословицы, написанные на латыни. Хотя бывало и так, что на отдельные экземпляры наносили бессмысленный набор букв²⁰⁸.

На одном из мечей XIII века красуются сразу две надписи: «Вероломный человек губит свою душу, а лжец — свою честь» (на одной стороне) и «Спаситель любит щедрых дарителей, скупец не нужен никому» (на другой)²⁰⁹. На мече в руке рыцаря, изображенного на медной надгробной доске капитана и магистрата ополчения города Гента Уильяма Венемара (1325 год), хорошо видны слова: «Злые трясутся, когда меня вынимают из ножен»²¹⁰.

Приблизительно около 1270 года и у рыцарей, и у пехотинцев появился массивный тяжелый тесак, известный у нас под названием «фальшион», весивший 1,2–1,6 килограмма и имевший односторонне заточенный клинок наподобие современного мачете. Колоть им было нельзя, но для нанесения сильных рубящих ударов это оружие было очень удобно. Интересно, что у пехоты фальшионы разных видов сохранились даже после того, как у рыцарей вместо кольчуг появились цельнокованные доспехи. Фальшионы широко применялись вплоть до 1500 года.

Впрочем, фальшион, скорее, исключение. Тенденция была иная: мечи постепенно потеряли рубящие свойства. Клинок сужался, и наконец радикальное сужение возле острия придало ему вид колющего оружия. Одновременно мало-помалу — процесс начался в конце XIII века — удлинялась прежде короткая рукоять меча, и в результате появились так называемые «мечи-бастарды», или «мечи в полторы руки», но ими можно было действовать и двумя руками²¹¹.

Различия в способах изготовления мечей подтверждает металлографический анализ археологических находок. Были мечи «штучного» изготовления и массовый «ширпотреб». Так, у одних мечей стальные лезвия приварены к основе из простого железа, тогда как у других основа клинка состоит уже из трех полос — двух железных и одной стальной, при двух стальных лезвиях. У третьих и лезвия и основа стальные, но разного качества. У четвертых — стальная основа сделана в виде сэндвича, из нескольких металлических пластин. У пятых — это обычно мечи из Индии — весь клинок сделан из литого булата.

А вот для того, чтобы исследовать головки на рукоятках мечей, приборов не нужно. Сравнительный анализ показал, что вплоть до середины XIII века чаще всего встречаются головки, формой напоминающие орех паранус; пик популярности таких головок пришелся на XI — XII века. В XIII веке появилась круглая головка, которая позднее заняла доминирующее положение и оставалась наиболее предпочитаемой вплоть до первой половины XV века. Исходным элементом для нее был плоский диск, дополнявшийся накладками из цветного металла, символическим изображением и надписью религиозного характера. В XIV веке оружейники сумели найти еще более выразительную форму круглой головки, прежде всего за счет выемки по ее периметру, а позднее — превратив плоский диск в двойной конус. Еще позже появились эллиптические головки и, наконец (уже на исходе XIV века), — восьмиугольные. Кроме того, в XIII — XIV веках встречались головки совершенно неожиданные по своим очертаниям, вроде усеченной двойной пирамиды, закрепленной на конце рукоятки вертикально, а также головки экзотических форм²¹², из чего видно, что

фантазию оружейников ничто не ограничивало²¹³. Кто-то из клиентов поспешал за последними веяниями моды, а кто-то желал владеть мечом под «благородную старину»...

Кинжал «милосердие»
и «мечи в полторы руки»

Обычно образ рыцаря, вооруженного мечом, дополняется в нашем сознании еще и кинжалом, с помощью которого он, если судить по художественным произведениям, мог как прикончить поверженного противника, так и продемонстрировать свое великодушие, приставив кинжал к груди врага, а затем даровав ему жизнь; отсюда, как утверждают, и происходит название кинжала — «мизерикордия», что в переводе с латыни означает «милосердие». Это слово применительно к кинжалам использовалось уже в 1221 году²¹⁴; впрочем, не известно, было ли это просто название, или так определялся какой-нибудь характерный тип. Как свидетельствует Э. Окшотт, важное значение кинжал приобрел лишь в XIV—XV веках, а до этого он совершенно не соответствовал той роли, которую ему ныне приписывают²¹⁵.

При этом Э. Окшотт ссылается на эффигии, самые ранние из которых кинжалов не имеют, тогда как у более поздних, примерно с 1350 года, они есть у каждой. На многих статуях людей гражданских тоже можно увидеть кинжал, причем чаще всего это базилард с характерной H-образной рукоятью. В Италии XIV века он сделался настолько популярен, что вряд ли найдется какая-нибудь картина, написанная между 1300 и 1420 годом, где бы базилард отсутствовал.

Ален Борг называет четыре наиболее распространенных в Англии типа кинжала: баллок, с двумя выпуклостями у основания рукоятки; рондель — ранние экземпляры которого датируются 1350 годом, с рукояткой, ограниченной двумя плоскими дисками, металлическими или деревянными; базилард; квиллон — по сути дела, небольшой меч, нередко парный большому мечу²¹⁶.

Относительно базиларда Д. Николь уточняет, что первые его образцы были известны в Палестине и Италии в начале XIV века, и добавляет, что еще одним видом мизеркордии

был сточки, который появился в Южной Италии в середине XIII века и представлял собой нечто вроде большого кинжала или укороченного меча²¹⁷.

Интересно, что точно так же, как и в японском холодном оружии, в ножнах средневековых европейских кинжалов с задней стороны часто хранились еще и дополнительные принадлежности. Например, у того же баллока это были небольшой ножичек и, по-видимому, шило²¹⁸.

В XIV веке и меч, и кинжал рыцари все чаще начинают носить на поясах, спущенных на бедра; причем в отличие от рыцарских поясов, бывших в моде до этого, новые пояса богато декорируют эмальерными украшениями и драгоценными камнями.

Дж. Клементс, исследователь фехтовального искусства Средних веков, отмечает, что появление многослойных комбинированных доспехов привело к появлению «меча в полторы руки»; длина клинка у такого меча колебалась от 101 до 121 сантиметра, а вес составлял от 1,2 до 1,5 килограмма; причем существовали клинки как более удобные для рубяще-колющего удара, так и сугубо колющие, узкой ромбической формы. Подобные мечи использовались всадниками вплоть до 1500 года; наибольшую популярность они приобрели в Италии и особенно в Германии, где считались исключительно принадлежностью рыцаря-всадника²¹⁹.

А. В. Норман и Д. Поттингер добавляют, что для обеспечения лучшей хватки при уколе на клинках таких мечей возле рукояти появилась незатачиваемая часть — рикассо, а рукоять для того, чтобы предохранить руку от соскальзывания, стали обматывать плетением, а в середине ее появилось утолщение²²⁰.

Мечи против «белых доспехов»

В 1300—1500 годах у западноевропейских мечей не только изменились клинки, но продолжали меняться рукояти и навершия. Рукояти в период между 1410 и 1440 годом приобрели характерную бутылочную форму, а навершия, сохранив традиционный вид двояковыпуклого диска, приобрели и новые, ранее не встречавшиеся формы — «пробка от графина», «рыбий хвост», «груша» и т. д.²²¹

Перекрестия сделались тоньше и в отдельных случаях значительно длиннее, а главное — приобрели характерный изгиб в сторону клинка, хотя и традиционное прямое перекрестие по-прежнему было в ходу. На некоторых мечах в первой половине XV века со стороны клинка на перекрестии появилось кольцо, в которое при хвате за рукоять просовывали указательный палец. Позднее к одному кольцу стали прибавлять и второе.

Мечи XVI века, по мнению Э. Окшотта, можно разделить на три основных типа. Первый — колющие и рубящие мечи, а также их гибриды, с простой и сложной рукоятью для одной руки, носившиеся непосредственно на поясе. Второй — «мечи в полторы руки», известные еще и как седельные, поскольку их возили у седла, и, наконец, третий — это легендарные двуручные мечи.

Д. Клементс особо оговаривает, что, хотя за рукоятки многих мечей и можно было ухватиться двумя руками, двуручными они в полном смысле ни в коем случае не являлись, поскольку с любым из них рыцарь вполне управлялся и одной рукой. Столь же любимые романистами настоящие «двуручные мечи», то есть мечи, которые могли удерживаться только двумя руками и которые из-за их величины носили положив на плечо, появились прежде всего как оружие швейцарских конфедератов и ландскнехтов на рубеже XV—XVI веков, а своего расцвета достигли в XVI веке. Эти мечи применялись исключительно пехотинцами и никогда не входили в рыцарский арсенал. Наиболее ранние их образцы имели прямой плоский либо ромбический в сечении клинок, который позднее стали снабжать с двух сторон крюками, расположенными за перекрестием, — эти крюки должны были задерживать и зацеплять клинки противника. В XVI веке появляются двуручные мечи с волнистым и даже пилообразным лезвием, их длина достигала человеческого роста при весе от 1,4 до 2 килограммов.

Что же касается среднего веса меча, то в X—XV веках он составлял 1,3 килограмма, а в XVI веке его удалось немного уменьшить — до 900 граммов. Мечи-бастарды «в полторы руки» весили порядка 1,5—1,8 килограмма, а вес двуручников достигал 3 килограммов²²².

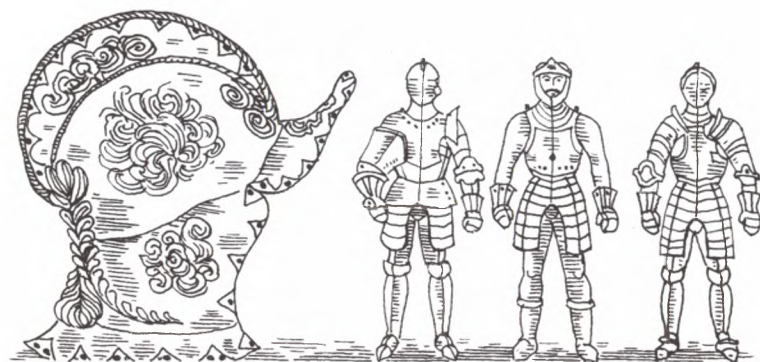
Меч превращается в шпагу

Постепенно, к концу XVI века, как указывает Джон Клементс, мечи стали длиннее, приобрели рикассо возле клинка, прикрытое специальными дугами для защиты пальцев, и трансформировались в рапиру, шпагу и рубящие палаши тяжелой конницы. В Европе возобладали колющее оружие, а в Англии поначалу предпочитали рубящее²²³. Но уже в середине XVII века, в период Английской революции, в Британии распространились шпаги трех типов: кавалерийская — с развитой защитной «корзиной» для руки и прочным, рубящим лезвием; пехотная — с более легким клинком, с одной дужкой для защиты руки и небольшой плоской гардой; офицерская, отличавшаяся легкостью и изяществом. Еще легче были возникшие под влиянием французской фехтовальной школы гражданские шпаги с длиной клинка в 32 дюйма (чуть более 81 сантиметра)²²⁴.

Когда появилось огнестрельное оружие, нашлись люди, посчитавшие возможным объединить его с мечом. Так, в коллекции Королевского арсенала в Тауэре имеется седельный меч-эсток, предназначенный для пробивания рыцарских лат, с рукояткой в виде ружейного ствола. Навершие на нем было съемным, пороховой заряд внутри поджигался вручную при помощи фитиля²²⁵. Сейчас трудно сказать, как его использовали в бою и был ли этот меч заказан кому-то из оружейников по приказу самого Генриха VIII — известного любителя оружейных диковин, однако сам факт существования благородного меча, соединенного с «оружием дьявола», каковым называли аркебузы, говорит о многом. Легендарный рыцарь XVI века Байяр приказывал вешать всех попавших в плен аркебузирова как людей, противопоставивших себя благородному обычаю рыцарской схватки лицом к лицу, а тут мы находим огнестрельное оружие в арсенале самого короля!

Звонкая сталь меча отступала перед силой пороха, и это означало неминуемый закат рыцарской эпохи.

Глава четырнадцатая Доспехи Генриха VIII

Знать в Средние века разбиралась в рыцарском вооружении не только как «пользователь»; рыцари нередко участвовали в создании новых образцов наравне с оружейными мастерами. Это, конечно, не означает, что они работали в кузнице, подобно Петру Первому, но абсолютно точно известно, что они лично вникали во все тонкости производства, вместе с художниками разрабатывали эскизы, а в случае надобности выписывали оружейников из других стран. Особенно в этом смысле знаменит английский король Генрих VIII (1491–1547 годы), эпоху правления которого историки характеризуют среди прочего и как период самого пристального внимания к оружию и доспехам²²⁶.

Доспехи для армии и доспехи для себя

Начнем с того, что именно при Генрихе VIII английская армия подверглась серьезным преобразованиям и на ее вооружении появились огнестрельное оружие и длинные

копья для борьбы с конницей. Новое оружие в большинстве случаев ввозилось в Англию с материка, где приобреталось у самых известных корпораций оружейников. В то же время Генрих VIII сохранил в арсенале британской армии традиционный длинный лук; своим солдатам он не позволял стрелять по мишеням, расположенным ближе чем 220 ярдов (ок. 200 метров)²²⁷.

Генрих не был великим полководцем, хотя и принимал участие в двух значительных походах. Зато свою юность он посвятил сражениям на турнирах, борьбе и стрельбе из лука, а, состарившись, занимался соколиной охотой. Дважды, в 1524 и 1536 годах, его пристрастие к поединкам едва не стоило ему жизни — даже для королей турнирные забавы были в то время очень опасны.

Английский король, видимо, считал недопустимой национальную зависимость от импорта иностранных доспехов, из-за чего и пригласил на работу в Саусворк нескольких итальянских мастеров. Однако по неизвестной причине они не приехали. Тогда в 1515 году Генрих пригласил оружейников из Германии и Фландрии, которых разместили в оружейной мастерской в Гринвиче.

Смещение двух школ — итальянской, влияние которой в Англии, по-видимому, сохранялось, и германо-фламандской — способствовало началу производства оригинальных доспехов так называемого «гринвичского стиля»²²⁸.

Целый ряд различных доспехов король заказал в гринвичских мастерских лично для себя, и большинство их сохранилось до наших дней. Ныне четыре доспеха Генриха VIII находятся в Королевском арсенале в лондонском Тауэре, один доспех хранится в Виндзорском замке, а два — в собрании Метрополитен-музея в Нью-Йорке²²⁹.

Наиболее ранний из них — доспех для пеших поединков, изготовленный около 1515 года. Он отличается прекрасной отделкой, тщательной выделкой всех сочленений — это настоящее произведение искусства. Декор лат посвящен состоявшейся в 1509 году свадьбе Генриха и Екатерины Арагонской. На нагруднике изображен св. Георгий, на задней части кирасы — св. Варвара. На других деталях доспеха — орнамент из вьющихся растений, среди них розы Тюдоров

и гранаты Арагона. Крылья наколенников украшены связкой стрел — эмблемой отца Екатерины Фердинанда II Арагонского. На носках сабонов помещены символическое изображение крепости Кастилии и еще одна эмблема Тюдоров — опускающаяся решетка ворот. Нижняя часть юбки окаймлена переплетающимися инициалами Генриха и Екатерины «Н» и «К». На задней части каждой поножи изображена женская фигура, появляющаяся из чашечки цветка; на воротничке фигуры левой поножи видна надпись «GLVCK».

Этот замечательный экспонат позволяет сделать вывод о недюжинном — даже по сегодняшним меркам — росте и прекрасной физической подготовке английского монарха: высота доспеха «в сборе» составляет 185 сантиметров, а вес — более 30 килограммов.

В 1520 году специально для участия короля в пешем турнирном поединке на так называемом «Поле золотой парчи» создавали доспех, который при весе в 42,68 килограмма прикрывал цельнокованой сталью практически все тело. Правда, этот доспех так и не был доделан.

Впечатляет и другой доспех Генриха VIII, изготовленный в том же году, хотя конструкция его вполне традиционна, а многие детали явно принадлежали прежде каким-то более ранним доспехам и лишь некоторые сделаны заново. Этот доспех имеет огромный бацинет, традиционно использовавшийся в пеших сражениях; он изготовлен в Италии — на задней стороне шлема есть штамп мастерской города Миссалы, — но забрало его позже было видоизменено. Наручи собраны из деталей старых доспехов; изнутри они составлены из множества узких и тонких сочлененных пластинок, которые защищали локтевые суставы, в то время как снаружи пластины крупные. Поножи на петлях и ремнях имеют специальные пазы для шпор, необходимых для всадника, но вовсе необязательных для пешего рыцаря. Наплечники из перекрывающихся друг друга пластин, характерных для мастерской в Гринвиче, и стальная юбка тонлет сделаны специально для этого доспеха. Он украшен гравированными изображениями св. Георгия, Девы Марии и младенца Христа, розы Тюдоров, знаком ордена Подвязки на вороте, а по верхнему краю

левой поножи выгравирована и сама подвязка. На доспехе сохранились следы позолоты²³⁰.

Доспехи Генриха VIII свидетельствуют о том, что защитное снаряжение рыцарей с годами все больше специализировалось. С другой стороны, поистине невероятная стоимость доспехов (у королевских соразмерная иной раз с доходами города средних размеров) привела к появлению гарнитуров, когда один и тот же доспех после добавления нескольких деталей использовался и как турнирный, и как боевой, что, вероятно, считалось за верх практичности!

Весьма интересен конский доспех 1510 года, подаренный Генриху VIII императором Максимилианом I в память о совместных боевых действиях против французов; изготовленный во Фландрии мастером Мартином ван Рояном, он наглядно демонстрирует, что представляла собой подобная броня. Доспех состоит из нагавника, нашейника, нагрудника, двух боковиков и массивного накрупника. Пластины доспеха украшены гравировкой, чеканкой и позолотой. Гравированы металлические пластины поводьев; все крупные пластины, а также переднюю и заднюю луку седла украшают рельефные выпуклые изображения веток и плодов граната, а также ветвистые кресты ордена Золотого руна, который Генрих получил в 1505 году. Наименее украшена нашейная пластина доспеха, но и на ней есть гравированная кайма, изображающая гранаты. Не исключено, что эта часть является работой фламандского мастера Пола ван Вреланта, который, как и Мартин ван Роян, работал в королевской оружейной мастерской в Гринвиче, и первоначально принадлежала другому доспеху.

Средневековый рационализм в действии

Один из наиболее известных гарнитуров Генриха VIII, дошедших до нашего времени, — несколько доспехов, изготовленных мастерами Королевского арсенала в Гринвиче в 1540 году. Комплект этот включал полные доспехи для джостры — поединка двух рыцарей; в их состав входил

ли латы с массивным левым наплечником, составляющим одно целое с баффом — дополнительным бронелистом, закрывающим часть шлема, подбородок, шею и часть груди. Для пешего турнирного поединка к латам пристегивались удлиненные набедренники. Наплечники были симметричной формы, а гульфик цельнометаллическим. Также в королевский гарнитур 1540 года входили детали полного рыцарского полевого доспеха (так называемого «дротикового» доспеха «длиной в три четверти» с набедренниками только до колен); детали пехотного полудоспеха — кольчужные рукава, латные перчатки, латные набедренники и опять-таки цельнометаллический гульфик; при этом крюк на кирасе, забрало на шлеме и какая бы то ни было латная обувь отсутствовали.

Таким образом, имея, по сути дела, одни доспехи с «запчастями», Генрих VIII мог использовать их для разных целей. Возможно, подобное решение диктовалось соображениями экономии, поскольку, как это уже отмечалось, такие доспехи были очень дороги. Но скорее всего, иметь многофункциональные доспехи было еще и очень престижно. В 1544 году Генрих VIII заказал еще два таких доспеха для очередной военной кампании, причем основой для их украшения гравировкой и резьбой послужили эскизы Ганса Гольбейна²³¹.

Весьма важной деталью гарнитура 1540 года стала набрюшная пластина. Эта уникальная деталь стала характерной особенностью доспехов гринвичской школы и кроме как на доспехах для Генриха VIII больше нигде не встречается. Она составлена из трех заходящих одна на другую стальных пластин, склепанных между собой; крепилась она спереди на стеганом дублете, имевшем кольчужные рукава и короткие кольчужные рейтузы с гульфиком. Нагрудная кираса имела в центре небольшое отверстие, через которое проходил Т-образный штифт, скреплявший ее с набрюшной пластиной²³².

Что же касается собственно парадных доспехов, которые также выделяли в то время европейские мастера, то военного значения они не имели, не говоря уже о том, что при их изготовлении в угоду заказчикам часто полностью игнори-

ровался здравый смысл. В полной мере это относится и к так называемому «рогатому шлему» Генриха VIII, который вместе с комплектом доспехов был подарен ему императором Максимилианом I в 1514 году.

Этот шлем (единственное, что сохранилось до настоящего времени от целого доспеха) имеет откидывающееся сверху забрало с человеческим лицом, имитацию очков и почему-то... лихо закрученные бараньи рога! Изготовленный мастером Конрадом Зойзенхофером из Инсбрука в 1512 году, этот шлем, вне всякого сомнения, является выдающимся образцом оружейного искусства начала XVI века, однако сражаться в нем вряд ли было возможно.

Что же касается доспехов от этого шлема, то они, по всей видимости, были проданы на металлолом в 1649 году еще во время Английской революции. Шлем избежал этой участи, так как хранился отдельно (у доспехов, очевидно, были и другие шлемы). Уже в XVII веке он демонстрировался на выставке в Тауэре как часть доспехов Уилла Сомерса, придворного шута Генриха VIII, и долгое время вообще никто не знал, кому он принадлежал в действительности.

Недавно возникли сомнения в подлинности этого шлема. Например, были ли рога и очки его принадлежностью с самого начала, или же их добавили позже? Но самое главное, почему столь причудливый предмет один монарх подарил другому? Эти сомнения все еще полностью не разрешены; тем не менее шлем воспринимается большинством специалистов как единственно сохранившаяся часть, возможно, самых прекрасных рыцарских доспехов, когда-либо существовавших в Англии.

С другой стороны, вполне вероятно, что все в данном случае объясняется просто. Период между 1510 и 1540 годом пришелся на пик популярности «максимилиановских» доспехов, многие из которых имели шлемы-армэ с забралом в форме человеческого лица более или менее карикатурного характера. Отсюда и стремление мастеров-изготовителей максимально угодить своему венценосному заказчику и сделать нечто особенное, до этого еще не встречавшееся, крайне оригинальное, — и надо заметить, что цели своей они достигли!

Оружие против рыцарских правил

Генрих VIII всячески способствовал развитию в Англии огнестрельного оружия; по инициативе короля испытывались разнообразные его образцы, и среди них попадались весьма экстравагантные. Например, большая булава, снабженная на конце тремя ружейными стволами и шипами, доставленная из Вестминстера в Тауэр в июле 1547 года вместе со 118 другими булавами без стволов и 7 булавами со стволами, но без шипов. Каждый из стволов имел крышку, закрывающую запал; стреляли из этого оружия, названного с чисто английским юмором кропилом (вообще-то кропило — это кисть, которой священник разбрызгивает святую воду), зажав его под мышкой и последовательно поднося к стволам горящий фитиль.

В XVII веке к этой булаве приклеилось название «прогулочный посох Генриха VIII», а в следующем веке была придумана история, будто бы король ночами, проверяя охрану Тауэра, ходил с ней по замку. Во время одной из таких прогулок один из констеблей якобы не узнал короля и отправил его в тюремную камеру за ношение столь опасного оружия в неположенный час. Узнав поутру, кого именно он арестовывал, несчастный констебль уже прощался с жизнью, но Генрих VIII не только его не наказал, а, напротив, наградил за исполнительность и усердие²³³.

Король пристально следил за огнестрельными новинками. В 1540 году в Англию из Италии доставили оригинальный «стреляющий щит». Деревянное обитое сталью изделие весом около 5 килограммов и диаметром 48 сантиметров в центральной части украшено гравировкой с позолотой. А над сценой подвига древнеримского героя Муция Сцевола... торчит встроенный фитильный пистолет со съемной казенной частью, имеющей перезаряжаемый стальной патрон. Это впечатляющий памятник эпохи перехода от холодного оружия к огнестрельному, и, кроме того, показательный пример развития средневековой военной мысли. Понятно, что рыцари такими щитами не пользовались.

В 1547 году таких щитов в Тауэр из Вестминстера поступило 35 штук; сегодня в Тауэре хранится 16 таких щитов двух типов: девять со стволом в центре щита и семь со стволами, расположенными в верхней части. Шесть щитов имеют рельеф на покрывающих их пластинах, в то время как на остальных пластины гладкие. У некоторых над стволом предусмотрено отверстие для наблюдения, забранное железной решеткой.

Долгое время английские историки никак не могли понять, где именно применялись огнестрельные щиты. Конец спорам положил подъем королевского флагманского судна «Мэри Роз», затонувшего в 1540 году на рейде в Портсмуте, где такие щиты были обнаружены среди прочих находок. Так что теперь уже точно известно, что они находились на вооружении судовых команд²³⁴. Кстати, вместе со стреляющими щитами на «Мэри Роз» нашли 138 «больших луков» и 2500 стрел²³⁵.

Впрочем, нельзя сказать, что экзотические щиты закупались в ущерб традиционным. В это время на вооружении английской армии находились небольшие круглые пехотные щиты — баклеры, которые в громадных количествах производились в Уэльсе. Типичный английский баклер выглядел следующим образом: деревянный, диаметром около 36 сантиметров плоский диск, усиленный концентрическими стальными кольцами, которые закреплены множеством заклепок; в центре — выпуклый умбон, нередко с навершием в форме луковицы.

Особенно удивляться вниманию, которое Генрих VIII уделял огнестрельному оружию, не приходится; оно, хотя и считалось «неблагородным» и отвергалось рыцарскими правилами, благодаря своей эффективности играло в сражениях все большую роль. У миланцев, например, в 1482 году было в арсенале 1250 единиц огнестрельного оружия, из них 352 аркебузы, имевшие замок с пружинным механизмом воспламенения, и только 233 арбалета²³⁶. На момент смерти Генриха VIII в 1547 году в Королевском арсенале хранилось 3000 луков и 13 000 связок стрел по 24 стрелы в каждой связке, а общее число ручного огнестрельного оружия достигало 7700 единиц²³⁷; важно отметить, что в самой Англии огне-

стрельное оружие тогда не производилось, — его везли из Италии, что требовало надежных каналов поставки и изымало из государственной казны много золота!

Столь же значительным был, кстати говоря, и британский импорт итальянских доспехов. Д. Эдж и Д. Паддок приводят по этому поводу впечатляющие цифры: в конце 1512 года Генрих VIII заказал 2000 комплектов легких доспехов во Флоренции (по цене 16 шиллингов каждый), а в следующем году — еще 5000 доспехов в Милане. В связи с угрозой французского вторжения в 1539 году им было заказано 1200 комплектов доспехов в Колони и 2700 в Антверпене; делая последний заказ, англичане, видимо, решили сэкономить, поскольку Д. Эдж и Д. Паддок отмечают, что Антверпен «был крупнейшим центром в Европе по производству доспехов “низкого качества”, употреблявшихся только в пехоте»²³⁸.

Таким образом, английскими историками выделяются два обстоятельства. Во-первых, широкое распространение в первой половине XVI века доспехов в английской пехоте, пусть даже и значительно более дешевых, чем кавалерийские. Во-вторых, чрезвычайно развитый экспорт оружия из Италии и Нидерландов, где оно производилось промышленным образом.

Армия Генриха VIII

Рыцарская конница немислима без развитого в стране коневодства; причем необходимы крупные сильные кони, способные выдержать тяжеловооруженного всадника. Проблемы с выведением коней таких пород были в Англии столь значительны, а стоимость самих коней столь велика, что Генрих VIII мог позволить содержать при себе гвардию в полном рыцарском вооружении и на «бронированных» конях числом не более пятидесяти человек. Каждого такого рыцаря сопровождал один конный лучник, один всадник в легком вооружении с легким копьем или облегченной всаднической секирой, а также слуга²³⁹. Дабы увеличить количе-

ство лошадей, пригодных для кавалерии, Генрих VIII издал закон, по которому всякий англичанин, имевший ежегодный доход в 100 фунтов, должен был в обязательном порядке иметь собственную лошадь, пригодную для военной службы. Кроме того, каждый мужчина, жена которого носит юбку из вельвета или нижнюю юбку из шелка, должен был содержать боевого коня вне зависимости от своего дохода²⁴⁰.

Армии в этот период становятся все более и более «интернациональными» по составу, что способствовало взаимопроникновению традиций, навыков и вооружений из одной страны в другую. Так, А. Норман и Д. Поттингер особо выделяют тот факт, что Генрих VIII помимо приглашения в Англию оружейников из Фландрии использовал и многочисленных наемников. В частности, пикинеры и всадники тяжелой конницы были бургундцами или немцами, а аркебузиры — главным образом испанцами и итальянцами, которые нанимались тысячами.

В конце правления Генриха VIII английская армия состояла из нескольких по-разному вооруженных и экипированных видов конницы и пехоты. Тяжеловооруженная кавалерия имела полное рыцарское вооружение и воевала копьями и мечами на защищенных доспехами лошадях. У легкой кавалерии были «доспехи в три четверти» без латных перчаток и защиты ног ниже колена. Оружием этим всадникам служили легкое копье, меч, а с середины XVI века еще и короткоствольные образцы огнестрельного оружия. В этом было их принципиальное отличие от традиционного рыцарского войска.

Кавалерия, охранявшая границы, имела еще более легкую защиту: пластинчатые набедренники до колен, кольчужные рукава и шлемы без забрала. Эти доспехи также не считались обязательными, и многие «пограничники» носили лишь одни кольчуги, бригадины или куртки-жаки. Разница между жаком и бригадиной заключалась лишь в том, что металлические либо роговые пластинки у жака к матерчатой основе привязывались, тогда как на более дорогой бригадине они держались при помощи заклепок. Своеобразным опознавательным элементом для английских легковооруженных всадников этого периода времени была красная

шапка (видимо, некое подобие суконного колпака), которую они носили поверх металлического шлема²⁴¹.

Аркебуза, новое оружие легкоконного всадника, принятая на вооружение при Генрихе VIII, имела около 90 сантиметров в длину и позволяла стрелять непосредственно с коня, что породило новую тактику боя. Заключалась она в том, что вооруженные аркебузами конные стрелки быстро приближались к построениям пехоты, стреляли и отъезжали обратно, чтобы перезарядить оружие. Наемные немецкие рейтары Генриха VIII, помимо трехметрового копья, были вооружены двумя пистолетами, которые располагались в седельных кобурах; пороховой заряд в этих пистолетах воспламенялся посредством колесцового замка. Вес пистолета составлял около 3 килограммов, длина — 50 сантиметров, а убойная дальность не превышала 45 метров; стрелял он 30-граммовой свинцовой пулей²⁴². Иногда таких пистолетов всадник мог иметь и больше, в этом случае дополнительные пистолеты носили за отворотами сапог или же заткнув за пояс.

Пехотные доспехи, импортируемые Генрихом VIII из Германии (часто их носили немецкие наемники-ландскнехты), были типичны для того времени; такие доспехи применялись повсеместно. Они состояли из набедренников длиной до колен, кирасы, панцирного воротника — горжета, трубчатых налокотников, наплечников, шлема с козырьком и тапуля-гульфика²⁴³. Иногда наплечники отсутствовали, а вместо горжета использовалась широкая кольчужная накидка, защищавшая не только плечи, но и верхнюю часть груди и спины, а также шею. Шлем часто имел защиту для шеи из заходящих одна на другую пластинок — так называемый «хвост лобстера», а также пластины для защиты щек и ушей, крепившиеся к тулье на петлях и завязывавшиеся на подбородке.

Вооружены были английские пехотинцы достаточно разнообразно. В 1543 году из Норвича во Францию отправили сорок пехотинцев, и среди них восемь лучников, каждый из которых имел «добрый лук» в чехле для переноски, 24 «добрые стрелы», «добрый меч» и кинжал; все остальные были «биллмены», то есть воины, вооруженные «биллом» — своеобразным копьем длиной около полутора метров с ножевид-

ным или прямым клинком, предназначенным для рукопашной схватки²⁴⁴, — а также мечом и кинжалом. Все биллмены имели защитное вооружение, хотя какое именно — не уточняется²⁴⁵. Традиционным оружием английской пехоты также была длинная, от четырех до пяти с половиной метров, пика с наконечником около 25 сантиметров, ниже которого привязывался лисий хвост, обладавший, как считалось, магическими свойствами. Считается, что этот обычай был своего рода ответом на рыцарскую традицию украшать копья вымпелом с гербом. Лисий хвост выступал и как своеобразный талисман, и в качестве корпоративной эмблемы²⁴⁶.

Время правления Генриха VIII стало для британского рыцарства эпохой упадка, когда, казалось бы, незыблемые традиции рушились одна за другой, а вместе с ними уходили в прошлое и рыцари в «белых доспехах».

Глава пятнадцатая Закат эпохи рыцарских доспехов

Известно, что любое явление в человеческом обществе проходит четыре этапа. Первый, когда явление вызревает в недрах того, что было до него. Частицы нового разрознены, и на них либо не обращают внимания, либо просто не замечают их, считая случайностью. Потом эти элементы между собой соединяются, и новое появляется на свет — правда, пока еще в виде несовершенном. Но затем наступает период расцвета, вслед за которым неизбежно следует закат.

Так же дело обстояло и с рыцарскими доспехами...

Стрелки против рыцарей-латников

Период заката рыцарских доспехов можно разделить на два этапа. Первый, начальный, охватывает XVI век, второй, «период полного упадка», занял следующий, XVII век. По мнению английских историков, этот процесс был самым тесным образом связан с развитием новых средств ведения

войны. Именно открытия во всех областях науки и быстрое усовершенствование дотоле крайне неудобного в применении огнестрельного оружия изменили тактику боя и подвели черту под существованием конных и пеших рыцарей²⁴⁷.

Поначалу практически все организационные изменения в средневековых войсках сводились к насыщению их лучниками и арбалетчиками, которые включались в традиционные рыцарские формирования. В Англии ячейка такого формирования — так называемое «рыцарское копье» — в начале XIV века состояло из рыцаря, его оруженосца и двух конных лучников; в 1360 году в нее, кроме рыцаря и сквайра-оруженосца, входил только один лучник. Французское копье 1450 года имело в своем составе рыцаря, двух оруженосцев, двух пеших или трех конных лучников, а также легковооруженного всадника — в Англии такие назывались хобиларами²⁴⁸. Лучники входили в состав рыцарского копья и в XVI веке. Интересно, что английские конные лучники для стрельбы спешивались — в отличие, например, от поместной конницы Московии или монгольских всадников, которые стреляли прямо с коня.

Уменьшению значения рыцарей способствовало и то, что практически все европейские армии стали формироваться по принципу найма. При этом и наемные офицеры, иной раз прибывшие издалека, и коренные жители, носили доспехи одного фасона; разве что у офицеров они были лучшего качества и нередко украшались гравировкой или золочением. В то же время уже маршал Генриха VIII Томас Аудлей писал, что он хотел бы, чтобы стрелки не носили доспехов за исключением шлема, поскольку «не может быть хорошего стрелка, будь то лучник или аркебузир, если он служит одетым в доспехи»²⁴⁹.

Данная точка зрения отражала общее отношение к людям, в чьих руках было оружие, быстро и эффективно убивающее на расстоянии противников, облаченных в дорогостоящие доспехи. Она, вероятно, возникла под влиянием уходящей морали прошлых веков, требовавшей равных шансов для сражающихся воинов.

Но сами стрелки отнюдь не спешили целиком расставаться с доспехами. Еще в 1535 году многие из них продолжали

носить под камзолом кольчугу, а пехотинцы-алебардисты — кирасу, наплечники, наручи, латные перчатки и полное прикрытие для ног за исключением стопы. Это снаряжение вполне соответствовало рыцарскому.

«Золотой век» европейских оружейников

Все сказанное отнюдь не означает, что рыцари, облаченные в доспехи из стали, легко сдавали свои позиции. С ними приходилось считаться еще долго. Если же говорить о первой половине XVI столетия, то это время — в самый канун заката — стало чуть ли не «золотым веком» для европейских оружейников, поскольку поднялся спрос на доспехи высшего качества и основательно увеличились заказы на дешевые доспехи для пехотинцев и легкой конницы²⁵⁰.

В Милане, где традиционно делали самые лучшие доспехи, пальму первенства в их изготовлении захватило семейство Негроли, но и семейство Миссалья, прежде бывшее впереди, нарастило производство. Крупными центрами изготовления вооружения сделались Брешиа, Нюрнберг и Ландсхут. Продолжал выпускать первоклассные доспехи Инсбрук; мастерская в Гринвиче, которую Генрих VIII основал в 1515 году, успешно функционировала вплоть до 1637 года!

Интересно, что мода на «максимилиановские» доспехи с желобами, так быстро завоевавшие популярность, быстро прошла, и к 1530 году²⁵¹ их место вновь заняли тщательно отполированные доспехи, края пластин которых теперь отшлифовались узким латунным бордюром. Другим нововведением начала XVI века стали гротескные формы доспехов, у которых забрала шлемов были оформлены в виде человеческих лиц или звериных масок, а сами латы напоминали набитые ватой костюмы того времени. Это было явным признаком завершения эпохи доспехов — парадная, а порой и карнавальная функция вытесняла боевую, и, как бы прекрасны доспехи ни были, они теперь служили не в качестве защитного снаряжения, а как металлический маскарадный костюм²⁵².

После 1510 года на итальянских доспехах исчезла кольчужная бахрома под наколенниками; на набедренниках — в частности, на доспехах императора Карла V — она встречается и после 1530 года, однако это уже скорее исключение из общего правила. Кольчуга в отдельных случаях еще применялась — но все реже и реже. Впрочем, в Гринвиче производство кольчуг продолжалось до 1570 года, а в Италии кольчужные саботоны не выходили из моды в течение всего XVI века. Кольчуги изготавливались прежде всего для скрытого ношения под гражданским костюмом.

Мода на те или иные разновидности защитного снаряжения постоянно менялась. Вплоть до 1560 года в ходу были боевые латные рукавицы в стиле металлических варежек XV века²⁵³; в турнирных доспехах этот тип рукавиц сохранялся до конца XVI века. После 1530 года опять стали приобретать популярность латные перчатки с отдельными пальцами и появились латные рукавицы с длинными и широкими манжетами, которые доходили до локтя, благодаря чему отпала нужда в наручах²⁵⁴.

В XVI веке использовались четыре разновидности шлемов: армэ, бургиньот, морион и «закрытый шлем», который от армэ отличался тем, что имел бевор-предличник в форме подбородка. Но после 1510 года эти два шлема уже мало чем отличались друг от друга. Шлем бургиньот, происходящий от бургундского саллета, имел сначала защитную решетку для лица, однако после 1550 года ее сменил простой наносник, причем именно с этого времени германские оружейники начали изготавливать точные копии турецких шлемов²⁵⁵, которые обычно надевали с богато украшенными парадными доспехами²⁵⁶.

Морион — так в XVI веке стали называть шлем кабасет, — как правило, использовали пехотинцы-лучники и мушкетеры; им было удобнее целиться с открытым лицом. От декоративных нашлемных украшений в это время уже полностью отказались (это не коснулось турнирных шлемов); после 1500 года шлемы украшали только плюмажами из перьев²⁵⁷.

Доспехи против пуль

В самом конце XVI века, в 1591 году, еще звучали мнения, что лучникам следует носить защитные доспехи по типу «боевого дублета», прикрытого яркой тканью, а в основе своей либо стеганого, либо подбитого металлическими пластинками. По-видимому, это было связано с тем, что качество пороха ограничивало убойную дальность стрельбы из мушкета 90 метрами, а у короткоствольных пистолетов середины XVI века она была еще меньше²⁵⁸.

Но постепенно качество пороха улучшалось, и огнестрельное оружие стало брать верх над средствами защиты. Не спасало дело и то, что доспехи во второй половине XVI века после изготовления часто проходили «испытания» пулями. Обстрелу обычно подвергали переднюю и заднюю пластины кирасы — и обязательно шлем. В результате таких испытаний гарнитур «Орел» эрцгерцога Фердинанда Тирольского, изготовленный в 1547 году, приобрел дополнительную пуленепробиваемую пластину на грудь, после чего подобные пластины в европейских доспехах стали встречаться все чаще, а сами доспехи становились все тяжелее. Это вынуждало рыцарей отказываться от менее важных их элементов для того, чтобы повысить пулестойкость остальных.

Одновременно доспехи все больше стандартизировались, что, например, в Англии стало следствием дальнейших организационных изменений в области военного дела. В 1558 году была изменена система закупки вооружения для армии, которая теперь снабжалась на средства населения, поделенного соответственно доходам на классы. Так, всякий, имевший доход в 1000 фунтов стерлингов в год или больше, должен был купить шесть лошадей для полукопейщиков, причем три с соответствующей сбруей, а также доспехи для троих всадников; десять лошадей, пригодных для службы в легкой коннице и в комплекте к ним сбрую и доспехи; сорок комплектов доспехов для пехоты — кирас, набедренников и шлемов; сорок облегченных пехотных доспехов «германского образца»; сорок пик, тридцать луков с 24 стрелами каждый; тридцать легких металлических шлемов; два-

дцать копий типа «билл» либо алебард; двадцать аркебуз и, наконец, двадцать морионов. Все остальные поставляли вооружение пропорционально своим доходам, причем тот, чей доход составлял от 5 до 10 футов в год, должен был представить один билл или алебарду, один лук со стрелами, один легкий доспех и шлем. Таким образом, оружейникам стали заказывать значительные партии доспехов, что не могло не привести к их унификации. Но продажа всего этого вооружения за границу была категорически запрещена!²⁵⁹

Своим весом отдельные доспехи для всадников не уступали рыцарским латам раннего Средневековья. Тяжелая кавалерия использовала и полные рыцарские доспехи, и доспехи в «три четверти». Впрочем, все чаще «вместо наголенников тяжелая конница носила сапоги»²⁶⁰. Средняя кавалерия носила похожее защитное снаряжение, но легче весом и в сочетании со шлемом бургиньот.

Все, кто был вооружен огнестрельным оружием и «стрелял с коня», входили в легкую кавалерию. Конные стрелки были облачены в «аркебузную броню», включавшую в себя кирасу, воротник, наплечники, перчатку по локоть на левую руку (так называемая «перчатка для поводов», или «длинная перчатка») и все тот же бургиньот. Иногда в облегченном варианте стрелки надевали только кольчужную рубаху, перчатки и бургиньот самого простого устройства. Защитное вооружение легких конников «джавелиннеров» (от английского слова «джавелин» — дротик; отсюда и название «дротиковый доспех») состояло из кирасы с небольшой пластинчатой юбкой, горжета и шлема бургиньот.

Аркебузиры и мушкетеры носили кожаную куртку жак, замененную после 1600 года на куртку из буйволовой кожи, способную выдерживать рубящие удары, наносимые холодным оружием, и шлем морион. Впоследствии мушкетеры совсем отказались от защитной брони, а вместо шлемов стали носить широкополую шляпу по гражданской моде.

Так называемые «вооруженные копыя» представляли собой защищенную доспехами тяжелую пехоту, занимавшую первые шеренги в боевом строю. Они были одеты в латы, включавшие кирасу, горжет, наплечники, наручники, набедренники и морион.

«Сухие копыя» — так называли легкую пехоту — носили бригадины или жаки, нередко с кольчужными рукавами, и шлем морион²⁶¹. Жак использовался также и во флоте.

Когда английские войска высадились в Ирландии в 1581 году, всадники у англичан были лишь всего двух типов: тяжеловооруженные и легкие. Первые носили кирасы с набедренниками до середины бедра, полную защиту для рук и шлем морион с гребнем и металлическими нащечниками, шнуры от которых завязывались под подбородком. Вооружение этих всадников состояло из меча и тяжелого копыя, которое, в отличие от рыцарского, не имело защитного щитка для руки.

У легковооруженных всадников на голове был тот же морион, торс покрывала кольчуга, а ноги высокие — выше колен — кавалерийские сапоги из толстой кожи, аналогичные тем, что были у всадников тяжелой кавалерии. Вооружены они были легким копьём и мечом. В то же время уже в 1584 году легкая кавалерия из Норвича имела по паре пистолетов в кобурах у седла, а в качестве защиты употребляла жак или бригадину.

Пикинеры, высадившиеся в Ирландии, носили кирасу, полное прикрытие для рук, морион с гребнем, но, судя по рисункам, не имели набедренников, а их вооружение состояло из длинной пики (в Англии ее называли «арабской»), около 6 метров длиной²⁶², тяжелой шпаги и короткого кинжала. Алебардисты, охранявшие ротные флаги, имели только шлемы и кирасы, поскольку действовать алебардой, когда руки убраны в доспехи, не очень удобно. Наконец, все защитное снаряжение аркебузира состояло из шлема морион, и точно так же, как и остальные пехотинцы, он носил, помимо основного оружия, шпагу и кинжал²⁶³.

Трубачи и барабанщики ни в коннице, ни в пехоте доспехов уже не носили, а для самозащиты имели только холодное оружие. Офицеры отличались от рядовых не только богатством своего снаряжения, но и тем, что имели короткие копыя как знак своего высокого статуса. На рисунках того времени они изображены в сопровождении мальчиков-пажей, несущих круглые выпуклые щиты. Такие щиты ввели в оборот испанцы — ими раздвигали пики, когда пытались ворваться внутрь

строю пикинеров. Позднее принц Мориц Оранский вооружил тяжелыми щитами первые шеренги своих пехотинцев, рассчитывая таким образом защитить их от мушкетных пуль²⁶⁴.

К 1600 году англичане почти перестали использовать тяжелое рыцарское копье; с этого времени оно применялось лишь в Испании и на шотландской границе²⁶⁵, а в самой Англии только на турнирах. В то же время традиции прошлого были столь сильны, что даже в 1632 году тяжеловооруженный английский кавалерист мало чем отличался от рыцаря прошлых времен. Правда, он уже не носил латной обуви и набедренников в виде юбки, а вооружение его состояло из копья (в несколько облегченном варианте — если сравнивать с рыцарским, без расширений и рукоятки), тяжелой кавалерийской шпаги и двух пистолетов с кремневыми колесцовыми замками²⁶⁶. Впрочем, даже в усеченном виде такие доспехи весили немало и были очень тяжелы в носке. Сохранились кирасирские латы, весящие около 42 килограммов²⁶⁷, то есть ничуть не меньше классических рыцарских доспехов!

Современники отмечали, что на определенном расстоянии эти доспехи достаточно надежно защищали от пуль, но не все всадники выдерживали их тяжесть, а некоторые даже жестоко калечились, если выпадали из седла. Вот почему в середине XVII века доспехи английских кирасиров были в значительной степени облегчены. Появился новый шлем, получивший название «пот» — «горшок»; иногда к «горшку» добавлялся уже упоминавшийся «хвост лобстера» — черепицеподобные пластины на затылке. Роль забрала выполняло перекрестие из металлических полос. Грудь и спину прикрывала кираса, а левую руку — наруч до локтя вместе с латной перчаткой, причем во время Английской революции в более «дешевой» армии парламента всадники были лишены и этого «излишества»²⁶⁸.

Доспехи уходят в прошлое

Конные аркебузиры, драгуны, brave мушкетеры и королевские гвардейцы Людовика XIII никаких защитных доспехов не имели вообще. Таким образом, существова-

ние латного вооружения в Европе можно считать завершившимся именно к середине XVII века, а к 1700 году оно окончательно приказало долго жить, хотя отдельные элементы доспехов использовались в боевой практике значительно дольше. Здесь следует прежде всего упомянуть знаменитых польских «крылатых гусар», имевших практически такое же защитное вооружение, как и английские кавалеристы XVI века.

В процессе длительной эволюции защитное вооружение приобрело окончательную форму: для пехотинцев-пикинеров стали характерны шлем морион и кираса с набедренниками; в кавалерии употреблялись кираса и шлем, но кираса часто имела только одну переднюю часть. В снаряжение пикинеров входили также толстые кожаные перчатки с крагами, защищающие руки от заноз с древка пики. Впрочем, после 1633 года пикинерские доспехи больше не упоминаются²⁶⁹.

Что касается английских доспехов для знати, изготовленных во второй половине XVI — начале XVII века, то некоторые изменения, связанные с общим развитием защитного вооружения, затронули и их. Так, после 1580 года из Италии была заимствована кираса в форме «стручка гороха», но после 1600 года от нее отказались. Шлем был устроен так, чтобы поворачиваться на горжете; нагрудная и спинная пластины выделялись из отдельных полос на заклепках, чтобы обеспечить владельцу доспехов большую подвижность; при этом его грудь защищалась дополнительной цельнокованой пластиной, закреплявшейся сверху. Набедренники, также из пластин, прикреплялись уже непосредственно к кирасе. Перчатки имели раздельные пальцы, защищавшиеся набором металлических пластин, заходящих одна за другую. Обувь делалась из кольчуги, но с металлическими носками. В годы правления королевы Елизаветы характерной чертой доспехов стал значительный набор всевозможных дополнительных деталей; в частности, в комплект обязательно входил предличник (бафф), нагрудные пластины, а также специальные «гарды» для левой руки и левой части панциря, применявшиеся главным образом на турнирах. Шлем бургиньот надевали опять-таки вместе с баффом, хорошо защищавшим нижнюю часть лица и шею²⁷⁰.

Стоимость подобных доспехов была велика. Например, доспехи, заказанные в 1614 году в Гринвиче для Генриха, принца Уэльского, стоили 340 фунтов стерлингов²⁷¹. Для сравнения: пара пистолетов с кремневыми ударными замками стоила 2 фунта 5 шиллингов, а пара пистолетов с колесцовыми замками — 2 фунта 16 шиллингов²⁷².

Поножи после 1620 года стали массивнее и грубее, поскольку теперь их носили поверх сапог и они были более просторными, чем раньше. Из боевого употребления они практически полностью исчезли, также как саботоны, хотя их продолжали надевать вместе с комплектами полных доспехов. Входили поножи и в доспехи короля Людовика XVI, подаренные ему городом Брешиа в 1668 году²⁷³, однако вряд ли «король-солнце» когда-либо надевал эти доспехи даже на войну. С военной точки зрения дар этот был совершенно бесполезен; кстати, ношение полных рыцарских доспехов было запрещено во Франции указом короля Генриха IV еще в 1604 году, хотя Людовик, разумеется, был волен этому указу не следовать.

Закрытые шлемы использовались до середины XVII века, но те, кто еще все-таки носил доспехи, предпочитали открытый шлем. После 1620 года в моду вошло забрало в виде решетки из прутьев. Существовала и особая итальянская форма шлема для кирасиров — так называемая «мертвая голова»; забрало в этом шлеме имитировало череп. В Англии в период Гражданской войны 1642—1649 годов получил распространение шлем типа «кавалер», имевший вид обычной широкополой шляпы, снабженной скользящим наносником. Особые виды доспехов с конца XVI до XVIII века носили саперы, которым приходилось работать под огнем противника. Другим весьма специфическим видом защитного снаряжения конца эпохи рыцарских доспехов были пуленепробиваемые шлемы для военачальников; их надевали, когда возникала необходимость наблюдать за осадными операциями и приходилось выглядывать из-за укрепления, подставляя голову под выстрелы врага²⁷⁴. Интересно, что западноевропейские шлемы XVII века практически ничем не отличаются от восточных²⁷⁵, а кольчужно-пластинчатые доспехи из музеев России от турецких и иранских²⁷⁶.

То же самое можно сказать о снаряжении и вооружении в обеих частях Евразии элитных кавалерийских подразделений, пришедших на смену рыцарской коннице, что, конечно же, не отменяет наличие определенных национальных особенностей. На Востоке остались неизменными декоративность и яркость военного костюма и сохранились изогнутые сабли; кроме того, там долгое время не могли отказаться от использования лука. На Западе после отказа от пышных рыцарских доспехов возобладал практичный подход, что привело к унификации и упрощению защитного снаряжения и вооружения не только рядовых всадников, но и знати. При этом одинаковая судьба на Западе и Востоке постигла конские доспехи. Несмотря на все попытки сделать их более легкими, после 1600 года они практически вышли из употребления, и впоследствии их видели только на парадах²⁷⁷.

Глава шестнадцатая Рыцари и гербы

Как вы помните, «Байесское полотно», созданное специально, чтобы увековечить победу Вильгельма I, герцога Нормандского, в битве при Гастингсе, изображает воинов с каплевидными щитами, на многих из которых видны извилистые кресты. Через тридцать лет византийская принцесса Анна Комнина (1083–1148 годы) пишет о щитах франкских рыцарей, шедших через Константинополь в Первый крестовый поход, что они были «в высшей степени гладки и мерцали сверкающим выпуклым орнаментом литой латуни». В этом описании нам важен не столько ослепительный блеск рыцарской брони, сколько прямое указание на то, что геральдические знаки на щитах у франкских рыцарей в то время еще отсутствовали.

Кошмар ученого короля

Считается, что гербы на рыцарских щитах впервые появились в XII веке. Благодаря им рыцарей отличали друг от друга, причем аналогичную функцию выполняли и много-

численные рыцарские аксессуары — в частности, нашлемные украшения, вымпелы на конце копья и даже конские попоны.

Рождение английской геральдики совершенно четко ассоциируется со временем правления вполне конкретного короля, Генриха I Боклерка, правившего в Англии с 1100 по 1135 год и прославившегося не только ученостью (*фр.* *beauclerc* — «ученый»), но и распрями в своей семье. Первые изображения рыцарских гербов мы находим на иллюстрации из «Хроники» Джона Уорчестера, датированной концом XII века. На рисунке спящий король Генрих видит кошмар — вооруженные рыцари вот-вот поразят его мечами. На их каплевидных щитах видны узоры, которые вполне могут считаться геральдическими; позднее точно такие же рисунки есть уже на многих гербах.

Самый древний из известных гербов, принадлежавший Жоффруа Плантагенету, будущему графу Анжуйскому, — голубой щит с шестью золотыми львами, — был получен им от своего тестя, все того же короля Генриха I Боклерка, в 1127 году, по случаю женитьбы Жоффруа на дочери короля Матильде, вдове императора Генриха V. Эффигия Уильяма Лонгспи, графа Солсбери — внука Жоффруа и сводного брата королей Ричарда I Львиное Сердце и Джона, — имеет точно такой же щит. Умер Уильям Лонгспи в 1226 году, и, значит, в это время передача гербовых щитов по наследству была уже вполне обыкновенным делом²⁷⁸.

Гербы и правила

Во второй четверти XII века гербы появились в самых различных областях Западной Европы: в Анжу, Нормандии, Пикардии, Иль-де-Франсе, Южной Англии и в долине Рейна. На первых порах они были только у военачальников, но со временем их обрели вассалы военачальников, затем вассалы вассалов и так далее — к началу XIII века гербами оказалось снабжено уже все среднее и мелкое дворянство. Гербы настолько вошли в моду, что их стали присваи-

вать себе незамужние женщины (еще до 1156 года), города (начиная с 1190 года), клирики (примерно с 1200 года), бюргеры (примерно с 1225 года) и даже крестьяне (начиная с 1234 года).

За всем этим стало забываться изначальное назначение гербов, появление которых связано с развитием военного снаряжения, в первую очередь щитов и шлемов. В начале XII века, когда доспехи, скрывающие фигуры и лица, сделали воинов трудноузнаваемыми, возник обычай наносить на щиты отличительные знаки. В первые десятилетия века эти знаки не имели постоянной формы и менялись от случая к случаю в зависимости от фантазии владельца, но затем они приобрели устойчивость и стали ассоциироваться с конкретными людьми. Так зародились первые гербы, и вскоре их создание превратилось в настоящую науку.

У знамен заимствовались цвета и геометрическое деление, у печатей, уже передававшихся по наследству, — набор изображений (животные, растения, предметы), у щитов — форму. Таким образом, гербы стали результатом слияния в единую систему различных ранее существовавших символов. Традиция наследования гербов утверждалась поначалу медленно. Во времена правления Людовика Святого (1226—1270 годы) у многих сыновей изображения на щитах коренным образом отличались от отцовских.

Правила составления герба установились лишь с середины XIII века. Только одно из них соблюдалось с самого момента возникновения гербов — возможно, потому, что было заимствовано из правил составления знамен. Это правило предписывало порядок расположения цветов (эмалей) и запрещало класть «металл на металл и цвет на цвет». Считалось неправильным располагать золото рядом с серебром, красный цвет рядом с лазурью, черный с зеленым и т. д. Желтый и белый цвета обозначали «металлы» — золото и серебро. Широко использовались в геральдике горностаевый и беличий мех. Первый изображался в виде черных хвостиков на серебряном поле, второй — серебряными и лазоревыми языками («шапочками»), которые на гербе могли располагаться остриями и вверх и вниз. В последнем случае мех назывался «опрокинутым».

Средневековые авторы приписывают королю Артуру лазурный щит с тремя золотыми коронами, Ланселоту — серебряный щит с тремя красными полосами, а доблестному Галахаду — серебряный щит с красным крестом, напоминавший знамена первых рыцарей-христиан, отправлявшихся в Святую землю.

Символика герба была вначале примитивной: лев обозначал силу, ягненок — невинность, кабан — храбрость, павлин — возрождение, крест — христианские добродетели обладателя герба. Набор геральдических изображений, на первых порах ограниченный несколькими животными и несколькими геометрическими фигурами, со временем сделался настолько разнообразным, что на гербах можно было встретить уже не только предметы военного снаряжения (щиты, мечи, кольчуги, топоры и шлемы), но и бытовые вещи: мебель, одежду, печати, монеты, верхнее и нижнее платье, различного рода домашнюю утварь и орудия труда.

Очень скоро рыцарский герб перекочевал со щита на одежду рыцаря и выпел на конце его копья. Позже его стали изображать на самых различных, принадлежащих рыцарю предметах, включая конскую попону и даже навершие на рукоятке меча!

Вначале цветной рисунок герба просто «впечатывали» в ткань котты, используя для этого специальные резные формы-печати. Такой способ нанесения краски назывался «батюр», что значит «набивка». Позднее гербовые знаки стали вышивать золотом и серебром с примесью шелковых ниток.

Еще одно правило средневековой геральдики не худо бы знать и современным художникам-рекламщикам: фигура изображаемого животного должна быть всегда обращена справа налево, чтобы «наступать», а не «убегать от врага»!

Геральдические флаги

Геральдические изображения украшали также флаг европейского рыцаря — как и у витязей из поэмы «Шахнаме». Правда, правом иметь такой флаг владел не каждый. В Англии

это были рыцари-баннереты (от английского слова «banner» — «знамя») — военачальники высокого ранга, выводившие на битву войска под собственным знаменем с изображением своего герба. В XII и XIII веках это знамя, как правило, имело ширину, равную одной трети длины, но впоследствии оно стало квадратным. Всем остальным рыцарям, или, как их называли, «рыцарям одного щита», то есть тем, что сражались сами за себя, разрешалось иметь вымпел, имеющий один или несколько длинных треугольных хвостов. В награду за храбрость, проявленную на поле боя, король, принц, герцог или командующий армией мог приказать отрезать эти хвосты от вымпела и таким образом произвести рыцаря в баннереты!

Рыцарский штандарт обычно представлял собой полотнище с суживающимся или закругленным концом. Та часть штандарта, что была возле древка (так называемый «крыж»), как правило, несла на себе национальную эмблему. Например, в Англии это был красный прямой крест св. Георга на белом фоне. Основное поле штандарта было окрашено в геральдические цвета и имело геральдические изображения.

Рыцарским знаменем несколько иного рода была хоругвь — полотнище, закрепленное на горизонтальной поперечине, что делало ее похожей на парус корабля. Наиболее известный флаг такого типа — орифламма («золотое пламя»), боевое знамя французских королей. Эта хоругвь представляла собой полотнище из красного шелка с «хвостами»; по всему краю ее обшивали золотой тесьмой или золотой бахромой²⁷⁹.

Знамена самураев

Если в Европе гербы рыцарей помещались на щитах, то японские воины аналогичные знаки — моны — носили на одежде и доспехах. В отличие от европейских гербов моны были очень просты, легко читались на расстоянии и без труда запоминались.

Черный круг на белом либо красном фоне — типичный рисунок мон. На монах можно было также увидеть черный круг на белом поле, серп для уборки риса, цветок павлонии,

а иногда какой-нибудь иероглиф — например, входящий в имя владельца флага.

Флаги, на которых помещались монеты, имели каждый свое назначение. Ума-дзируси (буквально переводится как «лошадиный знак»), имевший вид типичного вертикального штандарта, был личным флагом японского самурая. Японские полководцы обычно использовали ума-дзируси для того, чтобы собирать вокруг себя воинов на поле сражения. Хата-дзируси, известный с XII века, представлял собой длинный узкий вымпел. Во время сражения хата-дзируси несли пешие и конные воины, сопровождавшие элитные отряды конных лучников-самураев.

Изображали монеты также на маку — матерчатых ширмах, которыми окружали место, где полководец со своим штабом находился во время сражения²⁸⁰, — и на кусках ткани, крепившихся на шлеме (каса-дзируси), и на обоих наплечниках (содэ-дзируси); эти куски ткани служили опознавательными знаками, чтобы в сутолоке боя определять своих и чужих.

Нобори и сасимоно

Поскольку со временем, наряду с самураями, в японскую армию стало входить еще и множество крестьян, проблема идентификации войск на поле сражения встала особенно остро. Неудивительно поэтому, что в 1572 году в армии Уэсуги Кэнсина, состоявшей из 6871 человека (из 6200 были пехотинцами), было 402 знаменосца. Своим числом они превосходили даже мушкетеров! Появились и новые виды флагов — например, нобори, имевший узкое полотнище, пришнурованное к древку в форме буквы «Г», благодаря чему оно не скручивалось на ветру и было хорошо заметно издалека в любую погоду²⁸¹.

Нобори были знаменами отдельных подразделений. Некоторые нобори были столь велики, что закреплялись на спине у знаменосца, и два, а то даже и четыре идущие рядом с ним воина (обычно это были асигару — воины из крестьян) удерживали флаг за специальные растяжки! Для персональ-

ной идентификации применялся флажок меньшего размера, называвшийся «сасимоно», который крепился на спине самурая в деревянном «пенале», а пенал, в свою очередь, прикручивался двумя шнурами к кольцам на нагрудной пластине кирасы. Как правило, на сасимоно изображался герб того даймё (князя) которому служил самурай, а принадлежность самурая к подразделению определялась цветом²⁸².

В роли сасимоно мог выступать не только флаг, но, например, объемная фигура порой самого фантастического вида! Некоторые имели за спиной три и более древков и крепили на них весьма неожиданные предметы или их изображения — в качестве эмблем использовались плюмажи из перьев павлина, веера, покрашенные в разные цвета сшитые из меха шары, деревянные позолоченные тыквы, тканевые ширмы, золотые таблички и даже мешки из-под риса. Большой популярностью пользовались воздушные змеи самых разных видов, сделанные из бумаги и картона, — известны такого рода эмблемы в виде репы и толкушки для риса (причем огромного размера!)²⁸³.

Носить все эти знаки было непросто, но особенно трудно приходилось тем, кто таскал фукинуки — символ Праздника мальчиков, весьма популярного в Японии по сей день. Этот самый фукинуки представляет собой объемную фигуру гигантского карпа, с каждым порывом ветра норовящую взмыть в небеса вместе со своим носителем...

Можно, конечно, говорить, что фантазия самураев не знала границ. Но если вдуматься, то они недалеко ушли от европейских феодалов, чьи гербы украшались похожими предметами. На одном из гербов в память об участии в крестовом походе есть изображение бурдюка с водой — правда, в отличие от сасимоно, не в натуральную величину.

Золотой веер и «тысяча тыкв»

С появлением огромного количества всевозможных опознавательных знаков понадобилось как-то выделяться и самим даймё. Для этого был придуманы особые штандар-

ты — о-ума-дзируси («большой штандарт») и ко-ума-дзируси («малый штандарт»)²⁸⁴. Иногда они представляли собой флаги типа нобори, но чаще это были некие символические объемные знаки, порой весьма прихотливые.

Так, «большой штандарт» полководца даймё Такэда Сингэна имел вид типичного нобори синего цвета с начертанным на нем изречением китайского полководца Сунь Цзы: «Быстрый, как ветер, смертельный, как огонь, молчаливый, как лес, твердый, как скала»; позже эти слова стали собственным девизом Сингэна. Первый объединитель страны полководец Ода Нобунага в качестве штандарта имел большой красный зонт. Токугава Иэясу узнавали по большому золотому вееру, а его противника Тоётоми Хидэеси по штандарту «тысяча тыкв», представлявшему собой огромную связку позолоченных тыкв, каждая из которых символизировала одну его победу на поле брани, хотя, заметим справедливости ради, что побед у Тоётоми Хидээси было, вероятно, меньше тысячи! Известны случаи, когда даймё приказывали поднимать над полем сражения на острие копья в качестве о-ума-дзируси свои шлемы, а так как они очень часто были нелепо и вычурно украшены, то их трудно было не заметить; это был беспроегрешный ход — ведь то, как выглядел шлем господина, знала вся армия.

Разумеется, на знаменах самураев превалировала буддистская символика. Тот же Токугава Иэясу, например, с гордостью носил хата-дзируси с девизом «Отрекись от этого грязного мира и обретешь Чистую Землю», который принадлежал буддийской секте Дзёдо. Но были в Японии и штандарты с христианской символикой, и некоторые из них — в частности, флаг защитников замка Хаара — сохранились до наших дней!

Хоро

Еще одним знаком различия самураев была хоро — атрибут военного снаряжения всадников, представлявшая собой накидку из ткани, натянутую на каркас из бамбуковых

пругьев и носимую за спиной. Во время скачки хоро надувались ветром и были хорошо заметны издали. Обычно хоро носили гонцы даймё, чтобы их сразу можно было отличить от других воинов. Случалось и так, что хоро и сасимоно они носили одновременно, и не заметить такого вестника было просто нельзя!²⁸⁵ Впрочем, иным гонцам хватало и одного сасимоно, правда увеличенного размера. Так, гонцы Иэясу Токугава имели сасимоно с иероглифом го, соответствующим числу 5, которое символизировало буддистское божество Фудо и считалось мистическим. А вот личные телохранители этого полководца вместо хоро носили позолоченный веер на древке, перечеркнутый в верхней части двумя черными полосками наискось.

Флаги самураями почитались, но связанные с ними обычаи часто не имели ничего общего с европейскими. Например, при штурме какого-нибудь замка простые знаменосцы из крестьян вполне могли удостоиться самурайского почета, если им удавалось перебросить свой флаг через крепостную стену на сторону врага!

Со временем гербы-моны в Японии появились сначала у актеров театра кабуки, затем у торговцев и ремесленников, а позже даже у крестьян. А практика украшения монами одежды, посуды, мебели — словом, всего того, что имелось в доме, превзошла все разумные границы и в итоге сделалась предметом насмешек.

Глава семнадцатая Рыцари-самураи

Здесь вряд ли имеет смысл останавливаться на духовно-этических воззрениях самураев как военного сословия. Важно лишь отметить, что на выработку этих воззрений весьма повлияло ощущение постоянной опасности, связанное со специфическими условиями, в которых формировалось японское общество. Заметим и то, что эволюция вооружения японского воина также происходила в особых условиях, которые значительно отличались от европейских. Восемьдесят процентов территории Японии — это горы, в основном покрытые лесами; поэтому главным оружием самурая издревле были мощный асимметричный лук и легкий меч-сабля, а копьё применялось в самую последнюю очередь. Оно вошло в самурайский арсенал как полноценное средство боя только в XIV веке, когда самураи все чаще стали воевать в пешем порядке, а основные баталии происходили не в поле, а вокруг замков.

Все это, однако, не помешало европейским исследователям сойтись во мнении, что японские самураи в главном мало чем отличаются от европейских рыцарей. На это, кстати, указывает даже само слово «самурай», происходя-

щее от «сабурау», что значит — «нести службу» или «быть при господине»; по смыслу оно аналогично староанглийскому «knight» — слуга²⁸⁶.

Луки и доспехи

Как и поначалу рыцари в Англии, самураи представляли собой вооруженных слуг на конях, получавших от своего сюзерена содержание, а иногда и землю. Последнее обстоятельство, наряду с политической раздробленностью Японии и феодальными междоусобицами X—XII веков, и создало все предпосылки для оформления самураев в аналог европейского рыцарского сословия, а далее — в мелкопоместное служилое дворянство. После 1192 года в стране установился режим, характеризовавшийся безраздельным господством самураев в социальной и военно-политической жизни страны, — словом, произошло все то же самое, что было характерно для средневековой Европы.

Самые ранние японские доспехи были сделаны из уже известной нам ламеллярной брони, причем около 800 пластин соединялись между собой кожаными ремешками. Подобное снаряжение изобрели, скорее всего, монголы или другие степные кочевники, сражающиеся верхом. Правда, не известно, каким образом ламеллярные доспехи попали в Японию: то ли их принесли с собой переселенцы с материковой части Азии, то ли коренные жители Японии позаимствовали снаряжение у жителей континента.

К VIII веку пластины японских доспехов стали более мелкими и узкими — чтобы прикрыть торс и бедра воина, теперь уже требовалось около 1500 пластин. Изготовление подобных доспехов было слишком утомительно и трудоемко, и поэтому нет ничего странного в том, что им на смену пришло снаряжение нового образца, позаимствованное у китайских воинов эпохи правления династии Тан. На новых доспехах пластины не соединялись друг с другом, а прикреплялись к ткани — этим не только экономилось время, но и обеспечивалась защита от холода.

Именно эти доспехи и преобразовались со временем в о-ёрои²⁸⁷ — традиционные доспехи японских самураев. Левый бок кирасы у них был глухим, полностью закрытым, а шнуровка шла только по правому боку. Это явно уязвимое место прикрывали дополнительной пластиной ваидатэ. Первые самураи стреляли из лука, сидя в седле, а для этого требовалась свобода движений правой руки и относительно открытая правая подмышка.

Сикоро, назатыльник шлема в этом доспехе, был похож на назатыльник римского имперского шлема и оберегал шею воина от ударов сзади, а фукигаэси — отвороты спереди по бокам — щеки от ударов мечом сбоку. Наплечники, называемые «содэ», представляли собой широкие пластины, закрывающие руку почти до локтя; они заменяли щит, который самураю с большим луком только мешал. Общий вес таких доспехов достигал 27–28 килограммов; нагрузку на плечи несколько снижало седло, на которое нижним краем опиралась кираса. Однако когда самурай спешивался, полные доспехи оказывались слишком тяжелыми для продолжительного боя.

Пластины для доспехов, называвшиеся «санэ», делали из дубленой кожи или металла и покрывали лаком, чтобы уберечь летом от высокой влажности; в сыром климате металлические пластины быстро ржавели и обретали ломкость. Пластины всегда соединяли внахлест, чтобы доспехи получались многослойными и обеспечивали лучшую защиту. Если пластины перекрывали друг друга в три слоя, то такие доспехи называли «татэнаси» — «щит не нужен».

В древнейших доспехах ёрои бронированный рукав котэ был только на левой руке, чтобы правая могла свободно натягивать тетиву. Этот рукав привязывался под мышкой и выглядел как обычный матерчатый мешок, с внешней стороны усиленный железными пластинами. Под броню самураи надевали ёрои хитатарэ — украшенный вышивкой и помпонами халат. Большие мешковатые штаны заправлялись в поножи, а широкие рукава затягивались шнурками у запястий. Левый рукав халата не заправлялся в котэ, а выпускался наружу и затыкался за пояс. Поножи представляли собой три согнутые железные пластины, которые при-

вязывались к ноге. Но на ногах самурай носил ботинки, сшитые из медвежьей шкуры, а на руки одевал кожаные перчатки, приспособленные для стрельбы из лука²⁸⁸.

В целом ранние доспехи самураев были довольно длинными; существовала даже идиома «носить длинные доспехи», и все сразу понимали, что речь идет о самурае. Однако постепенное изменение тактики боя потребовало модернизации самурайского снаряжения. Так, появились упрощенные доспехи пехотинцев²⁸⁹ до-мару («вокруг тела»), в которых нагрудник и наспинник связывались между собой на боках. При этом обе части доспехов собирались из отдельных металлических пластинок, которые связывались шнурами²⁹⁰.

Схватка между самураями обычно начиналась дуэлью на луках. Но если стрелы кончались, а противники все еще держались в седлах, в дело шли мечи, которые самураи держали в одной руке. Во время такого фехтования воины, защищенные доспехами, редко получали смертельные раны от прямого удара; куда больший риск был покалечиться при падении с лошади. Рано или поздно один противник сбивал другого на землю, и дальше все происходило по обстоятельствам; если спешиться приходилось обоим воинам, в дело шли короткие мечи вакидзаси. Впрочем, до гибели одного из сражающихся доходило нечасто, потому что на помощь самураям, как правило, приходила их свита, и поединок перерастал в беспорядочную рукопашную с участием иногда нескольких десятков человек.

В таких ситуациях стоящая коробом кираса оказывалась смертельно опасной обузой: доспехи внушительным грузом ложились на плечи, а нижний край кирасы бил о бедра. Чтобы устранить эти недостатки, мастера стали делать нижнюю часть нагрудника более узкой, прилегающей к телу. В XIV веке пластины санэ уменьшились в размерах, кираса стала тоньше, а о-ёрои в целом укоротились на десять сантиметров, что позволило самураю свободнее двигаться. При этом чтобы компенсировать уменьшение площади о-ёрои, появились такие детали защиты, как пластины хайдатэ, чем-то напоминающие бронированный передник; они завязывались под кусадзури — «юбкой» кирасы.

Самурайский шлем, как правило, состоял из пятнадцати треугольных пластин, скрепленных заклепками, но со временем пластины сузились, и их стало не менее тридцати двух. Пластины соединялись внахлест, обеспечивая более надежную и многослойную защиту, заклепки постепенно уменьшались и смешались от краев пластин к центру. Отверстие в центре тульи с веками сокращалось в диаметре до тех пор, пока совсем не исчезло; его заменил металлический диск, на котором имелось какое-нибудь украшение. Назатыльник сикоро, который в период Хэйан (794—1185 годы) свисал почти вертикально с края тульи шлема, постепенно приобрел форму раскрытого зонта и перестал сковывать движения головы. Командиры к своим шлемам часто прикрепляли позолоченные рога, называемые «кувагата». В позднейшие времена эти и подобные им элементы стали украшать шлемы даже рядовых самураев. Нашечники впервые появились в период Хэйан в виде маски хаппури, прикрывающей лоб и щеки; ее разновидность, обеспечивающая защиту нижней челюсти и щек, называлась «хампо» или «хамбо»²⁹¹.

В конце XIV века стало очевидно, что громоздкие доспехи о-ёрои свое отживают, хотя их производили и носили до самого конца XVI века. Самураи высокого ранга перед сражениями начали облачаться в до-мару с наплечниками содэ, как у о-ёрои, и наручами котэ. В это время в обиход вошли латное ожерелье нодова (нодава) и маска мэнпо (мэмпо), закрывающая нижнюю часть лица. Шлемы с рельефными заклепками, среди которых могло застрять вражеское оружие, постепенно были вытеснены судзи-кабуто — шлемом, также состоящим из радиальных сегментов, но с утопленными головками заклепок, которые покрывал лак. Назатыльник шлема, закрывавший шею, стали все чаще выгибать наружу, что позволяло более свободно манипулировать оружием. С некоторых пор у доспехов появилась второй бронированный рукав, а на смену отделанным мехом сапогам для верховой езды пришли легкие сандалии. Все эти изменения происходили постепенно, между 1350 и 1500 годом, то есть усовершенствования вносились в доспехи, которым вскоре предстояло исчезнуть с исторической сцены²⁹².

Доспехи харамаки-до («обмотка вокруг живота») имели почти такую же конструкцию, как и до-мару, но завязывались не на правом боку, а на спине. Эти доспехи были проще и дешевле; самые древние не обеспечивали защиту спины, но вскоре ее начали прикрывать пластинчатой панелью такой же ширины, как и кусадзури. Харамаки так и не получили широкого распространения, но их производство продолжалось вплоть до середины XIX века.

Самураи невысокого звания носили хара-атэ («защита живота»), которые напоминали и, вне сомнения, создавались по образцу передней части харамаки-до. Из всех доспехов, имевших хождение в Японии, они были самыми простыми и дешевыми. Даже в XIX веке самураи предпочитали носить под придворными одеждами — на всякий случай — именно хара-атэ, избегая тем самым значительных неудобств, связанных с ношением полного оборонительного комплекта²⁹³.

Интересно, что в Японии точно так же, как и в Европе, существовали воины-монахи, но особых духовно-рыцарских орденов они не создавали и объединялись только вокруг какого-нибудь монастыря. Одевание японских воинов-монахов, как и европейских, было монашеским, и носили они его поверх защитных доспехов. Обычно это были доспехи до-мару без шлема, но с металлическими пластинами, нашитавшимися спереди прямо на капюшон. Интересно, что оружием монаха, кроме всего прочего, были еще и крупные четки, носившиеся подобно патронташу через плечо, и он всегда был готов «велеть своим бусинкам» обрушить проклятие на голову того, кто попытается его обидеть²⁹⁴.

Историки считают, что в Японии не было «века кольчуги», похожего на тот, что имел в свое время место в Европе. Кольчуга кусари впервые появилась здесь лишь только в XIV веке, причем вначале кольчужное плетение использовалось только для того, чтобы соединять пластины на рукавах котэ, поскольку кольца обеспечивали, разумеется, большую прочность, нежели кожаные или шелковые шнуры. При этом независимо от того, в какой части доспехов кольчужное плетение использовалось, его всегда нашивали на ткань, что стало, пожалуй, наиболее характерным отли-

чием японской кольчуги от кольчужных доспехов не только Европы, но и других стран Азии²⁹⁵. Любопытный факт: в эпоху Эдо чисто кольчужные доспехи носили самураи-пожарные, однако «униформа» в данном случае скорее подчеркивала род их занятий, нежели служила целям реальной защиты от кого бы то ни было.

Почему-то считается, что японские доспехи были намного лучше европейских, однако это совсем не так. Из-за обилия шнуров они легко намокали и зимой покрывались льдом, а летом от намокших доспехов на солнце шел пар; множество отверстий на пластинах ослабляли их защитные свойства, и, кроме того, среди шнурков заводились насекомые, немало досаждавшие воинам²⁹⁶.

К тому же плотная шнуровка (кэбики одоси) задерживала острие копья вместо того, чтобы дать ему соскользнуть, не причинив вреда хозяину доспехов. Поэтому плотную шнуровку заменили шнуровкой со сдвоенными шнурами (сугакэ одоси). Дополнительным преимуществом была технология, по которой ее изготавливали, — на работу уходило значительно меньше времени. Впрочем, это новшество вскоре потеряло свое значение, потому что в XVI веке самураи уже начали облачаться в так называемые «современные доспехи» из крупных пластин, причем появились они еще до того, как японцы познакомились с огнестрельным оружием²⁹⁷.

Доспехи и мушкеты

Если на Западе и в странах Ближнего Востока огнестрельное оружие создавалось и совершенствовалось на протяжении многих столетий, то Япония и тут оказалась страной, где «все было не как у всех». Сюда огнестрельное оружие попало по воле урагана, забросившего в 1543 году корабль с португальскими моряками на берег маленького японского острова Танэгасима у берегов Кюсю, третьего по величине острова Японского архипелага.

Скорее всего, японцы уже были знакомы с примитивными образцами огнестрельного оружия через китайцев. Следует вспомнить и о том, что еще в 1274 году монголы стреляли в них неким подобием разрывных бомб из примитивных катапульт. Однако оружие португальцев, было, несомненно, первым настоящим огнестрельным оружием, которое попало в Японию. Оно принадлежало по типу к аркебузам или фитильным ружьям — достаточно легким, чтобы стрелять из них без сошки, которая применялась для более тяжелых мушкетов. Потенциальные возможности нового оружия были оценены японцами немедленно.

После месячного курса обучения стрельбе правитель Танэгасимы приобрел два ружья за огромную сумму и отдал их своему кузнецу-оружейнику, приказав сделать точную копию. В результате его мастерская не только стала выпускать продукцию, ничем не уступающую европейской, но и принимать на обучение других японских оружейников, которые толпами устремились на Кюсю, желая научиться искусству изготовления ружей; таким образом технология производства огнестрельного оружия распространилась по значительной части территории Японии.

Японцы не только подражали европейцам, но и сделали ряд нововведений. Они придумали изготавливать лакированные футляры, чтобы ружья, когда ими не пользовались, оставались сухими. Японская аркебуза приводилась в действие посредством тлеющего фитиля, который поджигал порох. Фитиль — пропитанный селитрой шнур, закреплялся на серпентине, S-образном рычаге. Когда стрелок нажимал на спусковой рычаг, тлеющий фитиль опускался к запальному отверстию, закрывавшемуся в иное время во избежание несчастных случаев медной крышкой.

Конечно, новое оружие имело множество недостатков. Процесс перезарядки требовал времени, да и стреляло оно не так точно, как лук. Тем не менее Такэда Сингэн в 1555 году приобрел 300 мушкетов, а в 1571 году объявил своим командирам в приказе, что «ружья отныне становятся самым важным оружием»²⁹⁸. Таким образом, с момента появления в стране огнестрельного оружия до его повсеместного при-

знания, прошло всего лишь 28 лет — случай в истории беспрецедентный!

Появление в Японии аркебуз вызвало потребность в более прочных доспехах, причем осознание этого также произошло очень быстро.

Первые «пуленепробиваемые» ламеллярные доспехи окэгава-до («панцирь с закругленными боками») были сделаны, как считается, по образцу португальской кирасы. В любом случае в них заметно иностранное влияние²⁹⁹.

Вообще надо сказать, что европейские доспехи несколько позже, в конце XVI — начале XVII века, высоко ценились самураями и были предметом активной торговли. Если же какие-то доспехи японцам не удавалось заполучить в оригинале, они заказывали местным оружейникам их точные копии. В результате производство доспехов в Японии выросло многократно; впрочем, большинство из них представляли собой модернизированные варианты окэгава-до³⁰⁰.

Одной из таких разновидностей стала гладко отлакированная и отделанная тканью кираса хотокэ-до. Она пользовалась популярностью благодаря, главным образом, гладкой поверхности, которая легко декорировалась — например, расписывалась красками; некоторые владельцы кирас предпочитали телесный цвет.

Один из вариантов хотокэ-до формой походил на обнаженное туловище монаха-аскета с обвисшими мышцами груди и выпирающими ребрами. Существовало несколько разновидностей подобных доспехов, и каждый имел свое собственное название.

Отдельной формой окэгава-до с вертикальным, а не горизонтальным, как обычно, расположением пластин была юкиносита или сэндай-до. Эти доспехи отличались простотой и надежностью. Их предпочитал всем остальным известный полководец Датэ Масамунэ, который экипировал ими все свое войско. Что удивительно, доспехи воинов разных рангов мало отличались один от другого: единственное указание на место владельца доспехов в воинской иерархии заключалось в способе шнуровки.

Наплечники содэ очень редко входили в комплект современных доспехов, и уж тем более без них обходились сэн-

дай-до. Теперь на поле боя главенствующую роль играли подразделения пехотинцев, а содэ представляли огромное неудобство для пешего самурая, так как мешали действовать мечом. Они становились все меньше и меньше и к 1570-м годам почти совсем исчезли³⁰¹. Их заменили небольшими полукруглыми пластинами или панцирными подушечками, закрывавшими плечи. Можно сказать и так, что содэ какое-то время еще сохранялись, но только в виде совсем уж маленьких «крылышек».

Многопластинчатый шлем кабуто продолжал оставаться стандартным элементом оборонительных доспехов, вот только количество составлявших его пластин теперь сильно варьировалось — от 6 до 120 и более. Шлемы с большим количеством пластин, разумеется, встречались редко, и носили их только самые богатые даймё, которые могли позволить себе такую роскошь. Наиболее распространены были кабуто из 16—36 пластин. Самые массовые шлемы, которыми оснащались целые армии, производились из 8 пластин.

Еще более простым был шлем из трех пластин — дзунари («по форме головы») появившийся около 1550 года. Дешевый и легкий в изготовлении, он отличался изрядной прочностью. Это качество дзунари привлекло внимание состоятельных самураев, которые, несмотря на столь нелюбимую ими простоту, использовали его в сражениях. «Недостатки» шлема были закамуфлированы при помощи лака, дерева и папье-маше — дзунари украшали муляжами придворных головных уборов, изображениями зверей и прочими диковинными навершиями, которые полностью скрывали его металлические части. Хорошо известный пример — сохранившийся кабуто даймё Като Киёмасы с навершием в виде высокого придворного головного убора³⁰².

В то же время японские оружейники сумели проявить довольно редкий для Средневековья рационализм и создали очень удобные в транспортировке шлемы татами-кабуто, напоминающие современные складывающиеся стаканчики для воды. Соединенные шнуровкой части тульи этих шлемов при необходимости легко складывались, поэтому сам шлем много места не занимал. Эта технология, как отмечает английский историк Йен Боттомли, главный куратор гале-

реи восточного оружия и доспехов Королевского арсенала в Лидсе, применялась и при изготовлении шлемов, форма которых была позаимствована у европейцев³⁰³.

Другими массовыми доспехами периода распространения в Японии огнестрельного оружия стали карукаманэ-гусоку — доспехи из пластин в форме карт, соединенных кольцами из проволоки и пришитых на тканевую основу³⁰⁴. При этом хайдатэ полностью приняли форму бронированного фартука, разделенного посередине. Вместе с содэ они продолжали входить в стандартный комплект оборонительных доспехов, несмотря на то что уже почти не использовались в боевых условиях, так как стесняли движения воинов, сражавшихся в пешем строю³⁰⁵.

Повсеместное упрощение доспехов, связанное с распространением огнестрельного оружия, было для Японии столь же характерным, как и для Европы, но японцы изготавливали и носили защитные доспехи значительно дольше, чем европейцы. Причем некоторые виды доспехов у них появились тогда, когда их боевое применение уже не имело смысла. Так случилось, например, с доспехами для лошадей (ума-ёрои); в Японии они появились лишь в XVIII веке и использовались только в качестве парадных³⁰⁶.

Японцы довольно рано стали коллекционировать доспехи, и со временем это увлечение стало выгодным способом капитализации средств — наподобие сегодняшнего коллекционирования дорогих автомобилей. Хорошо зарабатывали и мастера-оружейники. Так, например, мастер-оружейник Миочин Мункане в 1865 году только лишь за одну реставрацию шлема, изготовленного в 1534 году, взял 19 золотых руо³⁰⁷ — сумму очень большую. Он же несколько ранее, в 1859 году, за полные доспехи собственного изготовления «в современном стиле» для семьи Ямамотэ взял 30 руо. И это был еще не предел: иные доспехи стоили значительно дороже, достигая стоимости 120 руо.

Особенно ценились доспехи с панцирем по образцу европейских кирас. Тем же, кто хотел иметь ламеллярный панцирь, изготовленный в традициях древних оружейников, нужно было заплатить еще больше, поскольку соединение всех пластинок в одно целое требовало большого

мастерства и значительных усилий. Например, доспехи до-мару в 1856 году стоили 215 руо; в 1863 году за копию доспехов ерои, более старых по своей конструкции, а значит, в глазах японцев и более дорогих, было заплачено 300 руо³⁰⁸ — в современном исчислении это стоимость килограмма золота!

Что же касается оружия, то в Японии, как и в Европе, символом рыцарского достоинства служил меч, однако самурайский клинок по сравнению с европейским был немного изогнут и куда более легким, то есть походил на европейскую саблю. На изготовление таких мечей шла первоклассная сталь, которую еще больше упрочняли многократной проковкой; иные клинки проковывали до десяти тысяч раз. Столь тщательно сделанный клинок не ломался, не гнулся и был острым как бритва. Таким мечом мастера японского фехтования — кэн-дзюцу могли рассечь своего противника наискось одним ударом.

Древнейшие японские мечи кэн, происходящие из Китая, были прямыми и обоюдоострыми. Изогнутые лезвия появились в X веке. Держали такой меч двумя руками. С переходом на двуручный захват и отказом от доспехов о-ёрои в пользу до-мару началась эпоха популярности нодати («большой меч»), представлявшего собой зловещего вида длинный меч со 120-сантиметровым клинком.

Впервые нашедший применение в бою в середине XIV века, этот меч постепенно своей длиной превзошел рост самого самурая. Прямой удар нодати грозил противнику неминуемой смертью; этот меч был очень эффективен в бою пехоты против всадников — им можно было легко перерубить ноги лошади. Но имелись у нодати и очевидные недостатки: такой длинный клинок самурай не мог вынуть из ножен самостоятельно, и его носил оруженосец, и он же придерживал ножны, когда самураю требовалось вытянуть из них меч³⁰⁹.

Как правило, самурай носил два меча разной величины. Комплект таких мечей назывался «дайсе» («длинный и короткий»); было два основных типа длинных мечей — тати и катана и два коротких — танто и вакидзаси. Богатые самураи могли иметь много таких комплектов, но основных было два: для ношения с доспехами и с повседневной оде-

ждой. Носили самурайские мечи по-разному: либо подвешивали к поясу (у всадников лезвием вниз), либо засовывали за матерчатый пояс оби лезвием вверх³¹⁰.

Как и европейские рыцари, японские самураи имели впечатляющий набор палиц, боевых топоров и своих специфических видов древкового оружия, которые в Европе не встречались. Правда, и топоры, и палицы никогда не были главным оружием самураев, уступая первенство вначале луку, а затем мечу. К стати, луки продержались в японских войсках очень долго, и был период, когда существовали смешанные отряды, состоявшие из аркебузирова, копейшикова и лучников, поддерживающих своими стрелами аркебузирова, пока те перезаряжали оружие. Так было, скажем, в 1600 году во время битвы при Сэкигахаре. Впрочем, английские пикинеры в 1625 году также должны были, помимо длинных пик, иметь луки. Причем стрелять из них требовалось, удерживая в левой руке одновременно и пик, и лук³¹¹.

Во время военной экспедиции в Корею в 1592–1598 годах войска японского военачальника Симадзу Ёсихиро включали одинаковое число лучников и аркебузирова — по 1500 человек, и лишь 600 человек имели доспехи и носили за плечами сасимоно, то есть были тяжелой пехотой. Конница, согласно приказу Ёсихиро, состояла из особо отобранных воинов. Всем всадникам, как и пехотинцам, предписывалось иметь шлем и доспехи; в приказе также специально оговаривалось, что копьа должны быть как длинные (нагаэ-яри), так и короткие (тэ-ярки), — видимо, последними было удобнее драться в рукопашной схватке³¹².

Оригинальным оружием японских пехотинцев была алебарда нагината, прообразом которой стал японский меч, насаженный на длинную деревянную рукоять. Самураи низшего ранга предпочитали использовать нагинату в ближнем бою: длина этого оружия позволяла держать врага на расстоянии, а длинное древко-рычаг давало возможность наносить мощные удары. Широкое лезвие имело изгиб к острию. У древнейших нагинат длина клинка была около 60 сантиметров, но впоследствии он значительно увеличился. Известен и исключительный образец, имевший трехметровое древко с клинком почти в два метра, но, как правило, длина

древка нагинаты равнялась расстоянию от ступни до уха владельца. В период Эдо (1603—1868 годы) нагината считалась женским оружием, и ею учились владеть дочери самураев³¹³.

Лезвие похожего на нагинату оружия нагамаки было более длинным и узким; его также сделали по образу и подобию длинного меча и, как у меча, рукоять покрывали кожей акулы, обвитой плетеным шнуром, чтобы в бою не скользила рука.

Длинное копье яри, предназначенное пробивать доспехи противника, появилось в середине XIV века. Самурай наносил колющий удар правой рукой, а левой рукой просто поддерживал древко. Поэтому древко яри покрывали лаком — чтобы было легче вращать его в ладонях. Позднее такими копьями вооружали отряды пеших воинов асигару, построения которых напоминали ошетинившуюся македонскую фалангу.

С конца XVI века копья и пики стали основным боевым оружием и самураев, и асигару. Длина их древков была от двух до семи метров, и на них еще насаживали наконечники различной формы длиной от десяти сантиметров до трех четвертей метра. В итоге получалось нечто весьма внушительное, хотя конным самураям было удобнее управляться с короткими копьями.

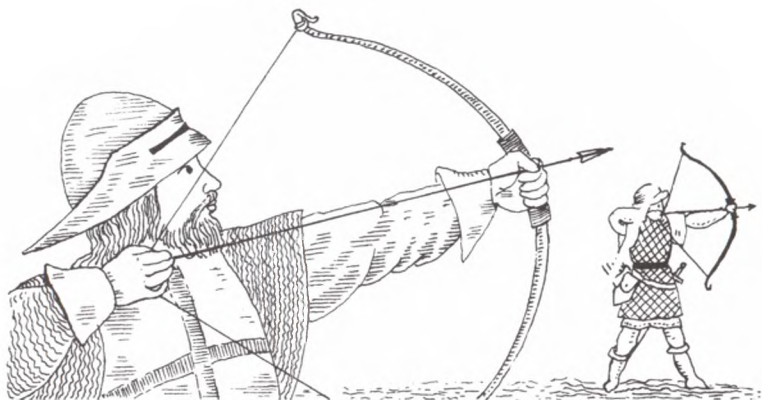
Интересно, что японские самураи, отдав поначалу должное огнестрельному оружию, в дальнейшем стали относиться к нему крайне негативно, поскольку оно было относительно доступно для простолюдинов. Применение огнестрельного оружия лишало значения рыцарское искусство — даже самый доблестный самурай мог пасть жертвой случайной пули.

Но повернуть историю вспять еще никому не удавалось; не смогли сделать этого и самураи, и в Японии, как и на Западе, возобладало огнестрельное оружие. 14 октября 1866 года последний из сёгунов отказался от своего поста в пользу молодого императора Муцухито; одновременно это означало конец почти семивековой истории рыцарей-самураев. На следующий год сёгун попытался вернуть себе власть, однако первое же столкновение его сторонников с императорскими войсками показало, что их дело безнадежно про-

играно. Как и столетия назад, они устремились в бой с луками, копьями и мечами, а их встретили огнем современных европейских ружей.

В 1876 году самураи лишились своего главного атрибута — им запретили ношение мечей. Институт самураев исчез, а сами самураи составили основу офицерского корпуса регулярной японской армии. При этом некоторые офицеры носили элементы самурайских доспехов даже в годы Русско-японской войны 1904—1905 годов.

Заключение Рыцари лукофобы и рыцари лукофилы

Итак, наше повествование подошло к концу. Те, кто внимательно читал его, конечно, заметили, что рыцарские доспехи везде развивались под воздействием оружия дальнего боя — главным образом лука и стрел. Во все времена, начиная с глубокой древности, совершенствование средств нападения вызывало совершенствование средств защиты, и наоборот.

Однако нельзя не обратить внимание на одно обстоятельство: при всей эффективности лука западноевропейские рыцари им совсем не пользовались, хотя и признавали его силу. В европейских армиях лучниками были исключительно простолюдины, никогда не стрелявшие непосредственно с коня, тогда как на Востоке все обстояло с точностью до наоборот! Почему? Почему на Западе рыцари были лукофобы, а на Востоке — лукофилы?

В Средние века самым действенным оружием был лук, и прежде всего так называемый композитный лук (то есть составленный из разных материалов), из которого стреляли сидя на лошади. Величайшими конными лучниками Сред-

них веков были гунны, монголы и турки. Их имена воскрешают в памяти страшные образы мчащихся всадников, имитирующих отступление только для того, чтобы обернуться в седлах и выпустить смертельный град стрел. Но, несмотря на повторяющиеся поражения от восточных орд — прежде всего из-за отсутствия большого числа хорошо обученных конных лучников, — этот род войск так и не занял в европейских армиях подобающее место. Что же касается рыцарей, то они вообще не использовали лук и стрелы.

В течение всего Средневековья в кругах, близких к европейскому рыцарству, существовало мнение, что убивать противника из лука не делает чести хорошему воину. Истинная рыцарская доблесть проявлялась исключительно в смертельной схватке один на один, когда противники бились одинаковым оружием — копьями, мечами или булавами. Луки и стрелы были оставлены людям, стоящим внизу социальной иерархии, — тем, кто, как считалось по определению, не мог сражаться так же храбро, как их господа. В лучники в основном набирали крестьян, которые не могли купить себе лошадь; поэтому в массе своей европейские лучники были пешими.

Когда Запад встречался с Востоком, на полях Западной Европы или на Святой земле, западные рыцари всегда бились на равных с восточными конными лучниками, но лишь до тех пор, пока те не применяли лук. Принцип честного боя — боя один на один — не предполагал умения владеть луком. Более того, в глазах европейских рыцарей поражение порой выглядело лучше, чем победа, достигнутая с помощью неблагородного оружия. Корни таких представлений уходят в глубокую древность — так, они были характерны для древних германцев.

Согласно литературным источникам и археологическим данным, конных стрелков у германцев было немного. Конная свита германских вождей была вооружена только мечами и копьями. Некоторые варвары, в частности готы, несмотря на близкий контакт с гуннами и сарматами, даже не подумали перенять у них лук, хотя, несомненно, знали обо всех его достоинствах. Причина, по которой древние германцы не приняли лук, была та же, что и позже у рыцарей. Стрель-

ба из лука в противника, чье оружие приспособлено только для ближнего боя, не соответствовала их понятиям о благородстве на войне.

Отрицание лука было присуще всем германским племенам. Римляне и византийцы имели в своих армиях множество лучников, вооруженных мощными композитными луками. На Востоке профессиональные воины в обязательном порядке овладевали стрельбой из лука на скаку. Богато украшенные луки были для благородных восточных воинов лучшим подарком, а для восточных владык позолоченный лук служил символом власти. Германцы же луки никогда не украшали и стреляли из них только на охоте.

С исчезновением Западной Римской империи и политическим возвышением германской аристократии презрение к луку становится в Европе едва ли не всеобщим. В последующую тысячу лет это очень дорого обошлось западным воинам в Испании и Святой земле, где крестоносцы сильно страдали от молниеносных атак сарацинских конных лучников. Бессильны оказались рыцари и перед монголами, и только распри в монгольской верхушке спасли Европу от порабощения.

Опыт поражений очень долго оставался в Европе не востребован. Более того, предпринимались действия, с точки зрения современного человека, абсолютно нелогичные. Например, пытались запретить военное использование лука и арбалета; доходило до вещей просто странных, когда арбалетчиков приравнивали к хирургам из-за их особо «кровавого» ремесла. И уж конечно, считалось, что лук никак не подходит для защиты чести.

К счастью для себя, западные рыцари, как правило, имели дело с противниками, вооруженными так же, как они сами. Но тем, кто воевал в Палестине, антилуковые настроения могли стоить жизни. Поэтому с XII века в Святой земле и по всему Средиземноморью христиане начинают нанимать на службу сарацинских лучников. Таких наемников называли «туркопулами»; Фридрих II не раз использовал их в своих походах. Несколько позже жизнь все-таки взяла свое, и в западных армиях появились собственные лучники и арбалетчики. Они обычно передвигались на лоша-

дах, которые обеспечивали им мобильность во время марша и давали возможность преследовать бежавшего врага, но никто не ожидал от них стрельбы на ходу, то есть тактики неверных. Кодекс чести, принятый высшим классом, диктовал тактику боя не только рыцарям, но и социально более низким слоям.

Несколько исключений из общего правила только усиливали мнение, что для профессионального конного воина, особенно принадлежащего к рыцарскому классу, неблагородно носить лук. В VI веке хроник франков Григорий Турский упоминает графа Людаста, который носил колчан поверх кольчуги. По всем остальным признакам граф являлся членом воинской элиты. Но о луке Григорий Турский упоминает неспроста — чтобы показать, что граф был выскочкой. Повар, волею судеб ставший графом, Людаст не обладал качествами благородного воина!

В Средние века изображение рыцаря на боевом коне, но с луком в руках являлось художественным приемом, символизирующим трусость и отсутствие благородства. Впрочем, в этом не было ничего оригинального. В пьесе Еврипида, написанной еще в V веке до н. э., один из героев порочит доблесть Геракла: «Он никогда не носил щит или копье. Он использовал лук, оружие труса — чтобы ударить и убежать. Луки не делают героев. Настоящий мужчина только тот, кто тверд духом и осмелится стать против копья». Отец Геракла говорит в его защиту: «Человек, искусный в стрельбе из лука, может послать град стрел и еще что-то сохранить в запасе. Он может сохранять дистанцию так, что враг никогда не увидит его, только его стрелы. Он никогда не подставляется врагу. Это первое правило войны — нанести вред врагу, причем как можно больший, и при этом самому остаться невредимым».

Даже когда были изобретены другие виды дальнобойного оружия, предубеждение против лука продолжало сохраняться. Так чисто аристократический предрассудок, рожденный германской военной демократией в незапамятные времена, определил характер ведения боя на целую тысячу лет вперед. Это самый примечательный случай социального жеманства, считает британский историк Т. Ньюарк³¹⁴.

Обоснованность этого мнения представляется очевидной, если взглянуть на защитное вооружение народов Востока, где излишне тяжелых, цельнометаллических доспехов никогда не существовало именно потому, что главным оружием боя на протяжении всего Средневековья оставался лук. В особенности хорошо это видно на примере самураев в Японии, где понятия «стрелять из лука» и «воевать» во все времена являлись тождественными.

Впрочем, в Японии тоже не обошлось без «социального жеманства», только оно приобрело иное направление. Здесь в период Эдо начали игнорировать огнестрельное оружие, посчитав его оружием простолюдинов, тогда как искусство владения мечом, требовавшее досуга и немалых средств, имевшихся только у самураев, стало едва ли не главным показателем рыцарского достоинства. Убить врага из ружья издали, так же как и для западноевропейского рыцаря выстрелить в своего «собрата» из лука, было для самурая немислимо по морально-этическим соображениям, перед которыми на второй план отступала всякая военная целесообразность...

Примечания

- ¹ См. подробнее: Пол Д., Робинсон Ч. М. Ацтеки и конкистадоры. Гибель великой цивилизации. М., 2009.
- ² Suvner G. Bronze age warlord // Military illustrated. № 106. P. 31–32.
- ³ Oakeshott E. The Archaeology of Weapons. Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry. L., 1999. P. 25, 26, 46.
- ⁴ Fields N. Bronze Age War Chariot. Oxford, 2006. P. 33.
- ⁵ Dawson D. The first Armies. L., 2011. P. 6. Правда, с августа 2011 года, по сообщениям электронных средств массовой информации, на первенство в деле одомашнивания лошади претендует археологическая культура Аль-Магар в Саудовской Аравии. Останки и изображения лошадей, обнаруженные здесь, свидетельствуют о ремесле древних, тесно связанном с лошадьми. Радиоуглеродный анализ находок показал, что им никак не меньше 9000 лет.
- ⁶ Ibid. P. 83–84.
- ⁷ Слово «лошадь» восточные славяне переняли у тюркских народов, у которых оно звучало как «алоша». Произошло это во время перекочевок тюркских племен в южнорусских степях, когда они очень близко сталкивались со славянами Приднепровья. Слова «конь», «кобыла» встречаются в языках многих славянских народов, а их корни восходят к индоевропейскому праязыку; недаром похожи на них слова «кабаль», «шеваль», от которых в Испании и во Франции произошли наименования целых сословий конных воинов-дворян: кавальеро и шевалье, да и сам термин «кавалерия» тоже!
- ⁸ Healy M. The Ancient Assyrians. Oxford, 1991. P. 58.

- ⁹ Ibid. P. 8–9.
- ¹⁰ Vuksic V. Grbasic Z. Cavalry. The history of fighting elite 658 BC — AD1914. L., 1994. P. 38–39.
- ¹¹ См. подробнее: Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003.
- ¹² Newark T. Barbarians. Hong Kong, 1998. P. 6.
- ¹³ Macdowall S. Late Roman cavalryman 236–565 AD. L., 1994. P. 152–153.
- ¹⁴ Borg A. Arms and armour in Britain. L., 1979. P. 27.
- ¹⁵ Робинсон Р. Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения. М., 2006. С. 11.
- ¹⁶ Robinson H. R. The armour of Roman Legions. Ermine Street Guard. 1976. P. 29.
- ¹⁷ Simkins M. Warriors of Rome. L., 1992. P. 48.
- ¹⁸ Robinson H. R. The armour of Roman Legions... P. 38.
- ¹⁹ Робинсон Р. Доспехи... С. 15.
- ²⁰ Gorelik M. V. Warriors of Eurasia. From the VIII century BC to the XVII century AD. Stockport, 1995. P. 46–47.
- ²¹ Робинсон Р. Доспехи... С. 19.
- ²² Tomas M. Roman armour // Military Modelling. 1999 / Vol. 29. № 5. P. 35.
- ²³ Ibid. P. 35.
- ²⁴ Price P. An interesting finds of «Lorica plumata» from Roman fortress at UK // Bishop M. C. Roman military equipment: Proceedings of a similar held in the department of Ancient history and classical archaeology at the University of Sheffield (21 March. 1983 Sheffield). P. 12–13.
- ²⁵ Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 233.
- ²⁶ Robinson H. R. Arms and armour... P. 25.
- ²⁷ Робинсон Р. Доспехи... С. 21.
- ²⁸ Nicolle D. Armies of the Caliphates 862–1098. Oxford, 1998. P. 15.
- ²⁹ Cartledge P. Hoplites and heroes: Sparta's Contribution to the Technique of Ancient Warfare // Journal of Hellenic Studies 97. 1977. P. 11–27.
- ³⁰ Секунда Н. Армия Спарты. М., 2004. С. 53.
- ³¹ Norman A. V. B., Pottinger D. Warrior to soldier 449 to 1660. L., 1964. P. 189.
- ³² Секунда Н. Армия Александра Великого. М., 2004. С. 51.
- ³³ Окшотт Э. Археология... С. 48.
- ³⁴ Dawson D. The First... P. 75.
- ³⁵ Healy M. The Ancient Assyrians. P. 15.

- ³⁶ Секунда Н. Армия Спарты. С. 53, 54.
- ³⁷ Окшотт Э. Археология... С. 49.
- ³⁸ Macdowall S. Late Roman infantryman 236–565 AD. L., 1994. P. 4, 53. ILL. E.
- ³⁹ Wilcox P. Rome's enemies 3. Parthians and Sassanid Persian. L., 1986. P. 14, 17, 23.
- ⁴⁰ Робинсон Р. Доспехи... С. 90.
- ⁴¹ Simkins M. The Roman army from Caesar to Trajan. L., 1984. P. 31, 73, 87, 88–89; Wilcox P. Rome's enemies 3. Parthians and Sassanid Persian. 1986. P. 14, 23.
- ⁴² Simkins M. Warriors... P. 140, 142.
- ⁴³ Ibid. P. 39, 44.
- ⁴⁴ Окшотт Э. Археология... С. 46–47.
- ⁴⁵ Секунда Н. Армия Спарты. С. 55.
- ⁴⁶ Коннолли П. Греция и... С. 260; А также: Sekunda N., Northwood S. Early Roman's armies. L., 1995; Simkins M. The Roman army from Hadrian to Constantine. L., 1998; Wilcox P. Rome's enemies 2 — Gallic and British Celts. L., 1994; Wilcox P. Rome's enemies 3 — Parthians and Sassanid Persians. L., 1993; Trevino R. Rome's enemies 4 — Spanish armies. L., 1993; Nicolle D. Rome's enemies 5 — The desert frontier. L., 1991.
- ⁴⁷ Окшотт Э. Археология... С. 108.
- ⁴⁸ Окшотт Э. Археология... С. 115.
- ⁴⁹ Rudgley R. Barbarians. Secrets of the Dark Ages. L., 1992. P. 127.
- ⁵⁰ Окшотт Э. Археология... С. 142.
- ⁵¹ Rudgley R. Barbarians... P. 176.
- ⁵² Norman A. V. B., Pottinger D. Warrior to soldier... P. 17.
- ⁵³ Nicolle D. The age of Charlemagne. L., 1984. P. 10–11.
- ⁵⁴ Nicolle D. The age of Charlemagne. P. 11.
- ⁵⁵ Nicolle D. Atilla and the Nomad Hordes. L., 1990. P. 24, 25.
- ⁵⁶ По мнению Э. Окшотта, изложенному в его книге «Археология оружия», племена готов использовали стремени уже в 378 г., благодаря чему они и одержали победу над римлянами при Адрианополе. (Указ. соч. с. 98.) В свете последних археологических данных подобное утверждение весьма сомнительно.
- ⁵⁷ Nicolle D. Attila... P. 15.
- ⁵⁸ Boss R. Justian's wars. L.: Montvert, 1993. P. 72.
- ⁵⁹ Nicolle D. Warfare and technology // Medieval world. May/June, 1992. P. 49.
- ⁶⁰ Ibid. P. 49.

- ⁶¹ Nicolle D. *Yarmuk 636 AD*. L., 1994. P. 30–31.
- ⁶² Nicolle D. *Romano-Byzantine armies 4th — 9th centuries*. L., 1992. P. 24–25.
- ⁶³ Nicolle D. *Warfare and technology*. P. 53.
- ⁶⁴ Nicolle D. *Romano-Byzantine...* P. 26.
- ⁶⁵ Nicolle D. *Warfare and technology*. P. 54.
- ⁶⁶ Peers C. J. *Imperial Chinese armies: (1) 200BC — 589AD*. L., 1995. P. 46.
- ⁶⁷ Rugley R. *Barbarians...* P. 96.
- ⁶⁸ Turnbull S. R. *The Mongols*. L., 1982. P. 12.
- ⁶⁹ Peers C. J. *Imperial Chinese armies: (2) 200BC — 589AD*. L., 1995. P. 20.
- ⁷⁰ Peers C. J. *Imperial Chinese armies: 590–1260AD (2)*. L., 1992. P. 35.
- ⁷¹ Peers C. J. (2) *Imperial Chinese armies...* P. 20. ILL. E.
- ⁷² Peers C. J. (2) *Imperial Chinese armies...* P. 24.
- ⁷³ *Ibid.* P. 34, 37.
- ⁷⁴ Peers C. J. (2) *Imperial Chinese armies...* P. 47.
- ⁷⁵ Peers C. J. *Imperial Chinese armies*. P. 46.
- ⁷⁶ Peers C. J. *Imperial Chinese Armies*. P. 43.
- ⁷⁷ Peers C. J. *Imperial Chinese Armies*. P. 47.
- ⁷⁸ Peers C. J. (2) *Imperial Chinese armies*. P. 22.
- ⁷⁹ MacDowall S. *Late Roman infantryman...* P. 4, ILL. A, P. 50.
- ⁸⁰ Беннет М., Брэдбери Дж. и др. *Войны и сражения Средневековья 500–1500 гг. / Мэтью Беннет, Джим Брэдбери и др. М., 2006. С. 88.*
- ⁸¹ Nicolle D. *Arthur and the Anglo-Saxon Wars*. L., 1984. P. 23.
- ⁸² Nicolle D. *The Armies of Islam 7th — 11th centuries*. L., 1982. P. 12.
- ⁸³ Nicolle D., *Yarmuk...* P. 43.
- ⁸⁴ Nicolle D. *Armies of the caliphates 862–1098*. L., 1998. P. 17.
- ⁸⁵ Окшотт Э. *Археология...* С. 196.
- ⁸⁶ Окшотт Э. *Археология...* С. 207–208.
- ⁸⁷ Беннет И., Брэдбери Дж. и др. *Воины и сражения...* С. 79.
- ⁸⁸ Хит И. *Викинги*. М., 2004. С. 21.
- ⁸⁹ Cornwell В. *Viking arms and armour // Military illustrated*. 1989. № 1. P. 21–24.
- ⁹⁰ Окшотт Э. *Археология...* С. 182.
- ⁹¹ Окшотт Э. *Археология...* С. 181.
- ⁹² Окшотт Э. *Археология...* С. 181.
- ⁹³ Хит И. *Викинги*. М., 2004. С. 30.
- ⁹⁴ Хит И. *Викинги*. С. 17.
- ⁹⁵ Gravett C. *Norman Knight 950–1204 AD*. L., 1993. P. 4.

- ⁹⁶ Edge D., Paddock J. M. *Arms and armour of the medieval knight. An illustrated history of Weaponry in middle ages.* Avenel, New Jersey, 1996. P. 18.
- ⁹⁷ Блэр К. *Рыцарские...* С. 9
- ⁹⁸ Окшотт Э. *Археология...* С. 294.
- ⁹⁹ Граветт К., Николь Д. *Норманны. Рыцари и завоеватели.* М., 2007. С. 29.
- ¹⁰⁰ Ibid. С. 7–8.
- ¹⁰¹ Norman A. V. B., Pottinger D. *Warrior...* P. 45.
- ¹⁰² Nicolle D. *French medieval armies 1000–1300.* L., 1991. P. 35.
- ¹⁰³ Блэр К. *Рыцарские...* С. 19.
- ¹⁰⁴ Окшотт Э. *Археология...* С. 314.
- ¹⁰⁵ Окшотт Э. *Археология...* С. 315.
- ¹⁰⁶ Koch H. W. *Medieval warfare.* L., 1978. P. 72.
- ¹⁰⁷ Edge D., Paddock, J. M. *Arms and armour...* P. 44.
- ¹⁰⁸ Norman A. V. B., Pottinger D. *Warrior...* P. 47.
- ¹⁰⁹ Clements J. *Medieval Swordsmanship. Illustrated Methods and Techniques.* Boulder. USA, 1998. P. 150.
- ¹¹⁰ Окшотт Э. *Археология...* С. 318.
- ¹¹¹ Norman A. V. B., Pottinger D. *Warrior...* С. 65.
- ¹¹² Norman A. V. B., Pottinger D. *Warrior...* С. 66.
- ¹¹³ Nicolle D. *French Medieval Armies...* P. 44.
- ¹¹⁴ Окшотт Э. *Археология...* С. 315–316.
- ¹¹⁵ Norman A. V. B., Pottinger D. *Warrior...* С. 65.
- ¹¹⁶ Nicolle D. *French Medieval Armies...* P. 21.
- ¹¹⁷ Nicolle, D. *Knight of Outremer 1187–1344 AD.* L., 1996. P. 55.
- ¹¹⁸ Например, это относится к эффигии сэра Ричарда Бошана, эрла Варвика, датируемой 1450 годом и облаченной в миланские «белые доспехи». См. также: Gravett C. *English Medieval Knight 1400–1500.* L., 2001. P. 16; Граветт К. *Рыцари: история английского рыцарства 1200–1600.* М., 2010. С. 265.
- ¹¹⁹ Gravett C. *English Medieval Knight 1200–1300.* L., 2002. P. 9
- ¹²⁰ Wise T. *Armies of the Crusades.* UK. L., 1991. P. 7.
- ¹²¹ Nicolle D. *The Third Crusade 1191.* L., 2006. P. 26.
- ¹²² Блэр К. *Рыцарские доспехи Европы.* М., 2006. С. 28.
- ¹²³ Nicolle D. *Knight Hospitaller (1) 1100–1306.* L., 2001. P. 29.
- ¹²⁴ Nicolle D. *Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350.* L., 1999. Vol. 1. P. 234, 474.
- ¹²⁵ Nicolle D. *Knight Hospitaller (2) 1306–1565.* L., 2001. P. 45.
- ¹²⁶ Nicolle D. *Arms and Armour...* P. 271, 502.

- ¹²⁷ Граветт К. Рыцари: история английского рыцарства... С. 78.
- ¹²⁸ Wise T. *Armies...* P.14.
- ¹²⁹ Lindholm D., Nicolle D. *The Scandinavian Baltic Crusades 1100–1500*. L., 2007. P. 11.
- ¹³⁰ Gravett C. *English Medieval Knight 1300–1400*. L., 2002. P. 10.
- ¹³¹ Nicolle D. *Arms and Armour...* P. 201, 454.
- ¹³² Окшотт Э. *Археология...* С. 317.
- ¹³³ Gravett C. *English Medieval Knight 1300–1400...* P. 51.
- ¹³⁴ *Ibid.* P. 23.
- ¹³⁵ *Ibid.* P. 24.
- ¹³⁶ *Ibid.* P. 15.
- ¹³⁷ Edge D., Paddock, J. M. *Arms and armour...* P. 87.
- ¹³⁸ Gravett C. *English Medieval Knight 1300–1400...* P. 28.
- ¹³⁹ Nicolle D. *Arms and Armour...* P. 139, 422.
- ¹⁴⁰ *Ibid.* P.139, 422.
- ¹⁴¹ Nicolle D. *Knight Hospitaller (2) 1306–1565...* P. 6.
- ¹⁴² Gravett C. *English Medieval Knight 1400–1500...* P.18.
- ¹⁴³ Gravett C. *English Medieval Knight 1400–1500...* P.16.
- ¹⁴⁴ *Ibid.* P. 16
- ¹⁴⁵ Gravett C. *English Medieval Knight 1300–1400...* P. 5.
- ¹⁴⁶ Робинсон Р. *Доспехи...* С. 34.
- ¹⁴⁷ Nicolle D. *Sons of Attila (Central Asian warriors, 6th to 7th centuries AD) // Military illustrated № 86*. P. 30–31.
- ¹⁴⁸ Nicolle D. *Armies of the Caliphates...* P. 15.
- ¹⁴⁹ Робинсон Р. *Доспехи...* С. 36.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 36.
- ¹⁵¹ Wise T. *Medieval European Armies*. Oxford, 1975. P. 28.
- ¹⁵² Робинсон. Р. *Доспехи...* С. 37.
- ¹⁵³ Там же. С. 38–39.
- ¹⁵⁴ Считается, что первую редакцию поэмы Фирдоуси закончил в 994 году, а вторую — в 1010 году.
- ¹⁵⁵ Робинсон Р. *Доспехи...* С. 40.
- ¹⁵⁶ Heath I. *Armies of the Middle Age*. Worthing, Sussex. Volume 2. P. 115.
- ¹⁵⁷ Робинсон Р. *Доспехи...* С. 62.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 43.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 52.
- ¹⁶⁰ Nicolle D. *Saracen Faris 1050–1250 AD*. L., 1994. P. 32.
- ¹⁶¹ Nicolle D. *Saracen Faris...* P. 8–9.
- ¹⁶² *Ibid.* P. 11.
- ¹⁶³ *Ibid.* P. 13.

- ¹⁶⁴ Nicolle D. *The Third Crusade*. P. 26.
- ¹⁶⁵ Nicolle D. *Romano-Byzantine armies 4th — 9th centuries...* P. 46.
- ¹⁶⁶ Nicolle D. *Saracen Faris...* P. 14.
- ¹⁶⁷ Verbruggen J. F. *The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages from the Eighth Century to 1340*. Amsterdam — N. Y. Oxford, 1977. P. 29–30.
- ¹⁶⁸ Nicolle D. *Saracen Faris...* P. 14.
- ¹⁶⁹ Интересно сравнить эти данные с размером парфянских мечей, длина которых достигала по К. Фарруху 1–1,1 метра в длину при ширине 5–8,5 сантиметра. — Farrokh K. *Sassanian Elite Cavalry 224–642 AD*. Oxford, 2005. P. 11.
- ¹⁷⁰ Nicolle D. *Saracen Faris...* P. 46.
- ¹⁷¹ Nicolle D. *Knight of Outremer 1187–1344 AD*. L., 1996. P. 53.
- ¹⁷² Робинсон Р. *Доспехи...* С. 97.
- ¹⁷³ Там же. С. 100.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 75.
- ¹⁷⁵ Nicolle D. *Romano-Byzantine armies...* P. 45.
- ¹⁷⁶ Робинсон Р. *Доспехи...* С. 130.
- ¹⁷⁷ Юнусова С. Восточное рыцарство (в сравнении с западным) // *Вопросы истории*. 1986. № 10. С. 101–112.
- ¹⁷⁸ Nicolle D. *Knight of Autremer*. P. 55.
- ¹⁷⁹ Nicolle, D. *French medieval...* P. 21.
- ¹⁸⁰ *Ibid.* P. 39.
- ¹⁸¹ Richardson T., *The elephant armour* / T. Richardson, D. Stevens // *Royal armouries*. 1996. Vol. 1. P. 102–106.
- ¹⁸² Блэр К. *Рыцарские...* С. 78.
- ¹⁸³ Edge D., Paddock, J. M. *Arms and armour...* P. 99.
- ¹⁸⁴ *Ibid.* P. 139.
- ¹⁸⁵ Borg A. *Arms and armour...* P. 20.
- ¹⁸⁶ Edge D., Paddock J. M. *Arms and armour...* P. 99.
- ¹⁸⁷ *Ibid.* P. 99–100.
- ¹⁸⁸ Николле Д. *Французская армия в Столетней войне*. М., 2004. С. 54.
- ¹⁸⁹ Наглядно это продемонстрировали отечественные кинематографисты в фильме «Черная стрела», где король Ричард III при каждом удобном случае тут же снимает шлем и передает его оруженосцу.
- ¹⁹⁰ Borg A. *Arms and armour...* P. 20.
- ¹⁹¹ Николле Д. *Французская армия...* С. 42.
- ¹⁹² Nicolle D. *Fernando EL Catolico* // *Military illustrated*. 1992. № 1. P. 48–49.

- 193 Edge D., Paddock J. M. *Arms and armour...* P. 122.
- 194 *Ibid.* P. 123.
- 195 Николле Д. Французская армия... С. 18.
- 196 Norman A. V. B., Pottinger, D. *Warrior...* P. 164.
- 197 Edge D., Paddock J. M. *Arms and armour...* P. 106.
- 198 Nicolle D. *The Venetian empire 1200–1670.* L., 1989. P. 42.
- 199 Edge D., Paddock, J. M. *Arms and armour...* P. 110.
- 200 *Ibid.* P. 113.
- 201 Nicolas M. *Armies...* P. 31.
- 202 *Ibid.* P. 30.
- 203 Nicolle D. *Hungry and fall of Eastern 1000–1568.* L., 1988. P. 8.
- 204 Nicolle D. *Last Roman elite // Military illustrated.* 1999. № 134. P. 34.
- 205 Nicolle, D. *Last Roman...* P. 35.
- 206 *Ibid.* P. 36.
- 207 Окшотт Э. *Археология...* С. 238.
- 208 Там же. С. 241.
- 209 Там же. С. 255.
- 210 Там же. С. 258.
- 211 Edge D., Paddock J. M. *Arms and armour...* P. 88.
- 212 Окшотт Э. *Археология...* С. 262.
- 213 Rochero C. *The Scottish and Welsh...* P. 12, 26.
- 214 Окшотт Э. *Археология...* С. 296.
- 215 Там же. С. 290.
- 216 Borg A. *Arms and armour...* P. 12–13.
- 217 Nicolle D. *Knight of Outremer...* P. 53
- 218 Окшотт Э. *Археология...* С. 385–386.
- 219 Clements J. *Medieval...* P. 40.
- 220 Norman A. V. B., Pottinger D. *Warrior...* P. 100.
- 221 Rothero C. *The Scottish and Welsh...* P. 12, 26.
- 222 Clements J. *Medieval...* P. 41.
- 223 Clements, J. *Medieval...* P. 58.
- 224 Norman, A. V. B., Pottinger, D. *Warrior...* P. 208–209.
- 225 Richardson T. *The Armour...* P. 32.
- 226 Richardson T. *The Armour and arms of Henry VIII.* Leeds. Royal armouries Museum, 2002. P.48.
- 227 Окшотт Э. *Археология...* С. 343.
- 228 Borg A. *Arms and armour...* P. 24.
- 229 *Armours of Henry VIII.* L.: Her Majesty's stationery office, 1977. P. 1.
- 230 Richardson T. *The Armour...* P. 20.
- 231 *Ibid.* P. 41.

- 232 Ibid. P. 24, 35.
- 233 Ibid. P. 32.
- 234 Richardson T. The Armour... P. 30.
- 235 Barlett C. English Longbowman 1330—1515. L., 1995. P. 4.
- 236 Nicolle D. Italian Medieval Armies 1300—1500. L., 1983. P. 18.
- 237 Edge D., Paddock J. M. Arms and armour... P. 149.
- 238 Ibid. P. 139.
- 239 Edge D., Paddock J. M. Arms and armour... P. 145.
- 240 Ibid. P. 148.
- 241 Ibid. P. 155—156.
- 242 Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. The history... P. 100—101.
- 243 Miller D. The Landsknechts. L., 1976. P. 19.
- 244 Norman A. V. B., Pottinger D. Warrior... P. 174.
- 245 Ibid. P. 165.
- 246 Ibid. P. 10.
- 247 Блэр К. Рыцарские... С. 122; Мэн Д. Заметки о доспехах максимилиановского периода и итальянских войн // журнал «Археология», LXXXIX, 218.
- 248 Wise T. Medieval European armies. P. 13.
- 249 Norman A. V. B., Pottinger D. Warrior... P. 157.
- 250 Блэр К. Рыцарские... С. 122.
- 251 Miller D. The Landsknechts. P. 36.
- 252 Блэр К. Рыцарские... С. 127.
- 253 Nicolle D. Fernando EL Catolico. P. 49.
- 254 Блэр К. Рыцарские... С. 141, 143.
- 255 Робинсон Р. Доспехи... С. 101.
- 256 Блэр К. Рыцарские... С. 150—151.
- 257 Там же. С. 157.
- 258 Edge D., Paddock J. M. Arms and armour. P. 153.
- 259 Norman A. V. B., Pottinger, D. Warrior... P. 177.
- 260 Блэр К. Рыцарские... С. 158.
- 261 Там же.
- 262 Norman A. V. B., Pottinger, D. Warrior... P. 173.
- 263 Ibid. P. 182—183.
- 264 Ibid. P. 184.
- 265 Блэр К. Рыцарские... С. 159.
- 266 Young P. The English civil war // The cavalry. Edited by Lawford J. The Bobbs — Merril company. Indianapolis, New York, 1976. P. 100.
- 267 Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. P. 120.
- 268 Norman A. V. B., Pottinger D. Warrior... P. 199, 201.

- 269 Norman A. V. B., Pottinger D. Warrior... P. 204.
- 270 Ibid. P. 186–188.
- 271 Ibid. P. 190.
- 272 Ibid. P. 208.
- 273 Блэр К. Рыцарские... С. 164–165.
- 274 Там же. С. 168–169.
- 275 Shpakovsky V., Nicolle, D. Armies of Ivan the Terrible. Russian troops 1505–1700. Oxford, 2005. P. 45.
- 276 Ibid. P. 46.
- 277 Робинсон Р. Доспехи... С. 65.
- 278 Слейтер С. Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2006. С.11.
- 279 Там же. С. 30–31.
- 280 Turnbull, S. R. Samurai Armies 1550–1615. L., 1984. P. 35, 37.
- 281 Тернбулл С. Символика японских самураев. М., 2007. С. 23.
- 282 Тернбулл С. Символика... С.21.
- 283 Курэ М. Самураи. Иллюстрированная история. М., 2007. С. 167.
- 284 Turnbull S. R. Samurai Heraldry. Oxford, 2002. P.4.
- 285 Тернбулл С. Символика... С.40
- 286 Курэ М. Самураи... С. 12.
- 287 Курэ М. Самураи... С. 28.
- 288 Тернбулл С. Самураи. Военная история. Спб. С. 50.
- 289 Робинсон Р. Доспехи... С. 223.
- 290 Turnbull S. R. Samurai armies 1550–1615. L., 1979. P. 21.
- 291 Курэ М. Самураи... С. 38.
- 292 Тернбулл С. Самураи... С. 161.
- 293 Брайант Э. Самураи. М., 2005. С. 63.
- 294 Тернбулл С. Самураи. С. 62.
- 295 Робинсон Р. Доспехи... С. 230.
- 296 Там же. С. 214.
- 297 Курэ М. Самураи... С. 68.
- 298 Тернбулл С. Самураи... С. 218–219.
- 299 Брайант Э. Самураи... С. 67.
- 300 Там же. С. 67.
- 301 Брайант Э. Самураи... С. 68–69.
- 302 Брайант Э. Самураи... С. 70–71.
- 303 Bottomley I. An Introduction to Japanese Armour. Leeds. Royal armories Museum. The trustees of the armouries, 2002. P. 14.
- 304 Курэ М. Самураи... С. 128.
- 305 Брайант Э. Самураи... С. 71.

- ³⁰⁶ Робинсон Р. Доспехи... С. 263–264.
- ³⁰⁷ Bottomley I. A remarkable armour//Royal armouries yearbook. Vol. 2. L., 1997. P. 147.
- ³⁰⁸ Bottomley I. A remarkable armour... P. 147.
- ³⁰⁹ Курэ М. Самураи... С. 86.
- ³¹⁰ Turnbull S. R. Samurai armies... P. 17.
- ³¹¹ Koch H. W. Medieval warfare... P. 245.
- ³¹² Тернбулл С. Самураи... С. 304.
- ³¹³ Курэ М. Самураи... С. 170.
- ³¹⁴ Newark, T. Why knights never used bows (Horse Archery in Western Europe) // Military illustrated. 1995. № 81, February. P. 36–39.

Содержание

Глава первая. Когда рыцарей еще не было	7
Глава вторая. Под грозной броней ты не ведаешь ран	21
Глава третья. О предках рыцарского меча	33
Глава четвертая. О воинах Темных веков	40
Глава пятая. Всадники Поднебесной империи	52
Глава шестая. Всадники Карла Великого	63
Глава седьмая. Воинственные люди с севера	69
Глава восьмая. Рыцари с «Байесского полотна»	73
Глава девятая. О рыцарях эпохи кольчуги	77
Глава десятая. О рыцарях «переходного периода»	90
Глава одиннадцатая. Рыцари из «Шахнаме»	102
Глава двенадцатая. О рыцарях в «белых доспехах».	119
Глава тринадцатая. Баллада о рыцарских мечах	133
Глава четырнадцатая. Доспехи Генриха VIII	140
Глава пятнадцатая. Закат эпохи рыцарских доспехов	152
Глава шестнадцатая. Рыцари и гербы	163
Глава семнадцатая. Рыцари-самураи.	172
Заключение. Рыцари лукофобы и рыцари лукофилы	187
<i>Примечания</i>	192

Шпаковский В.

Ш83 История рыцарского вооружения / Вячеслав Шпаковский. — М. : Ломоносовъ, — 2013. — 208 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-164-9

Книга Вячеслава Шпаковского рассказывает, как на протяжении почти тысячи лет эволюционировало рыцарское оружие от прямых клинков гуннского типа до легендарных гигантских двуручных мечей и как вместо кольчуг в конце концов появились знаменитые «белые доспехи» из полированной стали. Автор не ограничивается Европой, а по мере необходимости совершает экскурсии на Восток и в отдельных главах сообщает немало интересного о тяжеловооруженных всадниках Арабского халифата, Персии, Турции, Японии и Китая.

УДК 94(4)“476/1600”

ББК 63.3.(0).4

История. География. Этнография

Вячеслав Шпаковский

История рыцарского вооружения

Редактор В. Кукушкин
Верстка А. Кашафутдиновой

Подписано в печать 04.12.2012.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13.
Тираж 1200 экз. Заказ № 1530.
ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО
«Можайский полиграфический комбинат»
143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.rf
тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. Земля — вид сверху
Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана»
Владислав Петров. Три карты усатой княгини
Свен Хедин. В сердце Азии
Геннадий Коваленко. Русские и шведы от Рюрика до Ленина
Лев Минц. Придуманные люди с острова Минданао
Бенгт Янгфельдт. От варягов до Нобеля
Олег Ивик. История человеческих жертвоприношений
Анна Мурадова. Кельты анфас и в профиль
Даниэль Клугер. Тайна капитана Немо
Валерий Гуляев. Доколумбовы плавания в Америку
Светлана Плетнева. Половцы
Ким Малаховский. Пираты британской короны Фрэнсис Дрейк
и Уильям Дампир
Алексис Трубецкой. Крымская война
Валерий Гуляев. Загадки индейских цивилизаций
Олег Ивик. Женщины-воины: от амазонок до куноити
Виолен Вануайек. Великие загадки Древнего Египта
Яков Свет. За кормой сто тысяч ли
Лев Минц. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок
Аксель Одельберг. Невыдуманные приключения Свена Хедина
Гомбожаб Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета
Никита Кривцов. Сейшелы — осколки трех континентов
Олег Ивик. История сексуальных запретов и предписаний
Виктор Бердинских. Речи немых

Светлана Федорова. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски

Стаффан Скотт. Династия Бернадотов: короли, принцы и прочие...

Геннадий Левицкий. Самые богатые люди Древнего мира

Георгий Вернадский. Монголы и Русь

Наталья Пушкарева. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница

Виталий Белявский. Вавилон легендарный и Вавилон исторический

Олег Ивик. История и зоология мифических животных

Лев Карсавин. Монашество в Средние века

Владислав Петров. Древняя история смерти

Олег Ивик. Еда Древнего мира

Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана

Вашингтон Ирвинг. Жизнь пророка Мухаммеда

Владимир Новиков. Русская литературная усадьба

Отечественная война 1812 года глазами современников

Наталья Пушкарева. Частная жизнь русской женщины XVIII века

Сергей Ольденбург. Конфуций. Будда Шакьямуни

Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простых вещей

Генрих Бёмер. История ордена иезуитов

Алексей Смирнов. Скифы

Андрей Снесарев. Невероятная Индия: религии, касты, обычаи

Генри Чарлз Ли. Возникновение и устройство инквизиции

Олег Ивик, Владимир Ключников. Хазары

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

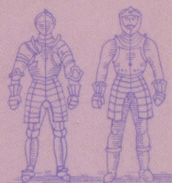
www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Вячеслав
Шпаковский
История
рыцарского
вооружения

Всех рыцарей — защитников слабых и хладнокровных убийц, поэтов-трубадуров и безграмотных невежд, истовых христиан и разорителей церквей — объединяла принадлежность к особому военно-дворянскому сословию, которое, с годами превратившись в наследственную аристократию, на протяжении почти тысячи лет играло важную роль в судьбах Европы. Обязательной принадлежностью этого сословия были конь и тяжелое вооружение. Книга Вячеслава Шпаковского рассказывает, как эволюционировало рыцарское оружие от прямых клинков гуннского типа до легендарных гигантских двуручных мечей и как вместо кольчуг в конце концов появились знаменитые «белые доспехи» из полированной стали. При этом автор не ограничивается Европой, а по мере необходимости совершает экскурсии на Восток и сообщает немало интересного о тяжеловооруженных всадниках Арабского халифата, Персии, Турции, Японии и Китая...

ISBN 978-5-91678-164-9

9 785916 781649